

12+

Литературно-художественный журнал

5
2021
(115)

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

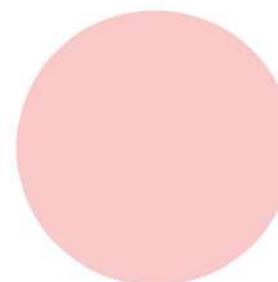

Герой номера
Алёна Иванова

В фокусе
Творческое сотрудничество
как залог успеха

Тема номера
Неизведанное рядом

Редколлегия

Главный редактор **М. В. Соседко**

Редактор **Н. П. Гаврикова**

Литературный консультант
член **Союза писателей России**

И. И. Малкова

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**

Корректоры: **Г. В. Дони́на, А. В. Ушакова**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-44356

от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель

Суховойко Денис Александрович

Адрес редакции

654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя

653039, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44.

Для писем

654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел.: 8-913-429-2503

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
izdat-kniga.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства

«Союз писателей»,

Россия, Кемеровская обл.,

г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.

Подписано в печать 12.10.2021

Журнал вышел в свет 18.10.2021

Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «PT Serif».

134 стр. Тираж 3000 экз.

Цена договорная.

Литературно-художественный журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 5/2021 (115)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

*Тайны и загадки
окружающего мира* 3

Литературный календарь

Юбилей..... 4
События 6
Конкурсы..... 7

Герой номера

*Мистика с точки зрения культурологии
и искусства. Взгляд Алёны Ивановой*..... 8

В фокусе

*Неопознанное с точки зрения науки.
Интервью с Ольгой Гладышевой*..... 18
*Творческое сотрудничество
как залог успеха*..... 20

На книжных полках

*История одного преступления,
от случайности до закономерности*..... 27
*Многогранная поэзия Василия
Серебрянского*..... 28
Волшебный мир детства 29

Рецензии и критика

*Философские мотивы легенды
«Волшебный светильник, или Поэма
о Буюке и Гюли» Адриана Фаравана* 30
*Фэнтези — пустышка? Опровержение
на примере романа Анюты Соколовой
«Морфа»*..... 33

Психология творчества

<i>Пробуй, или У каждого из нас есть ресурсы, чтобы творить чудеса</i>	35
--	----

Тема номера

Eugenie et Stephane <i>Дыши!</i>	37
Татьяна Голикова <i>Подсказка для Веры</i>	43
Алёна Иванова <i>Стихотворения</i>	50
Николай Кадыков <i>Рецепт</i>	55
Ольга Кузьмина <i>Музыка за оградой кладбища</i>	58
Алекс О. <i>Folly</i>	61
Татьяна Панкина <i>Стихотворения</i>	66
Анюта Соколова <i>Дороги и сны</i>	69
Дмитрий Хатуцкий <i>НИОКР</i>	73

Поэзия

Мария Мартынова	76
Елена Никулина	79
Станислав Петросян	80

Проза и публицистика

Лариса Агафонова <i>Лидочка</i>	81
Ульяна Домашина <i>Шойна</i>	83
Игорь Екимов <i>Шаги смерти</i>	85
Вячеслав Злобин-Алтайский <i>Мой друг</i>	87
Александра Ильина <i>Унгайкё</i>	96
Роман Мириев <i>Запах яблок</i>	102
Елена Нестерова <i>Сказы мудрого зайца</i>	105
Екатерина Очерк <i>Не мой сценарий</i>	111

Неординариум

Джеймс Блэксуэн <i>Инквизитор</i>	114
Ася и Серафима Кузьмины <i>Кот 20520 из туманности 6334</i>	122

МДЛК «Озарёнок»

<i>Литературная гостиная под открытым небом «НАУМОВСКИЙ ВЕРЕТЕНЬ»</i>	127
---	-----

Цветные зонтики

Василиса Кошкина <i>Апчхоня, Апчхуся и Апчхида</i>	132
<i>Микробчики</i>	133

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Литературно-художественный журнал

3 2021 год

Присоединяйтесь к нам в соцсетях

Тайны и загадки окружающего мира

Осень ворвалась в нашу жизнь, раскрашивая её яркими красками и даря новый выпуск журнала «Союз писателей». Мистические рассказы, полные невероятных событий, взбудоражат фантазию читателей в теме номера «Неизведанное рядом».

На первых страницах традиционно расположился «Литературный календарь». В нём собраны все осенние знаменательные события, включая юбилеи известных писателей, литературные конкурсы и викторины, ключевые повороты истории, связанные с книгами.

Героем выпуска стала Алёна Иванова — писательница, исследовавшая мистику с точки зрения искусства и культурологии. Она поделится своим опытом и случаями из жизни, в которых случайности не случайны, а таинственное находится совсем рядом. А вместе с ней о своём видении неизведанного расскажут Eugénie et Stéphane, Татьяна Голикова, Николай Кадыков, Ольга Кузьмина, Алекс О., Татьяна Панкина, Аня Соколова и Дмитрий Хатуцкий.

Рубрика «В фокусе» встретит читателя вместе с Ольгой Гладышевой. Как учёный и кандидат физико-математических наук, она изложит личное мнение о неопознанном и приоткроет завесу тайн о Кыштымском карлике. Другими героями рубрики стали Игорь Шепёткин и Лилия Гойзман. В удивительной коллаборации писатель и художница смогли издать невероятно душевную книгу «Под куполом Римана», о процессе создания которой они и расскажут читателям.

Философские мотивы Адриана Фарава освоятся в рубрике «Рецензии и критика», где Любовь Калинина проанализирует легенду «Волшебный светильник, или Поэма о Буюке и Гюли» и вопросы, что в ней поднимаются. А Екатерина Кузнецова до-

кажет на примере романа Аняты Соколовой «Морфа», что фэнтези — самостоятельный и серьёзный жанр литературы.

Психолог Лариса Агафонова в рубрике «Психология творчества» научит творить чудеса и не опускать руки, занимаясь любимым писательским делом.

Чтобы развеять осеннюю хандру, журнал «Союз писателей» принесёт стихи, в которые вложили душу поэты Мария Мартынова, Елена Никулина и Станислав Петросян. А раздел «Проза и публицистика» откроют интригующие произведения таких писателей, как Лариса Агафонова, Ульяна Домашина, Игорь Екимов, Вячеслав Злобин-Алтайский, Александра Ильина, Роман Мириев, Елена Нестерова и Екатерина Очерк.

Для любителей необычного рубрика «Неординариум» приготовила мистический триллер «Инквизитор» от Джеймса Блэксуэна. В нём рассказывается о семейной поездке в деревушку к родственнику, но всё ли так просто, как кажется на первый взгляд? Какие тайны хранятся за спинами местных жителей, можно узнать на страницах романа. Кроме того, Ася и Серафима Кузьмины подготовили фантастическое произведение «Кот 20520 из туманности 6334». В центре сюжета окажется девочка, мечтающая увидеть далёкий космос своими глазами, и космический кот-путешественник.

МДЛК «Озарёнок» проведёт рубрику «Литературная гостиная» под открытым небом Верховья, приглашая всех желающих на вечер стихов Нины Гавриковой. А для детей станет находкой поучительное и доброе творчество Василисы Кошкиной в разделе «Цветные зонтики».

Литературный журнал «Союз писателей» скрасит осенние вечера незабываемыми историями обо всём сказочном и неизданном, что существует рядом с нами.

Литературный календарь

Юбилеи

1 ноября — 385 лет назад в Париже родился французский поэт и теоретик классицизма **Никола Буало-Депрео**. Приобрёл широкую известность благодаря «Сатирам». Наиболее известными считаются «Sur l'homme» и «À mon esprit».

110 лет назад в Москве родился **Анри Труайя (Лев Асланович Тарасов)**, французский писатель. Занимался исследованием исторического наследия России. Автор произведения «Русские биографии» и более сотни исторических текстов.

2 ноября — 115 лет назад в городе Берлине родился русский поэт, писатель и представитель «серебряного века российской культуры» **Даниил Леонидович Андреев**. Автор религиозно-философского сочинения «Роза Мира».

3 ноября — 150 лет назад в городе Дюссельдорфе родился немецкий писатель **Ганс Гейнц Эверс**. Занимался написанием мистических рассказов и готических романов. Среди популярных произведений: «Паук», «Альрауне» и «Смерть барона фон Фриделя».

7 ноября — 130 лет назад в селе Серeda родился советский писатель-прозаик **Дмитрий Андреевич Фурманов**. Занимался военной и политической деятельностью. Широкую известность получил благодаря роману «Чапаев», по сюжету которого был поставлен одноимённый фильм.

11 ноября — 200 лет назад в Москве родился русский писатель, философ и публицист **Фёдор Михайлович Достоевский**. По данным ЮНЕСКО, признан одним из самых читаемых писателей в мире. Его повесть «Записки из Мёртвого дома» была одним из факторов возникновения жанра

психологической прозы. Наиболее значительными произведениями считаются «Преступление и наказание», «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот».

120 лет назад в городе Вятке (сов. Киров) родился советский художник и писатель **Евгений Иванович Чарушин**. Профессионально занимался иллюстрацией книг Чуковского, Пришвина, Маршака. Был автором детской литературы. Известные книги: «Волчишко и другие», «Про Томку», «Детки в клетке».

15 ноября — 280 лет назад в Цюрихе родился **Иоганн Каспар Лафатер**. Швейцарский писатель и поэт заложил основы криминальной антропологии. Одно из самых известных произведений — «Физиогномика» — с массой рисунков лучших гравёров.

19 ноября — 310 лет назад в деревне Мишанинской (ныне Ломоносово) родился русский учёный и писатель **Михаил Васильевич Ломоносов**. Проводил исследования в сфере химии, основоположник научного мореплавания и физической химии. Автор большого числа научных трудов, среди которых «Российская грамматика», «Древняя Российская история».

20 ноября — 105 лет назад в деревне Клевнево родился советский поэт, журналист и переводчик **Михаил Александрович Дудин**. Признан Героем Социалистического Труда и лауреатом Государственной премии СССР. Автор более 70 книг стихов, среди которых известны «Надпись на ядерном реакторе», «Над могилой Пушкина».

21 ноября — 155 лет назад в городе Ставангере родился **Сигбьёрн Обстфеллер**, норвежский писатель и поэт-модернист.

Его сборник «Стихотворения» признан одним из ранних образцов норвежской литературы модернизма.

22 ноября — 220 лет назад в посёлке Луганский завод (ныне Луганск) родился **Владимир Иванович Даль**, русский этнограф, врач, писатель и лексикограф. Одним из самых значимых трудов является «Толковый словарь живого великорусского языка», на создание которого ушло 53 года.

24 ноября — 195 лет назад во Флоренции родился **Карло Коллоди (Карло Лоренцини)**, итальянский писатель и журналист, автор детской книги «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы».

25 ноября — 95 лет назад в городе Бристоле родился **Пол Уильям Андерсон**, американский писатель-фантаст. Лауреат семи премий «Хьюго», премии «Гэндальф» и трёх премий «Небьюла». Среди его произведений известны: «Кладовая веков», «Буря в летнюю ночь», «Тау Ноль».

70 лет назад в Тунике родилась американская писательница и автор детективных сериалов **Шарлин Харрис**. По мотивам её серии книг «Вампирские тайны» был снят драматический сериал «Настоящая кровь». Также была экранизирована трилогия «Миднайт, Техас».

28 ноября — 140 лет назад в городе Вене родился австрийский писатель и драматург **Стефан Цвейг**. Помимо новелл и стихов, был автором беллетризованных биографий. Известные произведения: «Смятение чувств», «Шахматная новелла», «Амок».

115 лет назад в Санкт-Петербурге родился **Дмитрий Сергеевич Лихачёв**. Советский писатель и автор фундаментальных трудов, посвящённых истории русской литературы и культуры. Член Союза писателей СССР с 1965 года. Председатель Российского фонда культуры. Среди известных произведений выделяют: «Повесть временных лет», «Русская культура», «Раздумья о России».

4 декабря — 270 лет назад в Вероне родился итальянский драматург и поэт **Джованни Пиндемонте**. По мнению критиков, его лучшие трагедии — «Adelina e Roberto» и «tre baccanali di Borna».

5 декабря — 90 лет назад в селе Шиловка родился **Григор Михайлович Тютюнник**, украинский писатель и переводчик. Работал в сценарной мастерской Киевской киностудии им. Александра Довженко. Наиболее известные произведения: «Ласочка», «Смерть кавалера», «Огонёк далеко в степи».

6 декабря — 65 лет назад в городе Чаттануге родился **Артур Голден**, американский японист и писатель. Написал роман-бестселлер «Мемуары гейши», разошедшийся тиражом более 4 миллионов экземпляров.

9 декабря — 130 лет назад в Минске родился белорусский поэт и публицист **Максим Адамович Богданович**. Являлся одним из создателей белорусской литературы и современного литературного белорусского языка. Был первым, кто применил в белорусской литературе формы сонета, рондо, верлибра и триолета. Известными произведениями являются: «Двинемся, братья, скорей!», «Пан и мужик», «Межи».

10 декабря — 200 лет назад в Немирове родился русский поэт и прозаик, классик русской литературы **Николай Алексеевич Некрасов**. Руководил литературным и общественно-политическим журналом «Современники». Большую известность получил благодаря произведениям «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины», стихотворениям «Дедушка Мазай и зайцы», «Железная дорога».

12 декабря — 255 лет назад в селе Знаменском (ныне Карамзинка) родился **Николай Михайлович Карамзин**, российский историк, писатель и литератор эпохи сентиментализма. Обогастил литературный язык словами-кальками и придал современное толкование термину «промышленность». Написал историческую повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». Перевёл на русский язык трагедию «Юлий Цезарь». Издавал «Московский журнал», где был редактором.

200 лет назад в Руане родился **Гюстав Флобер**, европейский писатель XIX века, прозаик-реалист. Известность получил по-

сле написания романов «Мадам Бовари» и «Воспитание чувств».

14 декабря — 200 лет назад в деревне Грузко-Еланчинской родился **Николай Фёдорович Щербина**, русский поэт. Издал книгу «Греческие стихотворения», печатал стихи в «учёно-литературном» журнале «Москвитянин». На его стихи «После битвы» был написан романс композитором Александром Гурилёвым.

20 декабря — 130 лет назад в Риге родилась **монахиня Мария (Елизавета Юрьевна Скобцова)** — монахиня, поэтесса, мемуаристка и общественный деятель. Принимала участие в французском Сопротивлении. Канонизирована как преподобномученица. Известные книги: «Скифские черепки», «Юрали», «Руфь».

21 декабря — 225 лет назад в деревне Мясоте родился белорусский поэт **Томаш Зан**. Был членом общества филоматов и сыграл значительную роль в развитии литературного направления — революционного романтизма. Наибольшую известность ему принесла поэма «Смерть табакерки».

100 лет назад в городе Тегусигальпе родился **Аугусто Монтерросо Бонилья**, гватемальский писатель. Был кавалером

мексиканского Ордена ацтекского Орла. Лауреат мексиканских премий Хавьера Вильяуррутии и Хуана Рульфо. Среди популярных произведений можно отметить: «Вот такая живность», «Литература и жизнь», «Магия слова».

22 декабря — 190 лет назад в Бедфорде родился английский писатель **Марк Резерфорд (Уильям Хейл Уайт)**. Является создателем одного из первых пролетарских произведений в литературе Европы — романа «Революция в Тэннерс-Лейн».

24 декабря — 120 лет назад в городе Кимры родился **Александр Александрович Фадеев**, русский общественный деятель, военный корреспондент, писатель и журналист. Лауреат Сталинской премии I степени и кавалер двух Орденов Ленина. Главный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР. Наиболее известное произведение — «Молодая гвардия».

31 декабря — 250 лет назад в Быхаве родился польский поэт, критик, прозаик и публицист **Каэтан Козьмян**. Был сторонником классицизма и противником романтизма. Имел орден Св. Станислава. Известные поэмы: «Ziemiaństwo polskie», «Stefan Czarniecki» и «Pamiętniki».

События

10 ноября — Всемирный день науки за мир и развитие.

16 ноября — 75 лет назад (1945) было основано специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО.

23 ноября — 115 лет назад (1906) вышел первый номер белорусской газеты «Наша нива» в городе Вильнюсе.

85 лет назад (1936) вышел первый номер американского журнала «Life».

190 лет назад (1831) в городе Санкт-Петербурге был открыт Румянцевский музей.

26 ноября — Всемирный день информации. Проводится по инициативе Международной академии информатизации.

4 декабря — 230 лет назад (1791) был издан первый номер старейшей воскресной газеты Британии «Observer».

13 декабря — 545 лет назад (1476) Уильям Кэкстон стал первым английским перепечатником, издав написанную на латинском языке индульгенцию.

19 декабря — 155 лет назад (1866) было создано Русское телеграфное агентство.

20 декабря — 115 лет назад (1906) был впервые издан «Кобзарь» Тараса Шевченко на русском языке.

25 декабря — 125 лет назад (1896) стала выходить первая социалистическая газета Италии «Avanti!».

28 декабря — Международный день кино.

Конкурсы

Конкурс рассказов «Новая фантастика — 2022»

Актуально до **15 ноября**

Могут участвовать все желающие.

Для участия в конкурсе принимаются работы в жанре фантастики, фэнтези, мистики или ужасов. Объём — от 10 000 до 40 000 знаков без учёта пробелов. От каждого автора принимается только одна работа.

Главный приз — 50 000 рублей, а наиболее достойные работы будут напечатаны в сборнике «Новая фантастика — 2022».

Подробности: litclubbs.ru/pages/newfantastic2022.html

Конкурс исторических миниатюр «Крупички истории»

Актуально до **30 ноября**

Могут участвовать все желающие.

На конкурс принимаются исторические миниатюры, основанные на дневниках, письмах, мемуарах, достоверных источниках. Пьесы должны быть законченными. Количество действующих лиц — от 1 до 5. Объём работы — до 15 страниц.

Пьеса победителя получит сценическое воплощение в виде режиссёрского эскиза.

Подробности: www.facebook.com/krupicu.istorii

Конкурс рисованных историй «Своя книга»

Актуально до **15 декабря**

Могут участвовать все желающие от 16 лет.

Принимаются работы в виде комиксов или проектов, предназначенные для читателей старше 6 лет и не публиковавшиеся тиражами свыше 300 экземпляров.

С победителем конкурса заключается договор на издание произведения в форме книги тиражом не менее 1 500 экземпляров, а также его представление за рубежом.

Подробности: boomkniga.ru/2021/08/26/obyavlyaem-konkurs-komiksov/

Конкурс «Рассказ года — 2021»

Актуально до **31 декабря**

Могут участвовать все желающие.

К участию в конкурсе принимаются рассказы объёмом до 40 000 знаков с пробелами.

Победитель получит 100 тысяч рублей, памятную статуэтку, диплом и публикацию на официальной странице портала.

Подробности: niшукнигу.рф/page7856254.html

Мистика с точки зрения культурологии и искусства. Взгляд Алёны Ивановой

Сверхъестественное всегда было рядом. Оно привлекательно, непонятно, пугающе. В жизни каждого человека происходят события, необъяснимые с позиции науки. Как к ним относиться? Каким образом трактовать? Чтобы найти ответы, нужно оглянуться назад. Вероятно, среди многочисленных суеверий наших предков, в их культуре и традициях кроются ключи к ответам, которых не хватает современникам.

Писательница Алёна Иванова, неоднократно участвовавшая в коллективных проектах издательства «Союз писателей», публиковавшаяся на страницах одноимённого журнала, ставшая победителем фотоконкурса «Я люблю СП», на протяжении двадцати лет занималась исследованием мистики с точки зрения культурологии и искусства. В своём творчестве она делится знаниями и сделанными выводами. Алёна получила высшее лингвистическое образование, принимала активное участие в мероприятиях пяти Международных Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (на мастер-классах под руководством редакторов «толстых» литературных журналов Москвы и Санкт-Петербурга, лекциях, круглых столах, творческих встречах с известными писателями), выступала на литературных чтениях в Москве, Санкт-Петербурге и родном Озёрске, участвовала в литературных

конкурсах в разных городах, наблюдала за деятельностью авторов в Интернете.

Сегодня писательница рассказала корреспонденту пресс-службы издательства «Союз писателей» о связи материального и духовного миров, реальных и мистических компонентов. Она поделилась своим пониманием архетипов и суеверий, которые мы используем по сей день, поведала, что узнала за прошедшие годы об их происхождении, и сделала выводы по их современной интерпретации. Хотите знать больше? Давайте послушаем Алёну Иванову!

— Алёна, Вашему творчеству присущи фантастические и мистические мотивы. Для читателя, который не успел познакомиться с Вашими произведениями, можете конкретизировать, рассказать чуть подробнее, о каких именно мотивах идёт речь?

— Тему этого номера «Неизведанное рядом» можно назвать лейтмотивом моего литературного творчества. Причина кроется в мировоззрении. На экране и на страницах книг часто происходят невероятные вещи с обычными людьми. В повседневную жизнь вторгается нечто сверхъестественное, открываются порталы в иные миры. Зрители и читатели ловят себя на мысли, что, возможно, не отказались бы разнообразить скучный быт подобным образом. Кто-то ни на что не надеется и впадает в уныние, кто-то начинает искать острые ощущения в реальности, порой с риском для жизни. Но повседневность вовсе не так тосклива, как принято считать. Уверена, каждый день может стать ярким, захватывающим... и волшебным. Только это надо заметить, понять, почувствовать. Я показываю читателям такие моменты и предлагаю обратить внимание на важные вопросы в фантастических и мистических историях. Таковыми их делают сюжет, угол зрения, герой-рассказчик (например, существо из иного мира, воображаемый друг, персонаж пьесы, дерево) или же размышления о художественных произведениях на мистические темы.

— Верите ли Вы во что-то сверхъестественное, паранормальное, эзотерическое в реальной жизни? Чем подкрепляется Ваша вера или неверие?

— Да, верю. Но не в том виде, в каком это преподносят поверья и тем более массовая культура. Без сказочных спецэффектов. Я согласна с тем, что объективная истина существует вне и независимо от всякого субъективного сознания. Несмотря на стремительный прогресс науки, многое пока остаётся неизведанным — причём не только в далёком космосе, но и на Зем-

ле, рядом. Например, до сих пор обнаруживаются новые виды животных и растений. Вполне возможно, есть некая материя, энергия, неуловимая для современных приборов — несовершенных искусственных изобретений, но ощутимая для людей и животных — естественных организмов. Научное и общественное сознание консервативны и категоричны, поэтому существование этой энергии официально не признаётся. Однако среди баек и домыслов очевидцев действительно встречаются паранормальные явления.

Я с детства коллекционирую поразительные совпадения, порой даже мистические случаи из своей жизни. Сейчас уже почти не удивляюсь, принимая их как данность. Такие явления безобидны, они делают жизнь интереснее и приятнее.

— Расскажите историю из жизни, которая укрепляет Вас в мысли о том, что параллельно с привычным материальным миром есть что-то ещё, что-то, что не способна объяснить современная наука?

— Истории бывали всякие: забавные и жутковатые. Расскажу романтическую.

Один из моих любимых персонажей — Призрак Оперы, заглавный герой романа Гастона Леру и мюзикла Эндрю Ллойда Уэббера. Мне во многом близок этот образ, поэтому он появляется в разных видах творчества. Когда в Москве шла российская постановка мюзикла Уэббера, увлечение темой длилось уже пятнадцать лет. Я не ожидала однажды увидеть спектакль вживую, но судьба подарила шанс — на обратном пути с международного литературного форума. В день возвращения в столицу возникло недоразумение со временем отъезда участников. В итоге пришлось мчаться с тяжёлым чемоданом по октябрьской слякоти в конец необозримо длинной аллеи — к воротам пансионата. Если бы опоздала на автобус, в театр бы не успела. Вскочила в последнюю секунду. Отдышавшись, достала телефон. Смотрю, клавиатура не заблокирована. На экране — случайный на-

бор знаков (пока бежала, сумка была по боку и кнопки нажимались): «!ПО*». Не верю глазам, ведь на языке символов и смайликов это означает: «Молодец! Призрак Оперы. Целую».

Дома обнаружила ещё один сюрприз. Пока была в театре, в официальной группе артиста, игравшего заглавную роль, добавилась новая аудиозапись — песня «Алёнушка» («Я тебя своей Алёнушкой зову...»). Теперь слушаю, как Призрак поёт мне красивую именную песню.

Но самое интересное ждало впереди: вскоре осуществилась заветная мечта. По итогам конкурса получила право ещё раз посмотреть мюзикл, а затем выйти на сцену, сфотографироваться со всеми артистами в костюмах... и лично встретить самого Призрака Оперы. После спектакля отправилась на вокзал. Медленно брела с отрешённым взглядом по переходу метро. И столько всего теснилось в сердце... Вокруг, на удивление, — ни души. Вдруг за спиной послышалась прекрасная музыка. Оглянулась. В начале коридора стоял скрипач и играл нежную мелодию, исполненную светлой печали (задумавшись, его не заметила). Мне ярко вспомнился фильм «Призрак Оперы» 1989 года: аналогичная финальная сцена и саундтрек «Your Eyes See But My Shadow». Происходящее было настолько сильно... Поздний вечер. Длинный пустынный коридор. Одиноким незнакомцем-скрипач. И я, возвращаясь из театра после первого и единственного короткого свидания с Призраком. Остановилась и слушала, а музыкант играл... Гениальный финальный аккорд встречи с мечтой.

— **Давайте поговорим об истории мистицизма. Откуда берут корни суеверия, присущие нашим предкам и до**

Алёна Иванова вручает подарки Призраку — Ивану Ожогину на сцене театра МДМ после 500-го спектакля российской постановки мюзикла Э. Л. Уэббера «Призрак Оперы» в Москве. Иван Ожогин — певец, артист, лауреат премий «Золотая маска» и «Музыкальное сердце театра». Подарки — тематические творческие работы писательницы: стихотворение «Музыка сердца», рассказ «Окно судьбы» и дизайнерская модель наряда для куклы «Музыка Ночи», представляющая собой собирательный образ мюзикла

конца не избывшие себя по сей день? Чему стоит верить, а от чего можно отмахнуться?

— В древности вера в сверхъестественное поддерживала благополучие людей и саму жизнь. Ритуалы вселяли в охотников храбрость и уверенность, позволяя вернуться невредимыми с добычей. Заговоры придавали больным сил бороться с недугом. Создание ряда мистических образов помогало сформировать понятную картину мира, впечатляюще обозначить опасный и безопасный порядок действий. Суеверия оказывали моральную поддержку, способствовали развитию воображения и творческих способностей.

Сейчас самым частым проявлением суеверия остаётся вера в приметы. Это та же психологическая поддержка, поэтому важ-

но, чтобы она оставалась таковой. Поможет поиск истоков. Многие наблюдения, полезные в прошлом, утратили актуальность — значит, и приметы устарели. Например, просыпать соль — к ссоре. На Руси соль была дорогим продуктом, на столе — символом почёта гостю. Человек, опрокинувший солонку, наносил оскорбление хозяину. Ныне подобная неосторожность — лишь мелкая оплошность.

Другие приметы несостоятельны, потому как основаны на предрассудках и, главное, не универсальны. Самая известная: чёрная кошка перебежала дорогу — к неприятности. Поверье возникло в эпоху охоты на ведьм. Хотя во все времена во всём мире чёрные кошки были вестницами счастья. Славяне считали их оберегом, защитой от грабителей, сглаза и порчи. В новый дом первой входила именно чёрная кошка, отпугивая от хозяев ссоры и тревоги. Она же, невидимая в темноте, слыла лучшей охотницей на мышей. Любопытно, что англичане и американцы мнят «нечистыми» белых кошек. Вспомните персонажей художественных произведений. Например, злодея Блофельда с белым ангорским котом на руках в фильмах о Джеймсе Бонде. Или злобного белого персидского кота Мистера Тинкса в фильме «Кошки против собак». В Англии крайне дурная примета — белоснежная кошка, пересекающая путь человеку тёмной ночью. Зато чёрная — наоборот. Об этом говорит Эркюль Пуаро в рассказе «Слишком дешёвая квартира»: «До сих пор признаётся хорошим предзнаменованием, если чёрная кошка перейдёт вам дорогу. Сегодня ночью вот эта кошка пересекла путь вам, Джепп». Старшему инспектору полиции Джеппу несказанно повезло: в подкладке телефонного чехла в виде чёрной бархатной кошки обнаружены похищенные секретные документы государственной важности.

Приметы полезны, если они успокаивают и ободрают — будь то студенческая ловля халявы или личные добрые знаки. Важно

не стать зависимым от суеверий, особенно от дурных предзнаменований, ведь тогда самовнушение действительно приведёт к ссорам и неудачам. В любом случае лучше рассуждать рационально и примечать только хорошее.

— Какие мистические образы присуци именно славянской культуре? Сформировались ли на их основе некие архетипы, сохранившиеся до сих пор и влияющие на нашу ментальность?

— Выделю две группы славянских мистических образов, ни в коей мере не похожих на существ из других культур.

В первую группу входит множество обитателей мест, где жили или бывали люди. В селении — кикимора, запечник, подполяник, жирень, дворовой, обдериха, овинник, гуменник, рижник, пунник, ледаший, конюшник, мельничной, колодечник. В поле — луговик, межевой, полудница. В лесу — лисунка, подкустовник, подгрибовник, моховик, листин, болотник. Такое разнообразие свидетельствует о развитом образном мышлении славян, об их пытливом уме и внимании ко всем аспектам быта.

Вторую группу составляют семьи сверхъестественных существ: банник и обдериха, овинник и овинница, гуменник и гуменница, рижник и рижница, листин и листина, подкустовник и кустица, болотник и болотница (её ошибочно называют кикиморой болотной). Примечательно, что у них были родные дети, здоровые и любимые: у домового и домани — домовёнки, у лешего и лешачихи — лешенята, у полевика и поляхи — межевички и луговички, у водяного и водянихи — водянёнки, у Бабы-яги — три дочери Ягишны и Марья Моревна. Матерями являлись также кустица, рижница и обдериха. Это поверье не нарушает постулат западной мистической культуры о том, что зло одиноко и бесплодно, ведь славянские духи не воспринимались как зло. Следует уточнить: на Западе упоминались дети-подменьши, но настолько уродливые, хилые и капризные, что роди-

тели старались обменять их на человеческих младенцев. Славяне считали духов не врагами, а соседями, представителями не параллельного, а своего мира; отсюда возникло отношение к ним как к равноправным хозяевам окрестных мест. Люди обращались к домовому «дедушка-суседушка», к домане — «хозяюшка домовая, матушка честная», к дворовому — «суседушко-доброхотушко», к гуменнику — «дядюшка гуменник», к обдерихе — «обдериха-матушка, банная хозяюшка», к водяному — «дедушка водяной», к овинной чете — «овинник-батюшка и овинница-матушка», к лешему и лешачихе — «царь лесной и царица лесовица», к семье полевика — «полевой батюшко и полевая матушка с малыми детушками». Перед входом в «дом» просили разрешения, после завершения дела благодарили и оставляли подарки — чаще всего угощение, горбушку хлеба с солью (нечисть же, как известно, боится соли). Это были именно дары, а не жертвы, поскольку в последнем случае духи могли обидеться. Например, полевик желал, чтобы о гостинце знали только он и даритель, иначе подношение считалось взяткой. В ответ мистические существа помогали в работе, защищали от заложенных покойников, упырей и разгневанных сородичей. Наказывали они лишь тех людей, кто нарушал их правила, не уживался в семье или сквернословил.

Славяне жили в гармонии с природой, представляя её духов доброжелательными и справедливыми — в отличие от людей, способных стать беспричинно злыми и опасными существами (например, ведьмами или волколаками). Ценили крепкую семью, добрососедство, взаимопомощь, вежливость. Обладали развитым творческим мышлением. К сожалению, сейчас достоинства предков практически утрачены. Но архетипы заложены в нашем подсознании, и ознакомление с родной культурой важно для сохранения богатого наследия. К тому же эти факты чрезвычайно интересны! В поэме «Смоляной медведь», опу-

бликованной в журнале «Союз писателей» № 3/2021, я раскрываю данную тему через противостояние светлых сил природы и тёмных сил ведьмы.

— Как славянские образы трансформировались с течением времени?

— Яркий показательный пример — столь же сложный и глубокий, сколь популярный образ. Вампир. Вернее, упырь. Из несметного множества подобных созданий в поверьях народов всего мира именно славянское существо стало культурным феноменом.

Образ возник ранее XI века, в первый период славянского язычества, когда люди поклонялись упырям и берегиням. Упыри пока не имели ни внешнего облика, ни личных качеств, символизируя силы, враждебные человеку, в паре с берегинями — собирательным образом защитных сил. Пример такого единства противоположностей в русских народных сказках — мёртвая и живая вода: лишь обе струи вместе спасают героя. Постепенно сущность упырей обретала конкретные черты. Тёмное начало подразумевало загробный мир, поэтому упыри приняли вид духов-мертвецов, точнее, почивших предков.

После введения христианства во второй половине X века языческие образы были низвергнуты. Упыри получили статус нечисти и материальную форму страшных восставших мертвецов, пьющих человеческую кровь. О них сохранилось много быличек — произведений устного народного творчества. Этим существам больше не поклонялись; с ними боролись.

Первое письменное упоминание упыря датируется 1047 годом. Упырь Лихой — имя переписчика «Толкования на книги пророческие». Таково, по всей вероятности, ещё одно воплощение образа: защитное имя человека. Славяне верили, что младенцы уязвимы для сглаза и нечистой силы, поэтому давали им неприятные или жуткие внутрисемейные имена-обереги. Родители могли назвать ребёнка Упырём, чтобы «породнить» с заложенными покойниками,

которые не станут нападать на «своего». Или чтобы те не позарились на «больного», ведь упырями в народе кликали детей, головастых из-за водянки мозга. Или чтобы малыш с именем, также означающим строптивного человека, наоборот, рос послушным.

После XVI века слово «упырь» — вместе с поверьем — проникло из южнославянских языков в немецкий, где трансформировалось в «вампир». В XVIII веке вампиры наряду с упырями появились в русском языке.

В 1897 году вампир вновь занял высокое социальное положение благодаря опубликованному в Лондоне роману Брэма Стокера «Дракула». Заглавным героем стал не простолюдин, как фольклорные упыри, а аристократ, граф. Кроме того, тема вторжения хищного чужестранца была злободневной в Великобритании, охваченной ксенофобией во время первой активной иммиграции в конце XIX века. Глубокий актуальный подтекст выгодно отличал роман от других произведений о вампирах. Привлекательности сюжета и центральному образу добавлял эпизодический мотив вампирской чувственности, скандальный в пуританскую викторианскую эпоху. Граф Дракула и его сородичи начали триумфальный путь в искусстве.

Всемирно известный классический облик Дракуле (и любому вампиру) подарил Бела Лугоши, сыгравший эту роль в одноимённом фильме 1931 года. Вольная интерпретация романа позволила создать магнетический образ импозантного джентльмена, непохожего на жуткий книжный оригинал. Несмотря ни на скромность и метафоричность визуального ряда, ни на пугающую по тем временам атмосферу, романтический ореол вокруг графа разгорался.

Наверное, самую удивительную и важную метаморфозу образ претерпел в фильме «Дракула» 1992 года, сюжетно — но не идейно — более близком к роману. Тра-

диционная тёмная страсть в сердце графа уступила место светлой, сияющей любви. Дракула в исполнении Гэри Олдмена достиг предела и чудовищности, и человечности. Этот идеально сбалансированный образ обозначил новую, парадоксальную, сущность вампиров: они стали символом терпимости, примером отличности от людей и вместе с тем близости к ним.

В такой трактовке вампиры смягчились настолько, что превратились в обаятельных положительных героев мультфильмов и сказок.

Нужно уточнить: упомянутые грани образа также намечались в других книгах и фильмах, но сформировались и получили широкую известность в перечисленных произведениях.

В социокультурном плане упырь-вампир — универсальный многослойный образ. Его метаморфозы до сих пор были логичными и полезными. А сейчас меня печалит обесценивание этого мистического существа авторами, читателями и зрителями. Выхолащивание, излишняя романтизация, высмеивание, затаскивание самих слов в быту и употребление их в качестве бранных. Думаю, причина в несведомлённости. Возможности грамотного раскрытия и развития образа далеко не исчерпаны. Помогут знания, ум и тёплое чувство. Например, моё стихотворение «Страшилка» — юмористическое. Но юмор в нём добрый и классические вампирские способности органично влияют на современные события.

— Каково влияние западной и восточной мистических культур на славянскую космологию и фольклор? Как лично Вы относитесь к этому влиянию и оцениваете его?

— Поверья каждого народа очень интересны. Это не плод воображения одного-двух авторов, созревший максимум за несколько лет, а итог многовековой умственной деятельности множества людей. Да, былички и подобные истории, как пра-

вило, незатейливы, однако в них отражён не заведомый вымысел, а — пусть мнимая — правда: меткие наблюдения и житейская мудрость. Фантастическое мировоззрение изумительно стройно, искренно и поэтично.

Знакомство с зарубежными мистическими культурами помогает понять национальный менталитет, открывает удивительные новые вселенные, является мощным источником вдохновения. Однажды я, российский автор, написала стихотворение «Кицунэ» (журнал «Союз писателей» № 4/2020), где в форме итальянского сонета упомянула все детали романтического японского мифа о девушке-лисе.

Если говорить не о сосуществовании культур в рамках глобальной мифологической картины мира, а об их взаимодействии, то следует рассматривать сферу искусства. Ведь в фольклоре народов, хранящих свои традиции, местные и чужеземные верования не пересекаются.

В фантастических произведениях современных славянских авторов заметно сильное влияние западной культуры. Мистические существа из родного фольклора либо полностью отсутствуют, либо заимствуют черты европейских сородичей, а собственные особенности утрачивают. В результате читатели теперь недоумевают, как, например, пушкинская русалка может сидеть на ветвях, — налицо путаница с морской девой. Русалки — пресноводные создания, у них человеческие ноги; морские девы — обитательницы солёных вод, у них рыбий хвост. Русалки по ночам выходят на берег, чтобы в числе прочих забав покачаться на древесных (особенно ивовых) ветвях, куда они не залезают, а взлетают, будучи лёгкими, словно туман. Морские девы никогда не выходят на сушу.

Соединяясь, образы упрощаются и теряют презанятные признаки. Так, фольклорный оборотень — не человек-волк (волколак), а гораздо более сложное существо. Он может перекидываться в разных жи-

вотных, птиц и рыб, в неодушевлённые предметы (куст, камень, палку, копну сена, клубок) и даже в атмосферные явления (туман, тучу). Волколак, по белорусским поверьям, в волчьем облике имеет человеческую тень. И не каждый волколак — хищник-людоед: жертвы проклятия колдуна — вегетарианцы, вынужденные служить настоящим волкам. А оборотни, возглавляющие стаи волков, — вообще не волколаки; это волчьи пастыри, колдуны.

Слияние поверий нежелательно, поскольку мистические культуры и без того очень похожи. Даже такое своеобразное существо, как банник, известно в Японии под именем аканамэ. Зачем же искусственно стирать естественные самобытные черты?

Несмотря на богатые фольклорные биографии, славянские мистические существа — нечастые герои известных книг. В первоизданном виде они являются единственными персонажами из потустороннего мира в ряде произведений классиков русской литературы (сразу вспоминается Н. В. Гоголь). Среди знаменитых славян-современников можно назвать Анджея Сапковского. Правда, в его «Саге о ведьмаке» представители родной культуры уже не одиноки, причём они уступают в количестве западным, восточным и авторским мистическим существам.

Потенциал славянских образов огромен в разных жанрах, однако им обычно отводят роль лишь в сказках. А серьёзные отечественные произведения не получают активную поддержку аудитории из-за предубеждений против их качества или «детских» персонажей.

Несомненно, славянский фольклор нуждается в более пристальном внимании авторов. Но и гармоничное взаимодействие с культурным наследием Запада и Востока может принести прекрасные плоды при вдумчивом, бережном отношении. Так, в мультфильме «Два богатыря» достойно и остроумно представлены русский и казахский фольклорные мотивы.

— **Что Вы думаете по поводу авторов, которые пишут фэнтезийные книги, взяв за основу фольклор, но переиначивая его по своему разумению до неузнаваемости? Грешите ли этим Вы сами? Можно ли найти баланс между культурными традициями и авторскими новшествами и как это сделать?**

— Мистические существа прошли очень долгий путь. Многие преобразались в большей или меньшей степени: меняли внешний облик и метафорическую сущность. Но они сохраняли главное — свою уникальность, узнаваемые индивидуальные особенности. С недавних пор авторы стали подрывать фольклорные основы образов; в результате от заявленных персонажей в их сочинениях остаются в буквальном смысле одни названия.

По моим наблюдениям, есть три частые причины наметившейся тенденции.

Во-первых, авторы считают, что плоды их воображения гораздо интереснее. Только вот оригиналы — больше, чем фантастические персонажи, это алмазы народной мудрости, огранённые историей. Способны ли современные творцы превзойти всех бесчисленных предков? Талант и фантазия позволяют поставить перед собой иную задачу, важную и увлекательную: логично продолжить развитие образов, поиграть с известными гранями и поискать новые. Если фантазия рвётся на волю, подобрать другой, более точный фольклорный прототип, благо выбор велик. Если имеется не просто талант, а истинный дар, попробовать создать своего яркого героя.

Во-вторых, авторы знают фольклор лишь поверхностно, на уровне массовой культуры, поскольку не читают тематическую научную литературу. Они думают, что либо там нет никакой дополнительной информации, либо всё написанное ранее уже было, причём было слишком просто, а значит скучно. Вот и сочиняют нечто необычайное. На самом деле фольклористические исследования предлагают множество чудесных

поверий, не замеченных мной в искусстве. Да и любой фрагмент может вызывать ощущение новизны благодаря автору: современному взгляду, индивидуальному восприятию, актуальному подтексту.

Наконец, при выборе персонажей авторы ориентируются исключительно на их популярность, а не на личные предпочтения и знания. Так легче привлечь внимание читателей. В этом случае всё дело в аудитории. Люди ставят во главу угла не художественную ценность произведения, а разные субъективные аспекты. Отталкивающими моментами являются немодная тема и — особенно — неизвестный автор. Вместе с тем отношение аудитории имеет определяющее значение. Эта мысль проходит сквозь моё стихотворение «Библиотека книжных душ» (сборник «Золотой томик поэзии II»). Если книга будет случайно или умышленно испорчена, останутся другие экземпляры. Если пристрастные критики не оценят произведение, его признают обычные люди. Но если читатели не проявят должного интереса, книга пропадёт. Вот что печально. По моему мнению, человек, называющий себя читателем, избравший чтение своим хобби, должен радеть о литературе и родном языке, уметь определять качество текста и быть объективным. Я пять раз участвовала на конкурсной основе в ежегодном Международном Форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья — одном из основных государственных мероприятий в области культуры, организованном при участии «толстых» литературных журналов Москвы и Санкт-Петербурга. В числе актуальных тенденций в мире литературы там всегда упоминался встречный труд читателя, подразумевающий вдумчивость, эрудицию, наличие теоретической базы и чтение профессиональной критики. Мне нередко доводилось встречать заблуждение, что критериев оценки писательского мастерства не существует, единственный знак качества — эмоциональная реакция: «понравилось», «тронуло». Однако это по-

верхностный, любительский уровень. Есть свод чётких правил, справедливых для всех направлений, стилей и жанров. Правила — научная истина — действительны вне зависимости от осведомлённости о них. Знание теории литературы не сдерживает творческий порыв, а, наоборот, помогает достойно воплотить оригинальные идеи. Доверяя науке, можно легко и быстро увидеть серьёзный труд, дать вместе с отзывом или комментарием шанс на признание любому одарённому автору.

Лингвистика — моя специальность, мифология и народные поверья — многолетнее увлечение, поэтому я ответственно отношусь к работе над рукописью и раскрытию любимой темы. В стихотворениях есть либо классические фантастические существа, либо полностью авторские образы. Правда, иногда те и другие осторожно вступают во взаимодействие: традиционные мотивы получают мою дополнительную трактовку. Так возникает несколько смысловых пластов. Подтекст рассчитан на внимательность и эрудицию читателей. Любопытный пример — стихотворение «Воплощённая ночь». Основная история, безусловно, об одинокой романтической девушке. А если приглядеться к деталям? «Утончившийся профиль. // Графический абрис углём...» — описание стройной фигуры в тёмной одежде или острый силуэт в чёрном намекает на мистическую сущность незнакомки? «Бесследны шаги», «тень» — девушка легко ступает в ночи или плывёт, подобно призраку, едва касаясь земли? «...Прохожий // ...Озноб ощущает, ползущий по коже...» — он просто замёрз, испугался от неожиданности или на него повеяло потусторонним холодом от незнакомки? «В глубинах дождливых зеркал тротуара // Незрим силуэт...» — ночью в лужах ничего не видно или у девушки нет отражения? «Но выйти на солнце вовек не посметь» — героиня не может доверять людям или боится солнечного света? «...Гладит древесных коней. // Сквозь гривы... // Домá, словно духи, беседуют с ней» — бо-

гатое воображение незнакомки или контакт со сверхъестественными созданиями? Другие нюансы столь же неоднозначны. Так кто эта незнакомка: человек, вампир или аллегория самой готики, жанра романтизма?

Баланс культурных традиций и авторских новшеств, разумеется, возможен, о чём свидетельствуют все вышеупомянутые примеры. К нему ведёт путь не соперничества, а сотрудничества с предками-творцами. Вначале важны искреннее горение и уважение к наследию прошлого, затем помогут художественный вкус и глубокое чувство материала. Полезно читать книги по фольклору, мифологии и теории литературы (авторитетные источники): они способны подсказать близкую тему и свежую идею — то, что пробудит отклик в душе и распалит желание творить. И нужно осознавать: следование моде — залог популярности, но не истинной славы. Невероятно популярные авторы были всегда, однако история сохранила высокое искусство, где в чести вдохновенность и мастерство.

— Какие актуальные, возможно, остро-социальные темы, на Ваш взгляд, хорошо сочетаются с мистическими мотивами в литературе? С чем мистику и фантастику смешиваете Вы в своих произведениях?

— Остросоциальные темы прекрасно сочетаются с мистическими мотивами по закону жанра. Литература ужасов (а именно готический роман) появилась в эпоху романтизма — направления, противостоящего рационалистичности классицизма. Романтическое мировосприятие строилось на контрасте неведомого, но объективно сущего фантастического мира и привычного скучного реального мира. Утрата гармонии повседневной жизни, по мнению авторов, стала причиной вторжения потустороннего хаоса. Страх перед ним воплотился в произведениях. Борьба героев со сверхъестественными силами носила бурный мелодраматический характер.

Готика продолжает развиваться в современном искусстве, будучи идеальным жанром для раскрытия актуальных тем. Мистические персонажи могут олицетворять собой любые общественные явления, ведь эти образы изначально отражали представления людей об окружающем мире. А острый конфликт позволяет отчётливо рассмотреть проблему и обеспечивает увлекательное развитие сюжета.

Важно уточнить: сочетание остросоциальных тем и мистических мотивов свойственно готике, а не порождённому ей жанру хоррора. В последнем допускаются полностью реалистические истории; в готических произведениях обязательно присутствие сверхъестественного, порой неотличимого от реальности. В готике, сформировавшейся в XVIII–XIX веках, заложены морально-этические основы, нравственное начало; для хоррора, возникшего в XX веке, нехарактерен глубокий подтекст, жанр ориентирован на развлечение, вызывание ярких эмоций, снятие стресса.

В литературном творчестве я говорю о нравственности и высоких чувствах в противовес модным проявлениям цинизма и равнодушия.

Стихотворение «Воплощённая ночь» занимает особое место в гражданской лирике. Его смысл мне очень близок. Речь в истории идёт о беспочвенности шаблонного восприятия действительности, о стереотипном мышлении, которое влечёт за собой поверхностные суждения, непонимание и отвержение кого-либо или чего-либо, на первый взгляд не соответствующего стандарту — на поверку безобидного и хорошего.

Стихотворение «Библиотека книжных душ» предлагает задуматься о судьбе литературы, о бережном обращении и разумном общении с книгами.

Стихотворение «Тополь» (журнал «Союз писателей» № 4/2020) затрагивает разные темы: защиту природы, внимательное отношение ко всем живым существам, пусть непохожим на нас. Но главным образом это фантастическая баллада о самоотверженной любви.

В моих стихотворениях так или иначе звучит просьба о чуткости друг к другу и к окружающему миру.

— Какие проблемы современного общества и какие мистические темы Вы планируете обсудить со своими читателями в будущем?

— Как всегда, буду писать о том, что впечатлит, взволнует... или приснится. Да, некоторые сюжеты — это сны. Например, поэма «Смоляной медведь» и стихотворение «Изабель» из журнала «Союз писателей» № 1/2021. Идея продиктует выбор мистических и реалистических персонажей, а также остальных компонентов — от формы до выразительных средств языка. В моём творчестве каждая деталь помогает проникнуть в смысл. Все стихотворения продуманные и прочувствованные. Как любой автор, надеюсь, что они найдут отклик в сердцах читателей.

— Учитывая тему и подтексты, обращённые из прошлого в будущее и связывающие нас, современных и циничных, с нашими корнями, с самой культурой и традициями предков, можно не сомневаться, что так и будет. Ведь люди, пусть даже безотчётно, продолжают верить в невероятное и сверхъестественное. В повседневной жизни они опираются на опыт поколений, создают новое на основе полученных в наследство знаний — не только научных, но и нравственных. Это те же архетипы и суеверия, впитанные с молоком матери, о которых мы с Вами вели беседу.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»
Фото: Наталья Иванова, Галина Климанова

Читайте стихотворения Алёны Ивановой на с. 57

Неопознанное с точки зрения науки

Интервью с Ольгой Гладышевой

— Ольга, известно, что Вы кандидат физико-математических наук, и читателям интересно узнать, как Вы, тесно связанный с наукой человек, относитесь к сверхъестественному?

— По роду своей деятельности я занимаюсь не сверхъестественным, а непознанным. Это иллюзия, что мы живём в простом, понятном, изученном наукой мире. Есть ещё огромное множество явлений, которые наука объяснить не в состоянии. В атмосфере это, например, шаровая молния. На земле — странные узоры, названные сибирскими веерами¹ и много что ещё.

— С какими событиями Вы сталкивались, которые было сложно или невозможно объяснить логически?

— Несколько лет до Перестройки мы занимались атмосферными аномальными явлениями. Делали попытки объяснить перемещающиеся в пространстве светящиеся образования реальными земными и внеземными процессами. Результаты были неутешительны.

— Как Вы относитесь к легендам о Кыштымском карлике и верите ли Вы в мистическую составляющую его существования?

— Трудно назвать легендой то, что воочию наблюдали несколько человек и даже смогли сфотографировать.

— А что насчёт Вашей книги «Кыштымский карлик, или Как страус родил перепёлку». Что Вас вдохновило на со-

здание такого необычного детективного сюжета?

— Материал, использованный для данной книги, весьма реален. И если информация о Кыштымском карлике и встречах с гуманоидами² ещё может вызывать сомнения, то гуманоида из пустыни Атакама подробно исследовали³. Наиболее поразительным на сегодняшний день выводом оказалось то, что доктор Лахман пришёл к заключению, что исследованный гуманоид дожил до 6–8 лет⁴ и был всего лишь 6 дюймов (15 см) в длину.

И вопреки утверждениям СМИ, великанша не сможет родить лилипута, а если и родит, то не сможет выкормить. И этот гуманоид, и кыштымский не могли быть детьми человека, даже исходя из их внешнего вида. Это противоречит законам природы.

— Вы представляли себя в роли главной героини книги? Может, Вам хотелось бы поучаствовать в этом мистическом расследовании в реальной жизни?

— Поучаствовать в расследованиях подобного рода, конечно, было бы интересно, но в реальной жизни расследования гораз-

¹ www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=111509

² Г. А. Колчин. Феномен НЛО. Взгляд из России. — СПб, 1994. — 384 с.

³ www.siriusdisclosure.com/evidence/atacama-humanoid/

⁴ www.siriusdisclosure.com/wp-content/uploads/2013/04/signed-Lachman-report.pdf

до более прозаичны или, как показывает опыт, засекречены.

Детективный сюжет книги выбран как наиболее доступная форма доставки информации читателю. Научно-популярную книгу на столь размытых фактах написать нереально, необходима более достоверная информация. А она есть только по гуманоиду из Атакамы.

— **Вы читаете литературу в жанрах мистики, ужасов или фантастики? Можете привести пример книг, которые можно считать Вашими любимыми?**

— Литературу читаю разную, от Елены Блаватской и Льва Гумилёва до Колин Маккалоу и Артуро Перес-Реверте. К любимым в данных жанрах можно отнести Макса Фрая «Лабиринты Ехо» и серию про Гарри Поттера Дж. К. Роулинг.

— **С чего начался Ваш творческий путь? Расскажите о первых произведениях.**

— Первой серьёзной публикацией была научно-популярная книга о Тунгусской катастрофе, вышедшая в издательстве «Наука». В ней собран фактический материал об этом явлении. До него была некая проба пера о жизни учёных в наше непростое время и пара заказных книг под псевдонимом.

— **Сложно ли Вам совмещать работу в Российской Академии наук с писательством?**

Кыштымский карлик (вверху)
и Атакамский гуманоид (внизу)

— Фактически и в науке, и вне её я занимаюсь исследованиями, просто в разных областях. Порой нелегко перестраиваться. Науке требуется лаконичный телеграфный стиль, для художественной литературы он не подходит. Кроме того, как сказал К. Воннегут («Колыбель для кошки»), «...у всех людей процесс мышления одинаков. Только учёные думают обо всём по-одному, а другие люди — по-другому».

— **Что Вам нравится писать больше: научные и научно-популярные работы или художественные, и почему?**

— Нравится писать всё: и научные статьи, и научно-популярные книги, и художественные. Мне пока ещё есть что сказать научному сообществу, поэтому публикую статьи в журналах. На научно-популярные книги пока не хватает времени и сил, тем более что их просят иностранцы и возникает проблема и перевода, и публикации. Ну а художественные книги — это некая отдушина.

— **Расскажите, что ждёт Ваших читателей в дальнейшем? Какие у Вас творческие планы на будущее?**

— Планов много, а что и как пойдёт — там видно будет.

Тамара Брославец, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»

Творческое сотрудничество как залог успеха

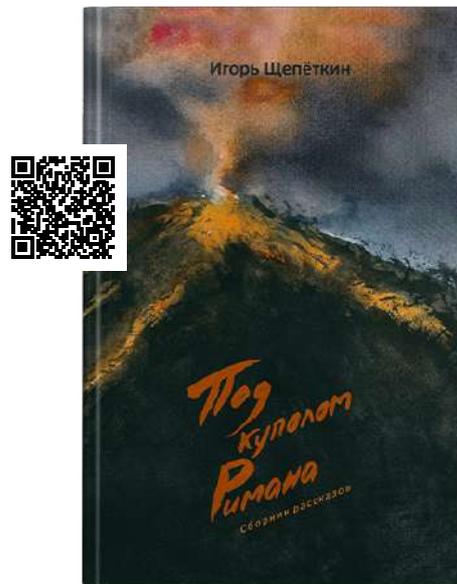
Любая книга — это тяжёлый авторский труд, включающий в себя большое количество разных нюансов, которые нужно учесть при написании произведения. Пресс-службу издательства «Союз писателей» заинтересовала совместная работа писателя Игоря Щепёткина с иллюстратором Лилией Гойзман, книга «Под куполом Римана».

Как строился процесс работы над произведением? Почему автор с иллюстратором решили работать вместе? О чём повествует их совместное произведение и как долго они над ним работали? На все эти вопросы ответили Игорь и Лилия, которые вложили в книгу не только свои силы, но и душу.

— Игорь, почему Вы решили работать в соавторстве с иллюстратором над проектами и чем Вас зацепили работы Лилии, почему Вы предложили ей сотрудничество?

Игорь:

— Ещё до того как стал писать тексты (те, что имеют отношение к литературному творчеству), я пробовал рисовать пейзажи. В Инстаграме подписался на авторские страницы нескольких художников... Но потом начал «писать словами» и это увлекло в большей степени. Первый рассказ («На Старой Ачинской») давал читать друзьям. Кто-то спросил, не собираюсь ли его напечатать. Я задумался, стал представлять, как это может быть. Для меня книга не просто литературный текст, который можно читать, но явление, которое можно осязать и даже обонять (старые книги) и которое визуально (помимо чтения) даёт эмоциональное наслаждение. На мой взгляд, слово «иллюстрировать» не точно отражает суть

явления. Настоящая иллюстрация должна не «иллюстрировать», но создавать новое прочтение, намекать на то, чего в явном виде нет в тексте. Именно поэтому возникла идея работать с иллюстратором параллельно, а не когда весь текст будет готов.

Поэтому я решил, что если будет книга, то обязательно печатная и с иллюстрациями. Ну а следующий шаг: проверил, есть ли в моих контактах иллюстраторы книг (их там было всего два или три). Рисунки Лилии (те, что выставлены в Инстаграме и на её авторской странице) мне понравились с первого взгляда своей лёгкостью и, на мой взгляд, гениальностью. Не стал искать других вариантов и написал Лилии: «Какие у Вас условия для иллюстрации текста?». В ответ сразу получил: «В принципе, чтобы текст понравился. Но я не литературный критик и у меня свои критерии. Есть темы, за которые, наверное, не возьмусь...» Переслал свой текст («На Старой Ачинской») для знакомства. Лилия согласилась ра-

ботать над книгой, но через полгода, так как в тот период училась на курсах иллюстраторов. Мне как раз нужны были эти полгода, чтобы написать новые рассказы для сборника, иными словами, чтобы был задел — понимал, что нельзя растягивать работу надолго, так как сложно будет удерживать всё в одном стиле...

— Как Вы считаете, улучшилось ли качество произведений, после того как вы стали работать совместно?

Игорь:

— Лилия была первым (или вторым после редактора) читателем. Конечно, я всегда интересовался, понравился ли текст. Хотя Лилия часто говорила, что она не литературный критик, но у неё, на мой взгляд, очень хорошее литературное чутьё. Даже после редакторской правки Лилия могла заметить ляп, лексический повтор. Было несколько случаев, когда я сомневался в использовании фразы. Помню, у нас завязалось обсуждение выражения «трёхмерная матрица текста». Лилия смогла меня убедить, что это круто. Позднее неожиданно я узнал, что она сама пишет (под литературным псевдонимом) очень интересные тексты...

Когда я посмотрел первые иллюстрации Лилии к моему рассказу «Прогулка в квадрате Z», мне захотелось продолжить писать, чтобы увидеть новые рисунки. Каждый очередной непременно давал творческий импульс.

Следует сказать, что в самом начале Лилия предложила дополнять рисунки цитатами, которые бы создавали дополнительный план для «прочтения» книги. При выборе цитаты я иногда вставлял новую фразу в текст самого рассказа. Порою это была цепная реакция. Например, когда мы думали, какую цитату взять для первого рисунка в рассказе «Медвежий мыс», то я вспомнил, что у меня уже есть строка «плещет тёмный вал». Поэтому решили взять выдержку из «Колыбельной» Лермонтова. После этого, чтобы усилить связь, я вставил в текст дополнительное

предложение: «Из соседней каюты слышится колыбельная».

Для меня важным также является фактор ответственности, «работы в команде». В самом начале мне стало ясно, что работаю над серьёзным проектом и что в нём будут великолепные рисунки. И хотелось соответствовать. В смысле «не подкачать», так как итог будет оценен и по текстовому содержанию. Тогда я понял, что без хорошего редактора и литературного критика ничего не получится (я никогда не учился литературному мастерству). Поэтому вышел на писателей Ольгу Блинову (с ней был знаком по экспедиции на Тунгусский метеорит) и Ольгу Грибанову из ИСП (Интернациональный союз писателей). Когда очередной рассказ был готов — работал с литературными редакторами Яной Ериной (Киев) и Галиной Дониной из АЛУ.

По словам Ольги Грибановой, мой последний рассказ (это был «По северной ветке») удался, и в своём последнем письме она мне сообщила, что ждёт новых шедевров. Так что уровень был задан, и это произошло во многом благодаря сотрудничеству с Лилией.

— Лилия, принесло ли сотрудничество с Игорем новый ценный опыт для Вашей художественной деятельности?

Лилия:

— Наше знакомство с Игорем Щепёткиным началось в Инстаграме. Ему понравились мои иллюстрации и рисунки. По его реакция я почувствовала, что он ценит свободу и естественность. Когда Игорь прислал мне на иллюстрирование свой рассказ («Прогулка в квадрате Z»), я рискнула предложить ему нестандартную вёрстку под иллюстрации, которые как бы вырывались из обычно прямоугольного пространства. Базируясь на ощущениях от рассказа, я выбрала и материал — уголь и тушь. К моей радости и восхищению, Игорь безоговорочно согласился с предложенными композиционными решениями и стилем! Ободрённая таким взаимопониманием, я бесстрашно внесла в рисун-

ки дополнительные подписи (рукописные цитаты), отталкиваясь от содержимого рассказа. Где-то это были формулы и формулировки, где-то — цитата вдохновившего на рассказ Кафки. А сама идея родилась из текста рассказа — там персонаж оставил на заиндевевшем стекле автобуса следы, а параллельно дороге в снегу виднелись следы лыжников... — и, нарисовав лыжню, мне захотелось оставить на снегу запись научных размышлений персонажа об отличии геометрии Римана от Евклидовой. Кстати, так появилась переключка с ещё одним рассказом «Под куполом Римана» — название которого стало общим для всего сборника.

Затем оказалось, что у Игоря на подходе ещё рассказ, и не один! Это было очень интересно, но и не просто. Рассказы не были однотипными, а иллюстрации мне хотелось сделать в едином стиле для всего сборника. И желательно, в том стиле, который был выбран сразу. В итоге, мы пришли к компромиссу, что добавление цитат будет только к тем иллюстрациям, где текст сам подскажет — иногда это было неким дополнительным смыслом или объединяющим лейтмотивом рассказа. Например, в рассказе «Медвежий мыс» цитаты наводят на сказочно-лирический лад, а в рассказе «На Старой Ачинской» — вносят мистические нотки. Концепция цитат такова, что она как бы создаёт дополнительное измерение, глубину... задаёт вспомогательную координатную сетку. И, конечно, я играла с композициями — в некоторых местах они текли спокойно по страничному развороту, в других — текст композиционно «вклинивался» в иллюстрации или, наоборот, «обтекал» их. Ещё я варьировала выбранные материалы — иногда ограничивалась рисунком тушью, а где-то обходилась только углем.

Выбранный стиль требовал от меня рисунки «а-ля прима», т. е. правка была практически невозможна (максимум — уточнение пропорций для тушевых рисунков в фотопроцессе, «сборка» рукописных слов

в предложения и всей иллюстрации в единую композицию). Наверное, поэтому я иногда ходила по несколько дней вокруг да около иллюстрируемого отрывка, пока картинка не складывалась в моей голове целиком. А тогда уж бралась за бумагу и начинала её «переводить» до «увиденного» результата. Да, иногда получалось сразу из головы на бумагу, но бывали «заковыристые» темы, для которых мне приходилось «перерывать» интернет и даже научные статьи в поисках прототипа для точности исполнения задумки.

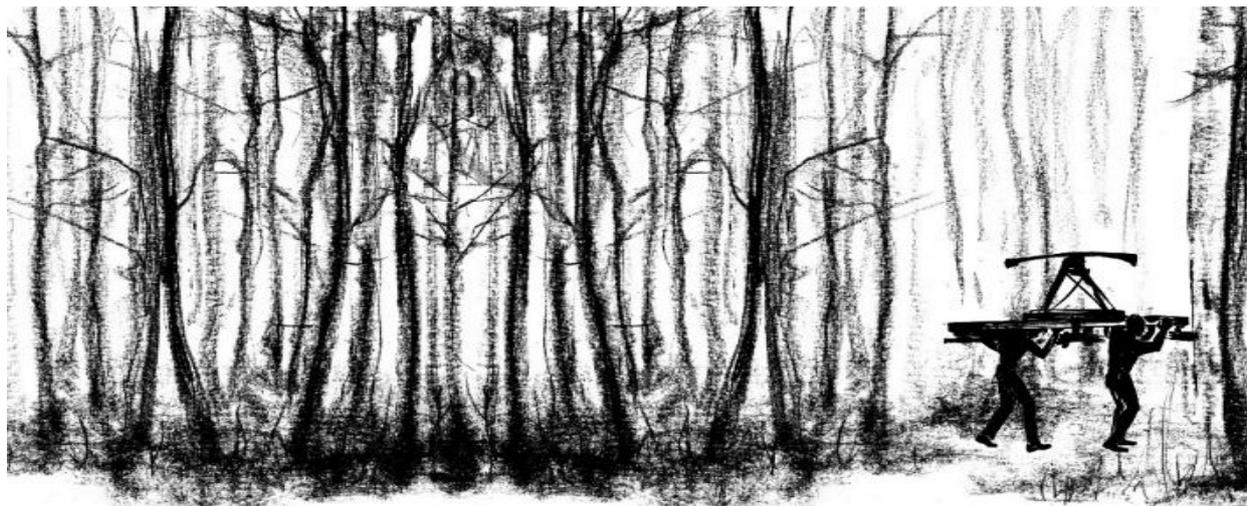
За время работы над сборником я окончательно влюбилась в материал, которым рисовала (тушь и уголь), приобрела опыт композиционных решений и провела (вроде бы удачный) эксперимент с введением в иллюстрации цитат. И ещё, я старалась уходить от дословности иллюстрирования. Порой это было непросто, нужно обладать большой фантазией, широкой начитанностью и «насмотренностью». Там, где мне не хватало идей, — окуналась в поиски текстов и фильмов, которые рекомендовал изучить Игорь. Сотрудничество с ним было невероятно интересным и продуктивным!

— Во время работы с Игорем доводилось ли Вам быстро переделывать иллюстрации потому, что писателю что-то не понравилось?

Лилия:

— Я бы не сказала, что у нас был режим «срочности». Как-то получалось без особой спешки, то ли из-за карантинного режима, то ли потому, что сборник формировался в порядке написания новых рассказов.

Пару раз, да, были переделки из-за неудачных иллюстраций. Один раз я полностью пересмотрела содержимое иллюстрации и считаю, что в итоге она получилась гораздо интереснее. Другой раз я увлеклась параллелью, к тому же выбрала референс слишком навороченный, тогда как в рассказе прототип (дрезина) был примитивный, самодельный. Тогда я просто исправила фрагмент по просьбе Игоря.

Вот эта забракованная иллюстрация — на ней герои рассказа переносят дрезину в отсутствии шпал, как аргonautы переносили свой корабль через пустыню.

— Имел ли влияние Игорь на Ваши рисунки, может, что-то подсказывал, предоставлял референсы или Вы всё делали сами, основываясь на ощущениях и эмоциях от рассказов?

Лилия:

— Да, безусловно! Особенно много помощи в референсах мне, городскому жителю, Игорь предоставил по деревенскому быту. Кроме того, мне очень помогало то, что он раскрывал предысторию написания произведений, рассказывал о книгах или фильмах, которые вдохновляли его. Это давало толчок эмоциональным или сюжетным параллелям, а также цитатной линии. Я перечитала все те рассказы, повести и стихи, которые читал Игорь, посмотрела новый для меня фильм «Орфей» Жана Кокто, с удовольствием пересмотрела фильм «Цвет граната» Сергея Параджанова. В этих фильмах очень сильные визуальные образы, которые я постаралась обыграть в иллюстрациях.

— Игорь, чем была вдохновлена книга «Под куполом Римана»? Откуда возникла идея написания таких неординарных рассказов?

Игорь:

— Название книги я выбрал по заголовку одного из рассказов. Все они в сборнике

имеют в той или иной степени автобиографическую основу. Кратко скажу об истории каждого (их шесть); может быть, тем самым смогу ответить на вопрос, почему они получились, как Вы заметили, неординарными.

1. «На Старой Ачинской»

Сначала у меня возникла идея написать воспоминания о детстве. Но вскоре понял, что писать без творческой выдумки достаточно скучное занятие. Как раз тогда в руки случайно попала книга Саши Соколова «Школа для дураков». Чтение этого романа сильно воодушевило, активизировало воспоминания... Я начал разбираться с текстом «Школы», задался вопросом, а какие книги вдохновляли самого Соколова. Вскоре пришёл к выводу, что одной из них был роман Мережковского о Леонардо. Я прочёл и этот роман... Постепенно подобрал круг произведений, на которые мне самому можно было бы опираться при описании воспоминаний.

По специальности я учёный. Может быть, это сыграло роль, но к своим писательским экспериментам я начал подходить как к исследованию себя и явлений социальной жизни с использованием своего опыта, однако сквозь призму литературы.

Концовка рассказа подсказана стихотворением Артюра Рембо «Гласные».

Если же кратко, то для меня «На Старой Ачинской» — это, с одной стороны, детство

героя романа Саши Соколова до «Школы дураков». С другой — энциклопедия детской души.

2. «Медвежий мыс»

Рассказ задумывался как продолжение «На Старой Ачинской». Тот же герой, но немного повзрослевший. Начало рассказа написано под влиянием «Воспитания чувств» Флобера и «Америки» (глава «Кочегар») Кафки. Именно из последнего произведения перекечевали кочегар и зонтик. Вот фрагмент из моего рассказа: «Подходит папа, приглашает спуститься на нижнюю палубу, осмотреть машинное отделение. Я обрадовался, что смогу увидеть там кочегара, следую вниз по узкой лестнице. Здесь такой грохот, что трудно говорить. Размахивая руками, папа выкрикивает что-то, указывает на части трясущегося механизма, пытается объяснить, как это работает. В углу стоит старый, давно забытый зонтик. Но кочегара нигде нет». То есть в автобиографические воспоминания включены артефакты из классики — реминисценции к литературному кочегару и зонтику, который забыл Карл Россман, герой романа Кафки, после путешествия на корабле в США (намёк на мою иммиграцию в 2004-м).

Ещё в рассказе были использованы этнографические статьи про щекотку и село Каргасок (Медвежий мыс) в Томской области, найденные в недрах интернета. В детстве и юности я бывал в этом посёлке у бабушки.

3. «Золотая пыль»

Сюжет взят из рассказа «Золотой жук» Эдгара По. Пассивная роль золотого жука и активная — чернокожего раба в моём рассказе заменены на пчёл. Я, пчеловод-любитель, использовал свои знания о них, а также специальную литературу на английском по истории Монтаны. Последние 17 лет я проживаю в этом штате. Посещал все упомянутые в рассказе места.

4. «Прогулка в квадрате Z»

Сюжет рассказа подсказал Кафка (рассказ «Описание одной борьбы»), собствен-

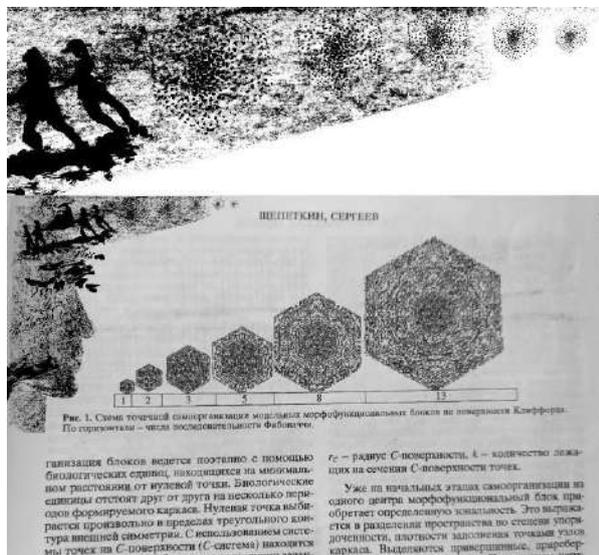
Лилия Гойзман за работой над иллюстрациями

ный сон, мои воспоминания из экспедиций на Тунгусский метеорит, одна из картин художницы Анны Гусевой... Кстати, этот рассказ был первым, для которого Лилия Гойзман делала иллюстрации.

У меня тогда появилась идея инкорпорировать в литературный текст фрагмент научной статьи (идея была подсказана концовкой романа Владимира Сорокина «Тридцатая любовь Марины»). И, действительно, я включил в рассказ цитату из своей работы (Щепёткин И. А., Сергеев М. А. Геометрическая модель спирально-циклической самоорганизации морфофункциональных блоков с двумерными (2D) каналами переноса // Журн. общей биологии. — 2001. — Т. 2. — № 3. — С. 246–252): «Для оценки самоподобной размерности морфофункциональных блоков может быть использован фрактальный анализ... Если размеры блоков кратны числам последовательности Фибоначчи: 1, 1, 2, 3, 5, то...».

Я предложил Лилии включить в одну из иллюстраций к рассказу фрагмент рисунка

с функциональными блоками из этой же статьи. Лилия приняла предложение, а для последующих рисунков решила вместо формул использовать цитаты из стихотворений.

5. «Под куполом Римана»

В рассказе использованы моменты из автобиографии, а также мои научные интересы. Практически у всех персонажей есть прототипы, начиная от профессора Гольдберга, который в годы Второй мировой войны разработал ранозаживляющую мазь из эмбрионов. С другой стороны, некоторые фамилии персонажей имеют исторические прототипы. Например, профессор Богданов (учёный-энциклопедист, революционный деятель, врач, мыслитель-утопист, писатель-фантаст, один из крупнейших идеологов социализма) занимался переливанием крови для омоложения, но умер во время такого переливания...

Для знакомства с работой вулканологов и биовулканологов я прочёл дневники Бориса Пийпа, книгу Лобкова «Вулканы и живые организмы».

Сейчас я живу и работаю в 100 км от Йеллоустонского парка. То есть, по сути, на супервулкане. Своими глазами видел, как работают гейзеры. Так что их описание — это практически натурные зарисовки. Бываю с семьёй в этом парке каждый год.

6. «По северной ветке»

Начало перекликается с рассказом Валентина Распутина «Век живи — век люби».

В своём рассказе я использовал помимо автобиографических моментов также воспоминания Станислава Божко. «Тепличное дело» — это реальное дело, которое было заведено КГБ на томских книжников. Сам я в этих теплицах никогда не бывал, но был знаком с некоторыми людьми, которые знали Божко и даже сидели в тюрьме по делу томских книжников. Судебные заседания были открытыми, и я присутствовал на них пару раз, хотя был достаточно далёк от этого (мне тогда минуло всего 19 лет).

Вот ссылки на некоторые источники, которые я использовал:

bit.ly/3iT6wHe

bit.ly/3rD513P

bit.ly/3zEqNqM

— Лилия, как Вы относитесь к данному сборнику? Довольны ли Вы полученным результатом?

Лилия:

— Я ещё не держала в руках сборник, но то, что записано на видео, смотрится очень качественно и гармонично.

— Вы только делали иллюстрации или вносили свою лепту в создание рассказов? Игорь интересовался Вашим мнением по поводу текста?

Лилия:

— Кроме иллюстраций я предложила добавить подписи-цитаты, ну и саму вёрстку книги в целом (т. к. я не знала некоторых тонкостей книжной вёрстки, издательство отшлифовало на заключительной стадии мой макет, за что им огромная благодарность!). Таким образом, в моих руках было несколько инструментов:

— композиция — я старалась её обыгрывать по максимуму;

— фактура материала — за счёт полутонных пятен угля и плотных штрихов туши я пыталась разделить рисунок на своего рода задний план и передний...

— ну и сам текст (+ подписи-цитаты) — он врывается как свидетель, как доказательство, живой документ...

Своё мнение я не скрывала, и мне казалось, что Игорь с интересом выслушивал его. Очень надеюсь, что не была бестактной. Мне же такое проговаривание помогло понять суть рассказов, настроиться и углубиться в переплетение смыслов и построений.

— А трудности при совместной работе у вас были? Может, разногласия, которые тормозили выход книги?

Лилия:

— К счастью, у меня возникло ощущение, что Игорь полностью доверился мне, это придавало желаниа «не ударить в грязь лицом». Я чувствовала огромную ответственность и старалась выдавать максимально интересные иллюстрации. Пару раз даже решала сама, что нужно подправить тот или иной момент в иллюстрациях или вёрстке, хотя нареканий от Игоря конкретно к ним не было.

— Сколько времени у вас ушло на то, чтобы полностью подготовить сборник рассказов к публикации в издательстве?

Лилия:

— Рассказы поступали постепенно, вёрстка с иллюстрированием шли без аврала, — весь процесс занял около года.

— На что бы Вы посоветовали читателям обратить внимание во время знакомства с книгой «Под куполом Римана»?

Лилия:

— Я бы посоветовала читать без спешки, вдумчиво, прислушиваясь к себе, своим воспоминаниям, в идеале, для стереоэффекта — на веранде или в парке, чтобы ощущать прикосновение природы. Мне кажется, даже у таких закоренелых горожан, как я, найдутся моменты единения с природой, на даче, море, да хотя бы в санатории. Поверьте, эти воспоминания расцветут по-новому после прочтения рассказов Игоря. Они насыщены невероятно живыми описаниями.

Игорь:

— Согласен с предложением Лилии. Со своей стороны, хочу порекомендовать «интерактивное чтение». Насколько мне известно, художественные тексты с такими ссылками уже существуют. По крайней мере, писатель Михаил Шишкин недавно рассказывал, что работает над такой книгой.

— Книга «Под куполом Римана» — это невероятная работа, созданная благодаря союзу писателя и художницы. Рассказы, заставляющие задуматься о многом, подчёркнуты атмосферными иллюстрациями и цитатами, которые помогают лучше понять суть историй, поведанных автором. Коллаборация стала неким экспериментом, который принёс Игорю и Лилии уникальный опыт создания оригинального стиля повествования, что передаёт смысл книги читателю не только текстом, но и визуальными картинками.

Тамара Брославец, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»

История одного преступления, от случайности до закономерности

Для того чтобы детектив сумел зацепить читателя, ему необходимо быть интригующим, интересным и самое главное — он должен скрывать свои тайны до самого финала. Читатель не должен узнать, почему события происходят так, а не иначе, кто скрывается за личиной убийцы и почему преступление было совершено. Но при этом каждая глава должна открывать небольшую часть завесы, чтобы книга постепенно раскрывала небольшие детали, шаг за шагом приближая к разгадке.

Такую книгу и представил миру Алекс О. — «FOLLY» — детектив, который позволяет читателю разгадать тайны не только настоящего, но и далёкого прошлого. События, происходящие сотни лет назад, непосредственно влияли на все те, что начались с пожара в панельном доме и неумелого убийства, которое не удалось замаскировать.

Читатель погружается в историю постепенно, но уже с первых страниц события

захватывают своей динамичностью. В книге нет изъезженных сюжетов, она привнесла в литературу что-то новое, непредсказуемое. Здесь много героев, у каждого из которых свои мысли и свои мотивы. Автор позволяет заглянуть в голову каждому, понять, почему они поступают так, как поступают. И, несмотря на их количество, каждый из них важен для общей картины, они вместе рассказывают историю, которая начинается с прекрасного города Рима 1828 года.

Алекс О. гармонично перескакивает между временными отрезками, построив логическую цепочку, спутанную во всевозможные узлы, которые придётся распутывать читателю вместе с детективом. Приключения персонажей будут удивлять читателя с каждой прочитанной страницей.

Лихо закрученный сюжет держит в напряжении до самого финала, заставляя прочитать книгу до конца, не отпуская её ни на секунду. Атмосфера всего происходящего настолько живописна, что напоминает больше фантастический фильм с хорошо прорисованным характером событий.

Одним из главных героев книги является капитан полиции Антон Тишков, харизматичный и умный детектив, которому необходимо отыскать все связи, чтобы докопаться до истины. Но с каждой раскрытой зацепкой он понимает, что находится только на вершине айсберга и копать придётся много. Свидетели скрывают свои тайны, а потерпевшие просто боятся рассказать правду.

Книга «FOLLY» — это качественный детективный роман с элементами приключений, который подойдёт всем, кто любит отойти от стереотипного мышления. Только взгляд сквозь строчки поможет разгадать настоящее преступление, шлейф от которого тянется сквозь различные эпохи, страны, города и привлекает к себе всевозможных людей, связанных между собой общими скелетами в шкафу.

Тамара Брославец, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»

Многогранная поэзия Василия Серебрянского

Поэзия позволяет взглянуть на мир другими глазами. Раскрывает вопросы, тревожащие человеческие умы и сердца. Она открывает душу поэта читателям, эмоции и чувства передаются строчка за строчкой, и каждое слово наполнено смыслом. Франц Кафка говорил: «Поэзия преобразует жизнь», — она заставляет задумываться о вещах, что вертятся в голове, но о них нет времени подумать.

Стихи Василия Серебрянского говорят о многом: хорошем и плохом, любви и печали, Родине и человеческих заботах, близких каждому. «Сборник лучших стихотворений» подобрал в себя именно те стихи, которые затронут сердце каждого.

Стихи сборника затрагивают не только социальные темы, такие как патриотизм или проблемы Всемирной сети, но и темы любви и дружбы, печали и радости. Каждое стихотворение делает книгу особенной, для читателя она станет сборником открытий, позволит заглянуть в душу автора и задуматься над тем, что поэт собирался донести в широкие массы.

*Спасибо, милая, тебе
За то, что в жизнь мою ворвалась!
Горю поэзии огнём
И остывать не собираюсь.*

Строчки стихотворений Василия Серебрянского оставляют после прочтения много различных эмоций. Как в авторе горит огонь поэзии, так и в читателе зарождается искра, которая разгорается всё сильнее после каждой прочитанной страницы.

Поэзия, собранная в сборнике, гармонично переплетается между собой. Она увлекательная и интригующая. Каждый стих можно прочитать несколько раз, и каждый раз найти для себя что-то новое.

Василий Серебрянский бросает вызов обществу громкими словами и яркими образами. Он с точностью хирурга раскрывает самые болезненные темы общества, умело и ненавязчиво поднимая их в стихотворениях:

*Найдите себя, постарайтесь понять:
Зачем на земле эту жизнь проживать?
Прислушайся к сердцу, в себя загляни
И доброе имя своё сохрани!*

Каждая строчка несёт в себе свой посыл, поэт словно обращается к каждому читателю, помогает читать между строк и находить скрытый смысл, открывающий глаза на окружающий мир. Легко и непринуждённо автор разговаривает через своё творчество, рассказывая о своих переживаниях и своей истории.

Некоторые стихотворения из сборника, посвящены определённым ключевым людям из жизни Василия Серебрянского. Они позволяют узнать автора лучше, понять его историю и чувства. В них открывается мировоззрение поэта, которое он пытается донести всем, кто держит в руках книгу.

«Сборник лучших стихов» — это чувственные, красочные и невероятно душевные стихотворения, которые надолго поселятся в душах читателей, раскрывая свою многогранность.

**Тамара Брославец, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»**

Волшебный мир детства

Детство — это пора, где нет границ между волшебством и реальностью. Дети умеют радоваться мелочам, подмечают самые удивительные вещи и смотрят на мир с добродушной улыбкой. Они находят выход из любой ситуации, знают, как справиться с трудностями и не потерять оптимизма и веры в чудеса.

О таких детях и пишет писательница Валентина Игошева в книге стихов «Детство — волшебная страна». Это добрые истории, в которых дети сталкиваются с самыми разными приключениями и трудностями, проходят их с высоко поднятой головой и весельем.

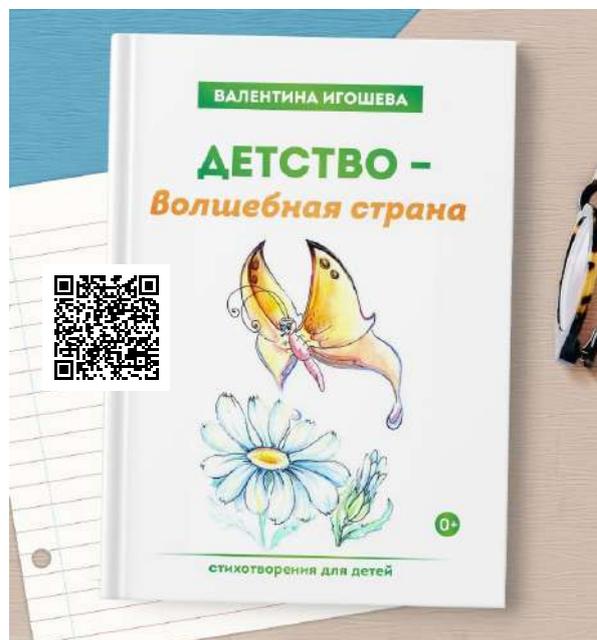
Умело написанные стихи, каждый из которых повествует о чём-то новом, поучительном, и конечно же никуда без капельки озорства. Непоседливые мальчишки и девочки изучают мир, узнают, что такое хорошо и плохо, и помогают своим друзьям.

В книге собраны герои, которые будут понятны не только детям, но и взрослым. Лёгкие диалоги, без излишеств, которые точно передают эмоции персонажей, делают их непохожими друг на друга.

Валентина Игошева попыталась передать тот самый дух детства, тёплые чувства, что оставляют в сердцах невинные приключения и попытки выкрутиться из различных ситуаций. Детям не помеха дождь среди зимы или жаркие летние дни, если рядом есть фонтанчик.

Художники, писатели и маленькие помощники — дети могут всё, они не боятся трудностей, любят мечтать и всегда верят в чудо. Они любознательны, им интересно всё, что происходит в мире.

Книга рассказывает о простых вещах доступным языком, который поймут даже самые маленькие читатели. Яркие образы

и запоминающиеся рифмы позволяют воображению представлять стихи в виде маленьких фильмов, где все герои становятся осязаемыми.

Особенностью стихотворений Валентины Игошевой есть то, что она очень точно передаёт переживания ребят и эти переживания развеиваются с каждой строчкой, после чего остаётся лишь тепло в душе и улыбка на губах.

Книга «Детство — волшебная страна» наполнена небольшими свершениями каждого героя, маленький читатель радуется победам ребят и вместе с ними становится лучше и смелее. Открывая страницы книги, словно оказываешься в детстве, где ярко светит солнце, чудесно пахнут пирожки, приготовленные любимой бабушкой, а хитрый кот играет с аквариумными рыбками. Каждое стихотворение — это окно в мир безграничной радости и светлых чувств, которые пробуждаются у всех читателей, независимо от возраста.

Тамара Брославец, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»

Философские мотивы легенды «Волшебный светильник, или Поэма о Буюке и Гюли» Адриана Фаравана

Имя Адриана Фаравана хорошо известно читательской аудитории. Ведущими в творчестве писателя являются философские мотивы. Он размышляет о человеке, его предназначении, о жизни и смерти, о взаимоотношениях человека и природы, об устройстве мироздания и роли человека в нём. Открыть человеку глубины его души, сделать лучше, счастливее — вот в чём пи-

сатель видит миссию литературы. При этом антропологические воззрения Адриана Фаравана представлены с позиций социоцентрического подхода: в его произведениях человек живёт интересами общества, думает не столько о своём счастье, сколько о счастье всех людей. И в легенде «Волшебный светильник, или Поэма о Буюке и Гюли» главным героем движет именно эта идея:

*Гюли, мой друг, послушай, дорогая,
Мы стали счастливы, мы истину познали,
Но наше счастье — это счастье двух.
А я хочу, чтоб люди стали лучше,
Чтоб доброта вселилась в эти души,
А злость исчезла пылью со стекла.*

Концепция человека, представленная Адрианом Фараваном, соотносится со взглядами американского психолога, философа Тимоти Лири, создавшего учение о семи типах мышления человека. На низшем уровне — мышление рептилий, доминирующей установкой которого является страх перед тем, кто сильнее, и недоверие к миру, отри-

цание счастья. Мир, который рисует Адриан Фараван, живёт во власти страха — перед падишахом (Слыл он самым богатым и самым жестоким на свете, / И в соседней коварством вселял он панический страх); перед драконом, каждый год собирающим дань — сто юных дев; перед змеей, охраняющей путь к волшебному светильнику:

*Я правлю этим миром — СТРАХ!
Подвластны мне и царь, и нищий,
Даю я людям кров и пищу,
И я их превращаю в прах!
Страх боли, страх потерь, страх смерти —
На этом держится весь мир.
И я — единственный кумир,
Мне люди молятся, поверьте.
Аллаха именем хотят
Скрыть то, в чём страшно признаваться, —
Всегда, везде, всего бояться!
Лишь страхом человек богат!*

Человек в этом мире сломлен и не верит в свои силы, в возможность изменить судьбу. Он подчиняется обстоятельствам и готов день за днём тащить пустой невод из чёрных вод, не понимая, что потворствует процветанию зла.

На высшей ступени — мышление гуру, для которого нет преград. Гуру обладает великим знанием о мире и желанием показать людям путь к истине. Таким выступает в поэме старец, подаривший герою знание — Книгу Таинств, Магий и Чудес:

*Простая Истина тебе подарит свет,
Она и есть и Магия, и Чудо,
И к Истине всегда стремятся люди,
Но, не найдя её, все думают, что нет.*

*Душа — Светильник тот, горящий состраданьем,
Пока ты на Земле — огонь его не гаснет,
Жить для людей, Буюк, твоей судьбы призванье,
Неси же людям свет сквозь годы и опасность!*

В поэме ярко прослеживаются интертекстуальные связи с легендой о Данко М. Горького: они наблюдаются в выборе жанра (легенда), в романтическом представлении героев, в используемой символике (душа — светильник; сердце — факел), в проблематике текста. Концепция человека, предложенная Адрианом Фараваном, в конце поэмы заявлена особенно чётко:

*ТВОРЕНЬЕ КРАСОТЫ и ИСТИНЫ ПОЗНАНЬЕ
СЕРДЦАМИ, ЛЮБЯЩИМИ ближнего навек, —
Вот три начала званья
ЧЕЛОВЕК!!!*

По мысли писателя, человек должен жить в мире красоты, истины, доброты и любви, причём среди счастливых, сильных и внутренне свободных людей. Жестокость, злость, коварство, страх противны его природе, убивают в человеке его сущность. В этом проявляется гуманистическое начало поэмы Адриана Фаравана.

Следующее философское понятие, на котором хотелось бы остановиться, —

Буюк и старец мечтают о том времени, когда

*...человек, окинув взором свет,
Поймёт, что в мире ничего-то нет
Дороже и прекрасней человека!*

Старец благословляет Буюка на миссию — показать людям истину, путь к добру:

*Зажги светильник — пусть пылает пламя,
Теперь ты понял, в чём твоя задача!*

Много испытаний пришлось пережить Буюку на этом пути, пока он с помощью Гюли не понял, что волшебный светильник, который он ищет, в нём самом:

это понятие времени. Время — одна из основных философских категорий. Оно показывает необратимую изменчивость мира, процессуальный характер его существования, движение от прошлого через настоящее к будущему. В анализируемом произведении время имеет власть над всем в природе, оно играет с людьми, нередко препятствует осуществлению задуманного:

*О насмешливое время,
Нами вертишь, как захочешь.
Все мы лишь марионетки —
Нить судьбы в твоих руках.*

*И никто не знает точно,
Что там будет на рассвете,
Время властвует над всеми,
И в итоге все мы — прах!..*

*О время — ледяная горка жизни,
Мы мчимся вниз, и скорость нарастает!*

Время разделяет любящих, проверяет на прочность их чувства:

*Там Время — злобный суховей —
Ростки надежды иссушает,
Мираж нас только выручает —
Воспоминанье прежних дней.*

Время в поэме является действенным персонажем, автор наделяет его свойствами живого (оно вертит людьми, иссушает ростки надежды), характеризует при помощи эмоционально-оценочных эпитетов (оно насмешливое, злобный суховей), метафоры (ледяная горка жизни), благодаря чему кажется, что время на стороне зла. Однако контекстным антонимом к слову выступает воспоминанье. Интересно, что воспоминанье — это понятие, связанное со временем, так как обращено в прошлое. Получается, что не всё время на стороне зла: прошлое «выручает», согревает воспо-

минаниями, а противостоит человеку лишь настоящее. Но и настоящее оказывается побеждённым, оно замирает, когда Гюли находит Буюка и вскрикивает: «Остановись, мгновенье!»

Поэма Адриана Фаравана заставляет читателя задуматься о вечных философских вопросах: о добре и зле, любви и ненависти, жестокости и милосердии, силе и слабости, но главное — о человеке, обретении себя, о чистоте своего сердца, о служении людям, добру.

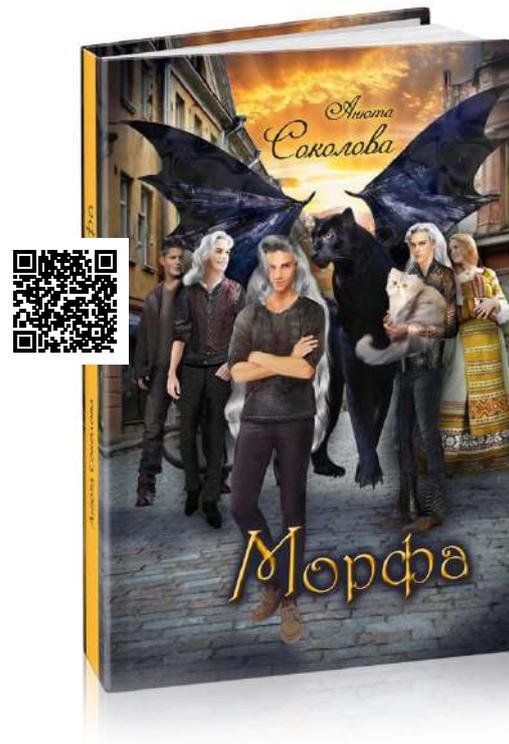
Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко»

Фэнтези – пустышка? Опровержение на примере романа Анюты Соколовой «Морфа»

Фэнтези принято называть пустышкой. И правда, что серьёзного ждать от литературного жанра, который вырос из фольклора и представляет собой нагромождение безумного вымысла? Между тем мало кто задумывается над тем, что именно фэнтезийные романы — площадка, где проще и эффективнее всего говорить о наблевших проблемах так, чтобы не вызвать у читателя раздражения и отторжения, но заставить его задуматься и, возможно, пересмотреть какие-то из своих взглядов. Анюта Соколова — тот писатель, который осознал эту истину и во благо использует свой талант, открывающий перед ней, как перед думающим и неравнодушным современником, двери прямою в сердца незнакомцев-библиофилов. Новый роман «Морфа», вышедший из-под её пера — это возможность с помощью аллегорий, гипербол и гротеска научить людей терпимости и настоящей, неподдельной толерантности.

«Все разумные виды — морфы, винари и люди — уравнивались в правах великого королевства Алерии», — гласит закон. Но то, что написано на бумаге и не затронуло людских сердец, не имеет силы. Морфы — самые необычные создания из всех — подвергаются гонениям, являются предметом ненависти и подлежат уничтожению, которое ведут безумные и агрессивные фанатики, исповедующие свою собственную религию жестокости. Возможно, эти существа, которые могут менять форму и становиться другими людьми снаружи и изнутри, и правда, порождения Бездны? Сомнения невольно закрадываются в душу, ведь и читатель, как антигерои повествования,

не лишён инстинкта, заставляющего его бояться всего непривычного, непонятного и непохожего на него. Чтобы избавиться от них раз и навсегда без долгих бесед на избитые темы, Анюта Соколова создаёт фэнтезийную аллегорию реальности и предлагает заглянуть в душу главного героя, которая хранит раны от нанесённых обид, полученных оскорблений, хлыстов страха и страшных воспоминаний детства. Но любовь становится той спасительной силой, что даёт если не полное исцеление, то хотя бы его видимость. Если не способность радоваться жизни, то хотя бы возможность существовать без иссушающей сердце ненависти.

Любовь в формате книги имеет множество ликов. Тут есть место романтике, дружбе, семейным взаимоотношениям.

Но посыл, заложенный Анютой Соколовой в «Морфу», глубже. Её книга о любви к ближнему и принятии его без ограничений, без попыток перекроить под себя, без ужаса перед его необычностью и «неформатностью». Потому что лишь внутреннее наполнение имеет значение. А внешность лишь зыбкая форма, созданная для хранения бесценного дара — души. Именно поэтому морфа меняет лик, но всегда остаётся собой. Такова главная метафора произведения.

«Хотелось рассказать ей про древнюю расу, которая не знала единой власти, правительств, титулов и сословных различий... Сила магии, слияние с миром, возможность творить и создавать. Счастье в близости, семье и отношениях». Но говорить только о нравственности, высоких качествах человека, страшных явлениях современности и социальных проблемах, переложив всё это на иную реальность, — плохая идея, если речь идёт о фэнтези. Анюта Соколова и не собиралась этого делать. Отдавая дань жанровой лёгкости, она закрутила динамичный сюжет, который вращается вокруг выполнения задания или квеста, поставленного перед главным героем. Каэн должен воплотиться в аристократа и совершить в его облике путешествие. Всё

просто? Не тут-то было! Идёт жёсткая политическая игра на выбывание. И он стал разменной монетой для тех, кто ни во что не ставит чужие жизни.

Политика, география, экономика мира — продумано всё до мелочей. Особенности общественного мировоззрения раскрываются постепенно, последовательно разворачивается карта Вселенной, открываются козыри в руках тех, кто стоит у власти, создаётся интрига, похожая на головоломку. И вот уже читатель заинтригован, почти загипнотизирован происходящим. Он оказывается очень сильно вовлечён в события благодаря убедительности автора и эмоциональному накалу. И это позволяет Анюте Соколовой, как настоящей волшебнице, влиять на подсознание своей аудитории, постепенно убеждая библиофилов не только в хороших качествах своих персонажей, но и в истинности, значимости и актуальности своих социальных идей. Потому и выходит, что фэнтези перестаёт быть пустышкой и становится способом борьбы с пороками. И, если мы оставляем такое право за ироничными жанрами, почему отказываем в нём не менее образным, бойким и доходчивым фантазиям, взможенным на почве таких же непреложных и известных фактов?

Екатерина Кузнецова,
руководитель пресс-центра Академии литературного успеха

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Пробуй, или У каждого из нас есть ресурсы, чтобы творить чудеса

- ◆ Я устал писать. Всё равно это никому не нужно.
- ◆ У меня куча конкурентов. И точно есть те, кто лучше разбирается в продвижении через интернет, а я совсем этого не умею.
- ◆ Все рифмы уже придуманы. Что я тут могу изобрести?
- ◆ Все интересные темы уже разобраны по полочкам, описаны и изданы.

Вам приходят в голову эти или подобные мысли?

У вас опускаются руки, выключается творческое воображение и заедает или вовсе не работает кнопка «Придумай идею».

Вы откладываете ручку, выключаете компьютер, закрываете социальную сеть и удаляете контакты издательства из телефона. А зря!

Согласно одному из принципов Милтона Эриксона:

**У КАЖДОГО ИЗ НАС ЕСТЬ РЕСУРСЫ,
ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ ТОГО, ЧЕГО ОН ХОЧЕТ.**

Представьте себе, что вы обладаете неизвестными вам до сих пор способностями. До того, как написать первый детективный рассказ, сочинить философское стихотворение, сделать своими руками розу из цветной бумаги, которую не отличишь от настоящей, или смастерить комод, которого нет ни у одного из соседей, вы и не думали, что умеете это делать. Ведь так?

*Лариса Агафонова –
кандидат психологических наук,
доцент, практикующий психолог, коуч*

В детстве ребёнок, не задумываясь над сложностью задачи, начинает садиться, ползать, ходить и бегать. А потом осваивает арифметику, высшую математику и даже компьютерную алгебру. Просто потому, что не знает, что это невозможно.

Взрослея, мы начинаем сомневаться, опасаться и не верить в свои возможности. Творческие люди склонны к сомнениям и переживаниям в разы больше, чем их, обладающие большим прагматизмом, друзья.

Мы с коллегами провели анализ запросов творческих личностей, с которыми они обращаются к психологам сейчас, когда реальный мир очень изменился после пандемии и введения ограничений. Результат показал, что основными причинами творческого кризиса стали:

1 *Невозможность успеть за развитием социальных сетей и их растущим как грибы после дождя контентом.* Stories, reels, IGTV и прочие модные тенденции, несмотря на всю очевидную для продвижения творчества пользу, порой пугают и отнимают время.

Что делать? Если вы уверены, что все эти нововведения вам нужны, значит, вы непременно найдёте ресурсы для их изучения и внедрения.

□ Попросите о помощи близких и знакомых, которые уже освоили новинки.

□ Ищите бесплатные курсы, на которых равнодушные и нежадные коллеги делятся своими знаниями.

□ Применяйте сразу, не боясь ошибиться.

2 *Разочарование в читателях.* Скорее, даже не в самих читателях, а в их выборе. Появляются мысли, что в современном мире читают только фантастику или детективы. А тем, кто пишет детективы, кажется, что читают лишь любовные романы или триллеры.

Что делать? Искать своего читателя. Он точно есть, и это так же верно, как то, что любви все возрасты покорны. Всегда есть те, кто любит, например, авторскую песню, и те, кто ничего, кроме классической музыки, не слушает.

□ Поменяйте круг общения, как в жизни, так и в социальных сетях. Это не значит, что нужно вооружиться метлой и разогнать всех знакомых.

□ Осмотритесь, оцените тех, для кого вы до сегодняшнего дня выкладывали свои стихотворения в интернет. Возможно, есть и другая, более лояльная к вам аудитория.

□ Спросите открыто (это сложно, но вы точно справитесь) у своих подписчиков, насколько им интересно то, что вы пишете. Ответ может быть неожиданным и, возможно, не совсем приятным, но он даст вам возможность идти по новому пути.

3 *Отсутствие «незанных» тем.* Ежедневно тысячи людей выкладывают в посты новые истории, произошедшие с ними сейчас или в глубокой юности, на отдыхе или в профессиональной среде. И кажется, что написано уже обо всём. Что уж велосипед изобретать!

Что делать? Изобретать другой транспорт. И чем он сложнее, тем интереснее.

□ Подглядывайте идеи у других пользователей социальных сетей (только идеи, а не их реализацию). Ваш рассказ про пляжный отдых и то, какая детективная история там приключилась, будет абсолютно не похожим на все остальные.

□ Возьмите бумажный альбом (детский, студенческий, с выпускного вечера или сплава на байдарках). Если у вас его нет, пролистайте электронные фотографии. Вы с удивлением увидите, сколько занимательных сюжетов живёт на этих снимках.

□ Участвуйте в марафонах в социальных сетях. Там вам обязательно подкинут интересные идеи и направят мысли в творческое русло. А конкурентная обстановка придаст мотивации и энергии.

Как только мы обретаем уверенность и верим в то, что у нас есть все необходимые ресурсы, чтобы начать действовать, перезагрузиться и добиться цели, мы открываем кладовые с силами, шкатулки с идеями и получаем новые возможности для достижений и свершений.

Друзья! Верьте в себя и в свои неизведанные ранее силы!

Eugenie et Stephane

Челябинская обл.

Дыши!

*Après la pluie, le beau temps.
(После дождя всегда солнце.)*

1

Монотонный осенний дождь касался её плеча, шапочки, длинного разноцветного шарфа. Но она брела по улице, не замечая ни мутной этой сырости, ни пронизывающего ветра, ни всего этого серого дня. Вдруг капля дождя упала ей на лицо. Девушка вздрогнула и медленно подняла голову. Взгляд её уткнулся в стену. Опять. Опять этот плакат. Чуть дрогнули губы, и на лице девушки застыло беспомощное выражение. С плаката на неё смотрело неземное создание в лёгкой дымке струящейся ткани — она сама...

Неуловимый взгляд, руки, устремлённые в танце к небу. И вся её, словно парящая, фигура. Ускользящий образ... «Такой и должна быть танцовщица» — вспомнила она слова фотографа, делавшего рекламный плакат для университета, где училась.

Досадливо поморщившись, она отвела взгляд от стены. «Альбина, ты же обещала не ходить этой дорогой! Смени маршрут, кулёма!» — И она устало опустилась на скамейку рядом со зданием. Мысли её улетели куда-то далеко, в тот самый день. Вот их танцкласс — освещённая ярким солнцем комната. Стайка весёлых быстроногих девчонок. И она, Альбина, среди них — такая же весёлая, беспечная, открытая лишь хорошему и радостному.

Репетицию прервал стук в дверь. На пороге появилась заведующая кафедрой в сопровождении молодого человека с фотоаппаратом.

«Извините за вторжение, Ирина Петровна! Девочки, внимание! — хорошо поставленный, властный голос заведующей заставил девчонок притихнуть. — Знакомьтесь, это Михаил, фотограф, он делает снимки для рекламного плаката нашего университета. Так что... (многозначительная пауза) кто-то из вас станет лицом факультета!» Девчонки завизжали от восторга. «Успокойтесь, девочки, кастинга не будет, — усмехнулась заведующая. — Михаил присутствует на репетиции, сделает снимки, а потом мы выберем наиболее подходящие. В любом случае желаю вам удачи!» — благосклонно кивнув, заведующая удалилась.

Всю репетицию девчонки танцевали, стараясь изо всех сил, изредка бросая взгляды в сторону фотографа. Альбина же быстро забыла и о фотографе, и вообще обо всём на свете. Когда она танцевала, атмосфера вокруг неё становилась какой-то волшебной. А она парила в ней, наслаждаясь каждым моментом танца. Одухотворённой становилась вся её поза, тонкий профиль, вздёрнутый носик, воздушные руки-крылья. Это и заметил фотограф. И щёлкал фотоаппаратом. Раз, два, три, десять. Сбился со счёту и поймал волну — ведь он тоже был человеком, увлечённым своим делом.

Ускользящий образ... И когда готовые снимки легли на стол заведующей, стало ясно без слов — вот оно, лицо факультета.

Когда плакат появился перед зданием, Альбина, добрая домашняя девочка из интеллигентной семьи, впервые поняла, что такое зависть. И что её вкус может быть таким ядовитым, а послевкусие горьким... Очнувшись от своих мыслей, Альбина поднялась со скамейки. По профессиональной привычке выпрямив спину, она пошла вперёд. Вперёд, не оглядываясь, подальше от плаката и от той её прежней, такой счастливой реальности...

Вернувшись домой, Альбина прошла в комнату. Села в кресло и сидела так долго, безучастно глядя на намокшее пальто в прожилках дождя, на грязную лужицу,

натёкшую с ботинок. Через какое-то время девушка поднялась с кресла, заставила себя снять верхнюю одежду, окинула взглядом привычную обстановку комнаты. Включила телевизор. В новостях объявили, что изоляцию продлили ещё на месяц. Альбина выключила телевизор и подошла к окну. Прислонилась лбом к стеклу. Горячим лбом к холодному стеклу. И постаралась забыть этот день...

2

Следующие два дня Альбина не выходила из дома. Лежала, глядя прямо перед собой в потолок. Иногда она пыталась мысленно расширить пространство, чтобы вновь испытать забытое чувство полёта, как в танце. Но тщетно. На третий день Альбина встала и нехотя поплелась на кухню. Открыв холодильник, обнаружила, что он пуст. Нужно было идти в магазин. Несмотря на никчемность нынешнего существования, перспектива умереть с голоду Альбину не прельщала. Девушка собралась, надела уже ставшую привычной маску и вышла из дома. Моросящий дождь, казалось, шёл уже не пять дней, а сто лет...

В магазине Альбина уныло сновала между полок с продуктами и лишь на пятом кругу сообразила, что ей нужно. Машинально сложив продукты в корзину, девушка пошла к кассе. Случайно задев кого-то плечом, она даже не заметила этого и не подняла взгляда. Погружённая в невесёлые свои мысли, Альбина подошла к кассе. Встала и замерла. Мужской голос вывел её из оцепенения и вернул в реальный мир: «Девушка, вы уснули там, что ли?» Рассеянно посмотрев на говорившего, Альбина подошла к кассе, оплатила продукты и вышла из магазина. Парень посмотрел ей вслед и покачал головой.

Альбина двигалась, как сомнамбула, в сторону дома. В её голове десятый раз прокручивалась плёнка её нынешней жизни, обрывки каких-то разговоров и невы-

сказанных обид. И вдруг... Визг тормозов, и кто-то резким движением схватил её за воротник куртки и дёрнул назад. Окончательно очнувшись, Альбина вздрогнула всем телом. Где-то сбоку прогремел уже знакомый голос: «Нет, ну вы точно спите!» Девушка дрожала и готова была разревётся, а мужчина не унимался и всё отчитывал её. Проезжавшая мимо машина окатила их водой, и Альбину наконец-то прорвало — слёзы потекли ручьём, смешиваясь с дождём и остатками туши. «Ну, что ты ревьешь? — смягчился мужской голос. — Подумаешь — окатили! Это же одежда — высохнет!» «Не в одежде дело...» — всхлипнула Альбина и, наконец, взглянула на своего спасителя — перед ней стоял тот самый молодой человек из магазина, поторапливающий её на кассе. Резко развернувшись, девушка двинулась в сторону дома. Парень догнал её и взял за рукав: «Ой, не нравишься ты мне что-то... В таком состоянии нельзя выходить одной. Где ты живёшь?» Альбина посмотрела отрешённо: «Где бы я ни жила, мне не хочется туда возвращаться». «Ну вот что, так дело не пойдёт! — решительно сказал он. — Надо тебя спасти! Пойдём, я провожу тебя домой или пойдём ко мне!» — вдруг закончил парень. От неожиданности Альбина вздрогнула. «Не хватало ещё нарваться на маньяка», — пронеслось в голове. Но парень не выглядел угрожающе, напротив, он даже был симпатичным и совсем не похожим ни на какого маньяка. «Много ты в маньяках-то разбираешься!» — мысленно ворчливо сказала себе Альбина. Но всё-таки посмотрела на молодого человека без прежней опаски. Было что-то располагающее в его облике. Альбина даже чуть улыбнулась, а молодой человек неожиданно (всё-таки он был мастер по неожиданным словам и действиям!) сказал:

— Слушай, у меня пиво есть! Выпьем? Тебе сейчас не помешает, определённо.

— Вообще-то я не пью, — протянула Альбина. — Но... в принципе, этот день уже ничем не испортишь!

— Молодец, наш человек! — одобрительно кивнул парень. И взяв Альбину за руку, повёл её в ближайший двор.

Двор был пустынным — неудивительно, в такую-то погоду! Они расположились под деревянным навесом. Парень снял маску, и Альбина в очередной раз отметила про себя, какой он симпатичный. Молодой человек тем временем вытащил из сумки две банки пива и орешки в пакетике и поставил перед Альбиной.

— Ну что, за знакомство! — подмигнул он девушке. — Меня, кстати, зовут Альберт!

— Альбина! — представилась девушка.

— О... Альберт и Альбина — звучит неплохо, не находишь? — пошутил молодой человек и поднял, как бокал для тоста, свою банку пива.

Альбина поднесла банку к губам — что-то мешало, и она сообразила наконец, что так и не сняла маску. Альберт непринуждённо рассмеялся. Альбина почувствовала себя глупо и снова замкнулась. Альберт заметил перемену в настроении девушки и решительно сказал:

— Ну, выкладывай! Кто там тебя обидел?

— Ну... — задумалась Альбина, — а почему я должна рассказывать о своей жизни первому встречному? Разве так можно?

— Не можно, а нужно! — убеждённо сказал Альберт. — Про «эффект попутчика» слыхала? Ну вот, и не дрейфь! — Всё-таки он удивительно располагал к себе, этот «случайный попутчик» Альберт.

— Да я не знаю, с чего начать... — замялась Альбина.

— Не знаешь, с чего начать, — начни с главного! — опять-таки уверенно произнёс Альберт. — Кто обидел-то тебя, Альбинка?

— Это всё плакат! — выпалила Альбина.

— Плакат? — брови молодого человека удивлённо взлетели вверх. — Что ещё за плакат?

— Это долгая история... — протянула Альбина.

— А я никуда не тороплюсь, — взгляд молодого человека стал серьёзным.

— Ну вот... — вздохнув, начала Альбина, — понимаешь, я с детства мечтала танцевать. Ну, не представляла себя без танца!

Альберт кивнул.

— Так вот, я собиралась поступать на хореографическое отделение, — продолжила Альбина, — а родители — они люди серьёзные. И профессии у них серьёзные. В общем, они меня не поддержали...

— Ну что ж, бывает, дело житейское! — понимающе кивнул Альберт.

— А я их не послушала, представляешь! Первый раз в жизни не послушала. И поступила. Сама, безо всякой поддержки прошла, выдержала все экзамены!

— Молодец! — похвалил Альберт.

— Сначала всё было очень хорошо. Я училась изо всех сил. И танцевала! А потом... потом стало ещё лучше — моё фото отобрали для рекламного плаката, и я стала лицом нашего хореографического факультета!

— Это круто! — одобрил Альберт.

— Ну, вот и некоторые подумали... — помрачнев, продолжила Альбина, — что это слишком круто... и стали завидовать. Сплетничали, говорили, что я из «блатных», танцюю неважно, а в институт меня по знакомству пропихнули.

— Ну, завистники, обычное дело! — пожал плечами Альберт. Казалось, его ничем не удивишь!

— Для кого-то обычное дело, — возразила Альбина, — а я сразу растерялась, не была готова я к такому. Я ж думала, что танец — это сплошное счастье и ничего плохого случиться не может — ты просто танцуй и всё!

Альберт улыбнулся в ответ на её слова.

— А потом, — продолжила Альбина, — меня и вовсе на конкурс престижный отравили. А я возьми и выиграй его! — в её голосе промелькнули ироничные нотки. — Ну и тогда завистники разыгрались не на шутку, а особенно одна завистница — настроила весь курс против меня, с парнем моим меня рассорила. Парень меня бросил, в группе ко мне относились холодно, в об-

щем, сплошное невезение. Очень сложно было психологически.

Альберт понимающе кивнул.

— Ну вот, — тяжело вздохнула Альбина, — в такой сложной атмосфере закончила я институт. И вдруг — мне предложили работу! Театр хореографии, и не где-нибудь, а за границей! Я восприняла это как спасение! А тут — эта ситуация, изоляция. И никуда не выехать. А жить на что? За квартиру платить? Работать где?

Слова Альбины отчаянным знаком вопроса повисли в воздухе. Она беспомощно смотрела на Альберта, словно ожидая, что он даст ей ответ.

И он сказал:

— Понимаешь, Альбинка... жизнь такая штука — даёт тебе подножку, а потом, когда ты уже смирился и ничего не ждёшь, протягивает руку и помогает подняться! Так что, не дрейфь, прорвёмся!

В этот момент во двор въехала полицейская машина. Из неё вышел мужчина и направился к деревянному навесу.

— Сержант Гринько! — представился он. — Так... В чём дело, почему нарушаем самоизоляцию? Сидите без масок — раз! Напитки спиртные распиваете — два! — и сержант строго посмотрел на них.

— Хотим и сидим! А что, нельзя? — неожиданно огрызнулся Альберт.

— Документики предъявите! — сержант выжидающе смотрел на Альберта.

— Ну нет, нет у меня с собой документов, — сдался Альберт.

— Тогда проедем с нами до выяснения личности, — решил сержант. — И вы, и девушка!

— Сержант, — примиряюще сказал Альберт, — ну отпустите девушку, у человека и так обстоятельства в жизни трудные, а тут ещё... А я поеду с вами.

— Ну... ладно, — сержант посмотрел на них внимательно, — что ж мы, не люди, что ли? Девушка, вы можете быть свободны, — кивнул он Альбине.

Альберт ободряюще улыбнулся ей и сел в полицейскую машину.

Альбина растерянно смотрела ему вслед, постояла ещё пару минут в нерешительности, а потом подняла с земли свой пакет с продуктами и пошла домой.

3

Следующие несколько дней прошли в ожидании. Альбина не находила себе места, слонялась из угла в угол и всё ждала чего-то. Погода тем временем менялась — моросящий дождь, наконец, кончился, и на смену ему пришло настоящее бабье лето. Природа не поскупилась на краски — листья янтарного, золотистого, багряного оттенка радостно переливались на солнце. Вид за окном радовал глаз. Но тревожные мысли не отпускали Альбину. Кроме того, она находилась в смятении — правильно ли было с её стороны изливать душу постороннему человеку? Но, странным образом, Альберт, которого она знала всего ничего, почему-то больше не казался ей посторонним! Альбина искренне беспокоилась за него — как он? всё ли у него в порядке? Будучи человеком от природы мнительным, Альбина накручивала себя — воображение рисовало ей картины одну тревожнее другой. Наконец, девушка решила, что будет вполне прилично позвонить Альберту и узнать, как у него дела. Альбина взяла телефон и... в тот же момент поняла, что они так и не обменялись номерами. От досады девушка даже шмыгнула носом. «Ну вот, не хватало ещё разреветься!» — пронеслось в голове, и, чтобы успокоиться, Альбина сделала себе кофе. Отпив пару глотков, подошла к окну. Некоторое время Альбина просто бездумно смотрела на залитую солнцем улицу, потом взгляд её сфокусировался на весьма колоритной компании — вдалеке, возле проезжей части, стояла группа байкеров. Крутые мотоциклы, шлемы, модный кожаный прикид — всё как полагается! И вдруг... Альбине показалось, что в одной из фигур она узнала... Альберта! Приглядевшись, она поняла, что, скорее всего, ошиблась. «Ну вот, сейчас в каждом прохожем буду

его видеть!» — досадливо поморщилась Альбина и поняла, что ей срочно нужно на воздух, проветриться. Быстро собравшись, девушка вышла на улицу. Солнышко ласково пригрело её, и она, почти успокоившись, неторопливо шла по улице. Проходя мимо байкеров, она чуть замедлила шаг и с интересом принялась их разглядывать. И тут... раздался знакомый голос с привычными насмешливыми интонациями: «Альбинка! Это ты, что ли?» Не веря своим ушам Альбина обернулась — напротив стоял Альберт, улыбающийся, в таком же модном кожаном прикиде, как у остальных.

— Ну, что застыла, кулёма? Не узнала? Или от радости язык проглотила? — весело-беспечно спросил Альберт.

— Альберт? Ты как здесь? Тебя отпустили? Ты как? — от волнения Альбина не могла подобрать слов.

— Да расслабься, Альбинка! — хохотнул Альберт. — Подумаешь, подержали пару часиков в полиции, штраф заплатил за «распитие», — подмигнул он ей, — и отпустили домой!

— Я так волновалась! — шмыгнула носом Альбина.

— Да ты что?! Совсем ты раскуксилась, я смотрю, — Альберт покачал головой, — сидишь, наверное, целыми днями дома без дела, лучше бы свои эти упражнения, как там её... растяжку эту вашу танцевальную делала бы! Восстанавливай форму!

В этот момент Альбина неожиданно ощутила укол совести — ведь и правда, она за год ни разу не делала ни растяжку, ни любое другое упражнение! Расслабилась!

И чтобы как-то скрыть своё смущение, она спросила у Альберта первое, что пришло в голову:

— Альберт... а ты вообще кто?

— Ну и вопросик! — развеселился Альберт. — Ну, хорошо, слесарь я на заводе, ну и байкер, естественно. Видя удивление Альбины, молодой человек продолжил: — А ты что хотела услышать? Что я «стойкий оловянный солдатик», а ты «прекрасная

плясунья»? Вот так, слесарь. Мезальянс, Альбинка! — в глазах Альберта прыгали весёлые смешинки.

В этот момент Альбина заметила, что группа байкеров — друзья Альберта — уже давно и с интересом наблюдают за их разговором. Альберт тоже заметил это и непринуждённо сказал: «Знакомьтесь: это Альбина, моя знакомая, звезда и надежда российской хореографии». Альбина опять засмузилась. Тогда Альберт решительно произнёс: «Так, хватит смущаться и переживать, поехали кататься!» — с этими словами он протянул Альбине шлем. Девушка совсем растерялась — ведь она никогда не каталась на байке! Альберт молчал и выжидающе смотрел на неё. И Альбина решилась — как в воду холодную нырнула! Надев шлем, девушка смело уселась на мотоцикл и обняла Альберта за спину. И вся группа выехала на проезжую часть.

4

Мотоцикл Альберта мчался по авто-трассе. Альбина вдыхала этот манящий запах свободы, смешанный с еле уловимым, но таким волнующим ароматом одеколлона. От спины Альберта шло какое-то удивительное тепло, Альбина чувствовала, как это тепло передаётся ей, наполняя жизнь каждую клеточку тела. «Я здесь! Я дышу!» — Альбине хотелось крикнуть это во весь голос. Тревоги и страхи куда-то улетучились. На смену им пришла эйфория, эйфория от полёта. Альбина почувствовала, что губы сами собой растягиваются в улыбке — как же давно она не улыбалась! И хотя сейчас шлем скрывал улыбку, Альбина знала точно, что она больше не выпустит из рук это прекрасное чувство свободы и радости.

Когда их маленькое путешествие закончилось, Альберт привёз её домой. Они остановились во дворе, и Альбина, сняв шлем и легко встряхнув волосами, счастливо улыбнулась Альберту.

— Альбинка! — удивился молодой человек. — Ты, оказывается, умеешь улыбаться!

— Да я и сама уже об этом забыла, — ответила Альбина, — спасибо тебе!

Альберт заметил перемену, произошедшую с девушкой. Такая Альбина, жизнерадостная, с горящими глазами, очень понравилась Альберту.

— Слушай, Альбин, у нас через неделю в байкерском клубе будет праздник — закрытие сезона. Приходи, я приглашаю! Адрес тебе скину эсмэской, договорились? — сказал Альберт.

Альбина кивнула. Альберт ободряюще улыбнулся девушке, надел шлем, и через минуту его мотоцикл скрылся из виду.

Всю неделю Альбина думала про Альберта и их маленькое путешествие-приключение. Девушке не хотелось больше грустить и унывать. Она даже возобновила свои тренировки. После долгого перерыва тело слушалось плохо, мышцы болели и ныли, но Альбина радовалась этой боли, чувствуя себя восхитительно живой...

Настал день праздника в байкерском клубе. Альбина собралась на удивление быстро. Она посмотрела на себя и улыбнулась — зеркало отразило молодую симпатичную «байкершу» в кожаной куртке и модных брючках, с залихватски поднятым хвостом волос на затылке. И весь её образ был каким-то хулиганским! Альбина подмигнула себе и вышла из дома.

Альберт встретил её у входа в клуб и даже присвистнул от восхищения. Стоящий рядом с ним парень поинтересовался: «Кто эта красотка?» «Это ко мне!» — Альберт решительно взял Альбину за руку и увлёк за собой.

Праздник проходил весело, с традиционными байкерскими заездами и выступлениями. Мероприятие снимал фотограф. Когда Альбина с Альбертом стояли у байка, фотограф заметил эффектную пару и решил сделать интересный кадр. Он подошёл к ним. «Девушка, а вы не могли бы сесть на мотоцикл?» — обратился он к Альбине.

— Михаил? — приглядевшись, изумлённо спросила Альбина.

— Альбина, это вы? — фотограф Михаил тоже узнал девушку. — Ну, как у вас дела, «лицо» хореографического факультета?

— Из-за этого вашего плаката одни неприятности! — с досадой произнесла Альбина.

— Да? — удивился и, кажется, искренне расстроился Михаил. — Ну надо же! Ничего, сейчас нарисуем другой кадр, счастливый!

И с этими словами он сфотографировал Альбину и Альберта.

5

Через пару дней в квартире Альбины раздался звонок. «Альбинка! Ничего не спрашивай, приезжай сейчас в клуб!» — радостно прокричал в трубку Альберт. Альбина не успела ничего ответить, а в трубке уже пели короткие гудки. Странно волнуясь, девушка собралась и приехала к клубу. Когда она приблизилась к зданию, изумлению её не было предела — на здании красовался плакат: парень и девушка будто бы мчатся вдаль на серебристом байке и общее прекрасное ощущение свободы и полёта.

Альбина глубоко вздохнула и счастливо улыбнулась...

Дыши!

Татьяна Голикова

Хабаровск

Подсказка для Веры

Вера приблизила лицо к зеркалу. Всё-таки возраст такая сволочь... Отошла на пару шагов — так лучше. Очки, прописанные ещё в школе, всегда благополучно лежали в сумке и доставались в случае крайней нужды. Вера была убеждена, что они ей категорически не идут. Так и проходила до сорока лет со слегка смазанной картиной мира — «зато у меня все молодые и без морщин!»

Тронула скулы румянами. Ну вот, свежа, как утренняя роса! Так, теперь со сбруей разобраться. Положила на кровать жёсткий корсет, легла на него поясницей, туго затянула. Под одеждой не видно, а ходить намного легче. Клим похлопал жену по жёсткому корсету:

- У штангистов такие пояса.
- Угу! А я супертяж.

После аварии любимые долгие прогулки и йогу пришлось отложить. Вера попра-

вилась, злилась на себя: старалась, но не могла совсем отказаться от калорийных вкусностей — и так удовольствий в жизни поубавилось.

— Договорились с поездкой?

— Да. После педсовета в агентство поедем.

«Сейчас приеду и сразу спать». Вера в такси возвращалась с дня рождения. Подруга устроила небольшие посиделки, не стала переносить на выходные — дата не круглая. Поболтали, выпили немного вина — середина недели, не разгуляешься.

«Завтра с третьего урока. Обед утром приготовлю, сейчас только фарш из морозилки вытащу». Посмотрела на часы — половина десятого. Дети точно ещё не спят — с папой у них вольница. С Ильёй разобраться надо. Встретила сегодня его тренера — сын, оказывается, уже две недели прогу...

Вера глянула из-за спины водителя в лобовое стекло — навстречу не сворачивая летела машина. Доля секунды растянулась и замерла в абсолютной тишине. Вера видела, как два автомобиля, будто в замедленной съёмке шли лоб в лоб. Ей казалось, что так же медленно она обхватила голову руками, нагнулась к коленям. Тишина взорвалась бешеным визгом тормозов. Водитель такси рванул руль вправо, уходя от удара. Колёса захватили бровку, машину занесло на обочину, она два раза перевернулась и остановилась.

Вера медленно распрямилась — вроде жива! Так, руки-ноги — всё шевелится. Господи, спасибо Тебе!

Скорая забрала водителя с рассеченной головой. Вера в больницу не поехала: никаких повреждений, просто тряхнуло немного. Больше испугалась!

Потом оказалось, что от резкого удара что-то сместилось в позвоночнике. Третий месяц Вера хромала, ходила медленно, с остановками. Больно было всё — сидеть, ходить, лежать. Прошла всех докторов,

в конце концов врачи развели руками — нужна операция. Вера отказалась.

— В Китай поеду. Там медицина — не чета нашей. Президенты ездят лечиться.

Позвонила в турагентство — там обрадовали: несколько дней назад запустили чартер до китайского курорта Бэйдайхе. Три часа и на месте. Долгие перелёты с пересадками сейчас были бы слишком тяжёлым испытанием.

— Это хороший знак. Точно еду!

Прямой перелёт очень обрадовал. Вера решила, что это подарок небес, адресованный лично ей. Появилась не просто надежда — точное знание, что всё будет хорошо.

Нашлась спутница — Ирина.

— Математику преподаёт. Лет на пять старше меня. Я пришла, она уже работала. Ничего такая, только занудная немного, — рассказывала Вера мужу. — Не знаю, как уживёмся. А то вон Ленка Иванова съездила со знакомой — после этого общаться перестали.

— Поприжми характер. Вдвоём всё равно лучше.

Ирина не была нигде, кроме Украины — после восьмого класса всей семьёй поехали на мамину родину. Эту долгую поездку с Дальнего Востока через всю Россию она часто вспоминала. Потом замуж вышла, жизнь закрутила, денег всё время не хватало. В этом году сделала наконец-то загранпаспорт и сейчас заметно волновалась — первая поездка за границу. Щёки у неё горели. Всю дорогу до турагентства расспрашивала Веру — как оно там?

— Тебе понравится, точно не пожалеешь, — Вера была в Бэйдайхе много лет назад. Тогда они просто отдыхали, молодые и здоровые. Какое там лечение! Экскурсии интересные, море рядом — красота!

— Ну что, оформляем? — Агент приветливо улыбнулась. — Со скидочкой хорошая цена получается.

Переглянулись и дружно закивали: все детали обсудили, со всем согласны. Подписали договор. Девушка начала оформлять

страховку. Заученно объясняла: «Стандартная страховка десять тысяч долларов. Без неё сейчас туристов не выпускают».

Вера повернулась к Ирине:

— Слушай, а давай увеличим страховую сумму?

Ирина пожала плечами:

— Я ж вообще ничего не понимаю. Делай, как считаешь нужным.

— Да не знаю, — Вера помолчала. Она сама была немного удивлена — зачем вдруг ей это понадобилось.

— Даша, — Вера посмотрела на бейджик агента, — а сколько будет стоить страховка на пятьдесят тысяч?

Девушка постучала по клавишам калькулятора. Доплата оказалась небольшой.

— Ну что, страхуемся на пятьдесят? — уточнила агент.

Вера кивнула.

Долетели легко. В отель заселились быстро. Записались на лечение — и скорее на море! Вышли из прохладной тишины клиники в небольшой пустынный парк — только пара работников мела дорожки и стригла кусты. Посреди газона поливалка разбрасывала водяную пыль, которая в лучах солнца превращалась в огромный радужный шар.

За оградой тихого парка кипела совсем другая жизнь: непрерывные потоки людей, громкая музыка и горластые зазывалы, яркая зелень и неоновые вывески, терпкие запахи экзотических растений и открытых кафешек — всё сразу обступило, обняло. Жаркое послеобеденное солнце усиливало звуки, уплотняло запахи. Город бурлил.

Встречались европейцы. Без сомнения — русские. Наших узнаёшь безошибочно. Спросили дорогу до моря.

— Вот по этому переулку, потом по улице налево — как раз на набережную выйдете.

Шли не спеша. Вера искала скамейки, садилась, наклонялась вперёд — так боль немного отпускала. Ирину такой темп не

напрягал, она всегда двигалась чуть медленнее, чуть размереннее окружающих. И походка такая у неё — Вера попыталась подобрать слово — то ли шаткая, то ли неуверенная. Подруги подшучивали над медлительностью Ирины, она же, спокойно улыбаясь, объясняла: «Я не медлительная, а важная! А про неуверенную походку тоже есть объяснение. Рост высокий, сама крупная, а ножка маленькая. Опора, не подходящая под стать хозяйки».

Наконец потянуло морем. Тут бы рвануть побыстрее, по привычке. Куда там! Ладно, медленно, но верно. Подлечимся да и побежим через пару дней.

— Завтра будем покупать экскурсии, нужно обязательно узнать про горный монастырь. Сколько всего видела — а эту поездку забыть не могу.

Вера с семьёй спускалась тогда из монастыря по канатной дороге. Внизу зелёное море. Иногда их кабина плыла высоко-высоко, сердце замирало от пропасти внизу. Местами канатка ныряла вниз, и казалось, можно наклониться и коснуться верхушек самых высоких деревьев. Порой лес расступался для огромных полян цветов, то ли синих, то ли фиолетовых.

— Может, это лаванда была. Не знаю. Представь! Горный воздух смешивается с очень ярким ароматом цветов — этот запах у меня до сих пор в носу стоит, — Вера поднесла для убедительности руку к лицу. — Ниже спустились — там сады фруктовые начались. Яблони. Как с картинки — сплошь усыпанные яблоками. А яблоки такие крупные! — Сложила руки, показывая размер. — Точно, как два моих кулака. Красные. И, представляешь, от них тоже свой аромат. Я тогда подумала, что вот он — рай на земле.

Как во всех курортных местечках, выход к набережной был плотно заставлен лавками. Торговцы пляжным товаром теснились друг к другу. Купальники, шляпы, яркие полотенца, надувные матрасы

невообразимых расцветок... И вот оно — море!

Вера остановилась на набережной в растерянности. Вдоль моря шла широкая прогулочная дорожка. Ниже начинался пологий песчаный спуск. Только песка было почти не видно — весь берег был сплошь уставлен маленькими палатками, между которыми плотно расположились отдыхающие китайцы. Это напоминало огромную пасеку, где ульи выставлены длинными рядами, а между ними густо снуют пчёлы. Море около берега буквально кипело.

— Боже мой! Ира, что это?

Ирина посмотрела удивлённо.

— Что такое? Народу много? Ну так ведь самый сезон! — Она не поняла возмущения подруги.

— Да как тут можно купаться! Между китайцев, что ли? Кошмар какой-то! Они ж раньше вообще не купались и не загорали. Берег совсем пустой был. Только русские и плюхались в море.

— Мне кажется, летом на море всегда людей много, — Ирину явно не пугал этот человеческий муравейник на берегу.

— Тогда изредка кто-нибудь гулял под зонтиком вдоль моря. Ну, может, по щиколотку в воде, — Вера закатила глаза. — Научили на свою голову... Ладно. Что делать-то будем?

Ирина потянула Веру:

— Смотри, русские пошли дальше. Пойдём за ними.

Прошли метров двести. Плотность китайцев уменьшилась. Здесь на некотором расстоянии друг от друга располагались и русские и китайцы, не мешая друг другу. А чуть правее начался уже и русский пляж.

Ирина купалась с видимым удовольствием, как большой ребёнок. У Веры раздражение не утихало. Ну никак не совпадала картинка из памяти с тем, что увидела. Это злило. Казалось, что кто-то в этом виноват. Ну чего злиться? — уговаривала Вера себя. В Китай же приехала. Вот они

и отдыхают. У себя дома. И, если помнишь, их миллиард. Давай приспособливаться. В конце концов, главное — вылечиться. Иришке хорошо. Не с чем сравнивать. Ей и это кажется раем...

Вечером прошли первое лечение. Симпатичная девушка менеджер с электронным переводчиком назначила им полный китайский набор — массаж, иголки, травы. Иглы всем ставил один пожилой врач. Он даже немного говорил по-русски. Из того поколения ещё, когда русские и китайцы были «братья навеки». А вот массажист каждой достался свой. Витя и Ваня. Им всегда дают русские имена, там, где клиенты из России. Интересно, а в Америке они Джонами себя называют?

У Ирины процедура уже началась. Она уже потихоньку кряхтела, то ли от боли, то ли от удовольствия. Вера же всё не могла устроиться так, чтобы не сильно болело. Какой тут массаж, если просто лежать нет сил. Вот, бестолковый какой, этот Ваня. Давай подушку сюда подложим, чтобы не так тянуло. Наконец, устроилась. Всё пошло своим чередом.

Удивил конец процедуры. Ваня положил на спину намоченное в отваре трав большое полотенце, полил чем-то сверху и поджёл. Спрашивал: «Горячо?» Потушил огонь, когда Вера кивнула — хватит! Накинул сверху ещё одно полотенце и оставил прогреваться. Пахло травами и горючкой. Тепло проникало глубоко в мышцы, расслабляло их.

Утром встретились с гидом. Миниатюрная китаянка говорила по-русски хорошо. Акцент делал её речь очень милой.

— Здравствуйте! Меня зовут Соня. Я буду вам помогать в этой поездке, — Соня открыла рекламный проспект. — Мы находимся в провинции Хэбэй. Наш курорт и этот город называются Бэйдайхэ. Это значит «река, идущая на север», — Соня произносила заготовленную речь.

Записались на экскурсию.

— Завтра в половине девятого будет автобус. Я буду вместе с вами.

Соня выписала билеты, собрала свои бумаги, помахала на прощание маленькой ручкой:

— До свидания! До завтра! — И поспешила в следующий отель.

Утром Ирина сидела, обхватив подушку, и блаженно улыбалась.

— Давно так хорошо не спала, — потянулась сладко. — Сегодня только третий день начался, а мне кажется, что мы так давно здесь.

— Ещё десять дней. Дай бог, лечение подействует. У меня пока всё без толку, — Вера потирала больную ногу. — Полночи крутилась, уснуть не могла. Всё, вставай, а то опоздаем!

Небольшой автобус был почти полон. Нашли места в конце салона. Соня всю дорогу рассказывала о китайских традициях. Ирина слушала внимательно и вместе с ещё одной активной дамой задавала вопросы про пользу термальных источников, на которые они ехали. Вера думала — сегодня о массажисте. Как бы устроить так, чтобы к Вите перейти... Минут через сорок проехали Циньхуандао — столицу провинции. Ничего так городок. Соня сказала — три миллиона население. Надо будет съездить, по магазинам походить. Дети всегда ждут обновок, да и себе прикупить чего-нибудь, а то совсем забросила себя с этой спиной, будь она неладна.

Автобус остановился около здания, похожего на стеклянный куб. Термальные источники оказались тремя не слишком большими бассейнами. В одном, побольше, была простая вода. Два других были с минеральной водой — тёплой и прохладной. Именно в них и должны были оздоравливаться туристы.

— Купайтесь, пожалуйста! Отдыхайте! Здесь два часа будем. Потом мы поедим в сад бабочек.

Как всегда, нашлись недовольные — мало времени для купания! На деле и этого времени хватило за глаза. Через час Вера заскучала. Плавать в бассейне надоело. Присела за столик. Ирина продолжала плескаться, пританцовывая в воде под музыку. Радуетя как ребёнок! Конечно, ничего толком не видела. Вера поднялась:

— Пойду на улицу.

Жаркое солнце плавало асфальт и отражалось в стеклянных стенах. Вера села под зонтиком рядом с Соней. Развернула стул так, чтобы смотреть, как там Ирина зажигает. Стекло оказалось непрозрачным снаружи.

Небольшая площадь около здания была практически пустая и какая-то необжитая.

— Недавно построили?

Соня кивнула:

— Только три месяца работает.

Поболтали лениво ещё пару минут. Вдруг из здания раздался крик. Ужасный, животный какой-то. Обе подхватились и рванули внутрь. Ирина лежала на полу. Нога была неестественно подвёрнута. Вокруг сгрудился народ.

— Боже мой! Ира, что случилось?!

Ирина громко стонала. Видно было, что ей трудно говорить.

— Поскользнулась... А-а-а-а-а!

Рослая, полная, в купальнике, она лежала на правом боку. Левая нога подёргивалась от боли, а нижняя, правая, была вывернута в сторону, как у сломанной игрушки. Она так ужасно смотрелась на белом кафельном полу.

— Ты что делаешь? — Вера резко повернулась к парню, который фотографировал всё это на телефон. — Совсем с ума сошёл? Цирк, что ли? — Её просто трясло. — Давай! Падай! Ломай себе что-нибудь! А я фотографировать буду.

— Ирочка, может, потихоньку в кресло сядем? — попробовали двинуть её с места.

Тут Ирина со стоном опять перешла на крик:

— Ой-ё-ёй! А-а-а-а! Не трогай!

Соня трясущимися руками набирала номер скорой помощи.

Вера прикрыла подругу полотенцем, гладила по плечу.

— Потерпи, солнышко! Сейчас скорая приедет, разберутся — может, ничего страшного, — говорила и сама себе не верила.

— Зачем ты со мной поехала? От меня всегда одни несчастья!

— Перестань. Сейчас врач приедет, поставит укол. Легче будет.

Музыка в бассейне продолжала играть. Все, поохав немного, продолжили плавать. Вере казалось, что на всех лицах одно общее выражение: «Слава Богу, это случилось не со мной!»

«Зато, ёлки-палки, со мной случилось... Вот было у меня настроение плохое. Неуклюжая зараза... Что делать-то сейчас? Что делать? Вообще не понимаю! Отдохнули по-царски... Подлечились!»

— Ира, давай ключи от кабинки. Пойду переоденусь, вещи твои соберу.

Соня вызвала другого гида для сопровождения группы. Вера спросила осторожно:

— Мне можно с вами ехать? — Ей по-детски хотелось услышать, что посторонним в больнице делать нечего. Продолжай, Вера, отдыхать, а мы там уж как-нибудь сами разберёмся.

— Конечно! Обязательно нужно! — Соня смотрела удивлённо — как иначе?

Скорая помощь приехала быстро.

Ирину положили на носилки, сотрудники бассейна помогли отнести её в машину. Сели с двух сторон от носилок: Соня не отпускала руку Ирины, Вера сидела с сочувствующим лицом, сложив руки на груди.

Ирину повезли в центральную больницу большого города — она ближе и, Соня сказала, — самая лучшая.

Ехали минут двадцать. Сначала дорога летела между полями, засеянными до каждого клочка, потом в окне замелькали небоскрёбы, наконец, скорая остановилась. Врач велел подождать. На улице около вхо-

да было полно народу. Стоял обычный китайский галдёж, совсем не больничный.

Два санитаря подвезли к машине каталку и привычно ловко и сноровисто переложили на неё Ирину, хотя по виду она весила как оба санитаря вместе взятые.

Процессией двинулись внутрь: врач с бумагами, санитары везут Ирину, Соня. Вера хромала последняя. Нога разболелась невероятно. От нервов, наверное. При взгляде на опухшее от слёз лицо подруги про свою ногу было стыдно думать. Но ведь болит же...

Народу в коридорах было битком. Санитары буквально расталкивали людей. Заехали в большую комнату. Каталку с Ириной поставили около стены. Врач сказал: «Вами займутся, когда дойдёт очередь».

В комнате на каталках лежали ещё двое. Пожилая женщина под капельницей с закрытыми глазами, рядом молодая девушка тихо ей что-то говорила. На другой каталке тяжело дышал худой, измождённый мужчина. На скамейках сидели люди с ранами, кое-как прикрытыми тряпками. На лицах страдание и терпение.

— Соня, это что, приёмный покой такой? Это же ад какой-то. Как тут лечиться?

— Это поликлиника профсоюзов. Сюда со всех деревень люди приезжают. Подожди, Вера. Мы не будем здесь. У вас же есть страховка?

— Да, конечно. Но она в гостинице.

— Ничего страшного. Вернёшься, сразу позвони — там номер телефона есть.

К Ирине подошла медсестра, поставила капельницу.

Дыхание мужчины на соседней каталке перешло на хрип. Он умирал на глазах у всех. Подскочил врач, громко крикнул что-то. Прибежали санитары, принесли электроразрядное устройство. Доктор приставил его к тощей груди больного. Разряд, ещё разряд... Мужчина дёрнулся несколько раз и затих. Не помогло. Тело накрыли простыней.

— Ира, отвернись к стенке.

Ирина молча повернула голову к стене и прикрыла глаза. Лекарство немного начинало действовать.

— Соня, пойдём в коридор, может, найдётся местечко. У меня уже просто нет терпения, — Вера похромала искать, где приткнуться.

Пришла медсестра с направлением на рентген. Поехали по длинным коридорам, переходам. Один лифт, другой. Наконец, рентгенкабинет. Кое-как переложили Ирину с каталки в аппарат. Соня, как маленькая букашка, суетилась вокруг Ирины, тащила изо всех сил. Ирина громко стонала.

— Подождите, — Ирина остановила помощниц. — Дайте дух перевести.

Наконец всё было готово. Медсестра взяла готовый снимок, что-то сказала Соне.

— Соня, ну что там?

— Подождите, сейчас мы поедem к врачу. Он всё скажет.

Врач, симпатичный мужчина лет пятидесяти, что-то объяснял, глядя на снимок. Ирина с Верой вопросительно смотрели на них, переводя взгляд с доктора на Соню, и пытались по интонации уловить что-то обнадеживающее. Соня слушала, и лицо делалось всё более расстроенным.

— Перелом шейки бедра. Со смещением. — Они переглянулись с выражением полной катастрофы.

— Это всё! Калека на всю жизнь! Господи, за что?! — Ирина закрыла лицо руками. Сквозь пальцы бежали слёзы.

— И что теперь делать? — Вера смотрела то на врача, то на Соню.

Соня внимательно слушала доктора и переводила — нужна операция. Вместо поломанного сустава поставят искусственный, но сначала выровнять кости — они сдвинулись при переломе. Сейчас её повезут в процедурный кабинет убирать смещение.

— Я думала, здесь подлечат немного, а операция уже дома...

— Если упустить время, Ира уже никогда не сможет ходить, — врач смотрел на них очень серьёзно.

Опять поехали по длинным коридорам. Процедурный кабинет оказался совсем небольшим. Каталку поставили посередине. Доктор сделал Ирине укол. Почему -то в колено поломанной ноги. Вера удивилась — странно! Поломано-то бедро... Врач открыл шкаф и достал инструмент, очень похожий на обычную дрель. Да что там похожий! Обычная дрель, такими в стенах дырки делают. Положил на стол, вернулся к шкафу, достал металлическую коробку и стал перебирать лежащие в ней свёрла, поглядывая оценивающе на ногу Ирины. Остановился на длинном, сантиметров двадцать. Подошёл, приложил его к полной, слегка отёкшей коленке, кивнул своим мыслям и надел сверло на дрель.

Женщины притихли и молча наблюдали за странными действиями.

Вера тяжело оперлась на каталку, стоять не было уже никаких сил. Ирина попросила сухими от страха губами воды — в сумке бутылочка. Врач начал что-то объяснять Соне. Оказалось, что нужно сделать отверстие под коленкой, для того чтобы кости выровнять и подготовиться к операции.

— Это не вредно. Это потом хорошо для ноги будет, — Соня старалась говорить уверенно, но видно было, что она с трудом сдерживает внутреннюю дрожь. — Без этого никак нельзя.

Врач накинул ремень на голени Ирины, перебросил его через каталку и жёстко зафиксировал ей ноги. Показал, чтобы женщины встали с двух сторон от неё

и дополнительно держали. Сам приступил к процедуре. Мозг отказывался верить в реальность происходящего. Всё вокруг будто рассыпалось на отдельные фрагменты. Вот врач включил дрель, приложил вращающееся сверло к ноге, и оно стало погружаться в живую плоть. Вот Ирина с искорёженным от боли лицом кричит так, что просто нет сил это слышать. Вот маленькая Соня изо всех сил навалилась на Ирину, чтобы та не дёрнулась, не помешала врачу. Слезы у неё льются без остановки, руки заняты, вытереть невозможно. Вот Вера с сухим, отстранённым лицом рядом с доктором крепко держит ногу подруги. Здесь сил нужно больше, вот и стоит совсем рядом с гудящим сверлом. Отвернулась, чтобы не видеть происходящего. Во всю стену небольшого кабинета окно, там солнце и тополя. Да нет, какие тополя! Наверное, они по-другому здесь называются.

Наконец дрель замолчала. Врач вставил в образовавшийся канал какую-то железку, концы её торчали из ноги Ирины с двух сторон. Она стонала, уже не в силах кричать. Соня гладила её руку, утирая слёзы. Вера успокаивала Ирину: «Потерпи!» Смотрела на искренне сострадающую, уже рыдающую навзрыд от пережитого шока Соню, сама держала на лице сочувствие и удивлялась себе — почему совсем нет слёз? «Сволочь я, наверное, бессердечная. Но, Господи, почему, почему это случилось со мной? Отдохнула, подлечилась... Сил нет никаких... Идиотка, о чём ты думаешь! С Ирккой вон что творится... Это ад, это просто ад какой-то... Это не могло случиться со мной...»

(Окончание следует)

Алёна Иванова

Озёрск, Челябинская обл.

Воплощённая ночь

Бесследны шаги. Утончившийся профиль.
Графический абрис углём на холсте
Полуночных улиц. Зонты зябких кровель
Промокли насквозь в проливной темноте.
Идёт незнакомка. И редкий прохожий,
Спеша безучастным осенним листом,
Озноб ощущает, ползущий по коже:
Кто, кто она, тень на бульваре пустом?

Она не стремится в объятья квартиры,
Блуждает по кладбищу лета, нема,
Где скорбны стволы, ветви голы и сиры,
Из мрака угрюмо воззрились дома.
И призрачный ветер надломленным стоном
Суровым деревьям терзает сердца.
Чернея забытым увядшим бутонном,
Идёт незнакомка, не видно лица...

Прекрасна та девушка, только слепые
Во тьме все прохожие; страх гонит прочь.
Её же глаза на свету — голубые,
Лишь ныне в зрачках — воплощённая ночь.
В глубинах дождливых зеркал тротуара
Незрим силуэт одинокой мечты:
Над ней тяготеет проклятие дара
Постигнуть и видеть красу темноты.

Желанная гостя почившего мира
Приветливо гладит древесных коней.
Сквозь гривы, сплетённые в вязь эльзевира,
Дома, словно духи, беседуют с ней.
И ветер в порыве любви вдохновенном
Ласкает её; но, печалью смирён,
Сочувственно шепчет о том, незабвенном,
Кого она ищет в чертогах времён.

Романтик она. Неприязнь беспричинна.
Но выйти на солнце вовек не посметь.
Возможно ль, что чёрная осень невинна,
Коль мнят, что зима белоснежная — смерть?
Она не боится ветвистых скелетов.
Ей люди страшны — кто, поверив клейму,
Без сил и стремления вывести к свету,
Привычно крушит её хрупкую тьму.

Иллюзорный

Богус¹. Призрак. Иллюзорный друг.
Шалость заигравшегося детства.
Это я. Не помнишь? Недосуг...
Взрослые не верят в чародейство.

Ты теперь творишь реальный мир,
Созданные сказки забывая.
Но я здесь — последний сувенир:
В детстве дружба самая живая.

Тёплый уголёк её костра
Бережно храню от вьюжной стыни.
Та звезда, что видишь до утра, —
Искра уголька, моя святыня.

С виду мал, ровесник по годам,
Я тебя не брошу без пригляда.
Знаю: одиночество — твой шрам,
Ибо с сердцем ни души нет рядом.

Коль ни воли нет, ни силы нет
И от слёз подушка полиняла,
Обниму твой острый силуэт
Мягкими руками одеяла.

¹ Богус — воображаемый друг. Персонаж одноимённого фильма (не аллюзия).

Отзовусь, как фокусник-трюкач,
О любом вопросе, интересе
Кадрами мелькнувших передач,
Строками послышавшихся песен.

Здесь я — отражение твоё;
Ты ж оригиналом оставайся.
Зеркалу посетуй на житьё —
Подмигну тихонько: «Не сдавайся!»

Я незрим и нем, но явь и сны
Защищу всей сутью бестелесной
И окликну молча со спины,
Если вдруг засмотришься над бездной.

Страшилка

Конец занятий. За окном —
Огромная луна.
Мне в Хэллоуин домой пешком
Дорога суждена.
Студент, смелее, не робей!
Но как? Весь путь — одной...
Класс! Однокурсник мой Андрей
Решил пойти со мной.

Я чутко вслушалась во тьму:
«Крадётся к нам беда!»
«Листва по следу твоему
Шуршит». — «А... ерунда...»
Пробрал меня далёкий вой
До кончиков волос.
Андрей с ухмылкой: «Вот герой!
Не бойся. Это пёс».

Вдруг жёлтый глаз прорезал мрак.
Я, взвизгнув: «Прочь пошёл!
Спасайся, страшный вурдалак!!!» —
Схватила палку-кол.
Зверюга мчался напрямик...
«Ты хоть бы подсобил!» —
«Умру я со смеху сей миг!
Твой монстр — автомобиль».

Вот и подъезд — родная цель.
Но тут Андрей спросил
С улыбкой странной на лице:
«А в гости... пригласи?»

Вздохнула я: «Ну что сказать?
Прости, приятель мой.
Устал ты: бледен и глаза
Красны. Ступай домой».

Вдруг вихрь — откуда ни возмись.
Я глянула вокруг.
Всё тихо. Только вот сюрприз:
Исчез куда-то друг...
Наутро, с ясной головой,
Смеялась я... И тут:
«Кошмар! На курсе никого
Андреем не зовут!..»

Венок сказаний Южного Урала

1. Аркаим

Заветный край меж небылью и былью,
Славянская отчизна — Аркаим.
Он — амулет, в степи застывший свилью,
Непотопляем и неопалим.

Адепты — чуть дыша, в слепом бессилье, —
Войдя в поток энергии над ним,
Ступают, вняв кочевникам самим —
Земным иль нет, —
след в след, сокрытый пылью.

Все гости в час рассветный и закатный
Возносят три желанья Благодатной,
Шаманке — плач о здравии без травм.

Огни во мгле загадочно моргают,
И камни тешат, камни помогают:
Мечты людей не чужды здесь горам.

2. Чашковское каменное городище

Мечты людей не чужды здесь горам,
Где млеет в чаше золото долины.
Как памятники сказочным зверям,
Стоят в лесу граниты-исполины.

Иль это гномы злобные? Вот срам!
Покаренные солнцем властелины.
Крушит кузнец врагов неисчислимых —
Незрячий, мстит за жёнушку вора.

Его с Голухи кликнет коль чета,
На счастье в мир вернуться доброта
И грёза — в явь сквозь камень без усилья.

Коль кто Лягушке даст свой поцелуй,
Найдёт любовь в небесной стае струй:
В парящих скалах вырастают крылья.

3. Скала Крылья дракона

В парящих скалах вырастают крылья,
Зубчатый гребень режет синеву.
Где мыли золото, мусковит где рыли,
Средь белых древ дракон склонил главу.

Природа здесь Ворота растворила,
Стеречь доверив чудо-существу.
Светла ль, темна ль — их, как по волшебству,
Окутывает аура всеилья.

Охотники к ней издавна зывали
О метком глазе, о руке из стали,
О добром знаке, о щите от ран.

И ныне в арке мощь кипит иная:
Сквозь тело, все желанья исполняя,
Струится сила, льнущая к ветрам.

4. Озеро Иткуль

Струится сила, льнущая к ветрам,
Над Иткулем, студёным и прозрачным.
На дне горят гранаты тут и там,
Всю воду крася пламенем кумачным.

Средь озера, не чадо мастерам,
Темнеет камень отщепенцем мрачным.
Сюда на ритуал — чтоб год был злачным¹ —
То белый шёл, то чёрный шёл баран.

Дух Аждаха́ в пещеру под скалой
Влечёт пловцов: моргнёшь — и с глаз долой.
Вон там — бурун ли, демон ли, горбыль ли?

В своей броне чешуйчатой свинцов,
Пронзая током дерзких удальцов,
Петляет змей, мерцающая пенной пылью.

5. Река Ай

Петляет змей, мерцающая пенной пылью, —
Сбегаёт Ай из тесных берегов.
Леса и горы лишь дивятся пыли,
Летят с обрывов струи жемчугов.

В пещере, что колодцем землю взрыла,
Беглец увечный скрылся от врагов;
Аверкий спрятал клад и был таков.
На страже — жуть под ветошью и гнилью.

А в скалах замер миг на циферблате:
До горизонта — нива на закате,
Лучи колосья глядят по вихрам.

Оставив на утёсе дождь и ветер,
Сомнамбулой в мистическом просвете
Плутает время по иным мирам.

6. Таганай

Плутает время по иным мирам
На заповедных тропах Таганая.
Туман-лисун² крадётся, шал и дран,
В тенёта страха сердце загоняя.

К вершине по космическим морям
Флотилия стремится неземная,
И разверзает бездну тьма ночная
Огням-столбам и молниям-шарам.

По воле бабки Фени Киалимской
Дорогу щедрый гость приметит близко;
Кружить начнёт, кто жаден и упрям.

Вновь ног босых следы неподалёку...
Когда дремота стелет поволоку,
Из леса духи сходятся к кострам.

¹ Злачный (устар.) — плодородный.

² Лисун — леший.

7. Аракульские Шиханы

Из леса духи сходятся к кострам.
От немощной старушки жди подвоха:
Мелькнёт копыто, вспыхнет глаз, багрян, —
Знай, с бабкою Шиханкой шутки плохи.

Аракуль — щит под стать богатырям.
Над пиками стволов горят сполохи,
А под грядой сменяются эпохи,
Заря в озёрах гаснет по утрам.

На гребне скал — огромные круги:
Там выдолблены чаши-очаги
В граните без киянки и зубила.

Твердь камня жгли сигнальные огни.
Богам и людям весть несли они:
Зовёт маяк в обитель изобилья.

8. Сугомак

Зовёт маяк в обитель изобилья,
Откуда голубь нёс масличный лист.
Здесь Ной, сойдя с аракульского шпиля,
В пещере жил, где мрамор серебрист.

Любовь слезами землю окропила —
И в озере вид гор небесно чист.
А в гроте НЛО специалист
Заметил под водой, под толщей ила.

Из подземелья или из кошмара —
Алёшенька у бабушки Тамары
Конфеты ел на печке по-людски.

И в недрах где-то ход ведёт (узнать бы!)
В демидовскую белую усадьбу...
Хранят легенду-клад особняки.

9. Улица Цвиллинга в Челябинске

Хранят легенду-клад особняки.
Дозор несёт у дома полицмейстер.
Погубленный захватчиком, таки
Он здесь, в тумане, на законном месте.

К хозяйскому жилью летят звонки —
То колбинский трамвай¹ идёт из мести.
С площадок тянет хладом по приезде.
Рискните, пассажиры-смельчаки!

Фигуры потревоженных пришельцев
Из древнего некрополя у рельсов
Бредут под новый кров — колосники.

Лишь в оперном театре гаснут люстры,
Являются хрустальные балюстры² —
Во тьме светлеют призраки, легки.

10. Челябинский особняк Ларинцева

Во тьме светлеют призраки, легки.
Не терпит чужаков старинный терем!
В ответе ль зверь, слуга, большевики?..
Отдать свой дом хозяин не намерен.

Он прочь унёс, минуя косяки,
Шар молнии, взъерошен и ощерен.
А люди — даже кто несуетверен —
Съезжали сами наперегонки.

Звенит посуда, гулко стонет дверь,
Шаги тревожат сумрачную серь,
Сочатся вой и шорох из подвала.

Огромный сейф пылится без ключа.
Разумно: сталь прочнее сургуча.
Влекут загадки древнего портала...

11. Мавзолей Кесене

Влекут загадки древнего портала —
Роскошной усыпальницы в степи.
Взметнулась башня цвета краснотала,
Союз любви навечно укрепив.

Дочь Тамерлана счастья попытала,
Отцовские заветы преступив.
Был краток путь сорвавшихся с цепи...
Разбил два пылких сердца лёд металла.

¹ Колбинский трамвай — трамвай, принадлежавший купцу и предпринимателю В. М. Колбину.

² Балюстра — фигурный столбик в балюстраде.

Живой рекою войско, сожалея,
Носило кирпичи для мавзолея,
Чтоб вымолить прощенье Кесенé.

Но дева-дух с понурыми плечами
Поныне никнет лунными ночами
К теням, не упокоенным во сне.

12. Зброшенный челябинский погост

К теням, не упокоенным во сне,
Вернулась жизнь без сна и без покоя.
Дома людей и духов наравне
Слились вдруг с панорамой городской.

Дорога в предрассветной пелене
В момент лишала бодрого настроения.
Коль кто вдали сквозил, идя иль стоя,
Мурашки пробегали по спине.

Спустя полвека духи нашалились,
С погоста в тихий край переселились.
Раскинулся парк Дружбы по весне.

Вновь бродят в нём сияющие тени,
И люди подбираются из теми
К соседям, навещающим извне.

13. Южноуральский йети

К соседям, навещающим извне,
Случается, заглядывает йети.
В долине тихой¹ вьётся в зыбуне²
Куделью светлой шерсть на очерете³.

Являет сердце-озеро⁴ в волне,
Как великан волочит руки-плети.
Мелькает клин макушки в хвойной сети,
Где лучезарна птица⁵ в вышине.

Несутся вопли, зычны и чужды.
Вминают землю грузные следы.
Есть фото самого оригинала...

А снежный человек неуловим.
Спокойно среди лесов и седловин
Народам дивным Южного Урала!

14. Гора Ирмель

Народам дивным Южного Урала
Открыл чертоги в недрах Ирмель.
Там души дремлют в каменных фиалах —
Телах жрецов от века и досель.

Дом чуди белоглазой мреет в залах —
Провидцев сладкогласных тех земель.
В горé пришельцы прячут цитадель,
Летают НЛО по их сигналам.

Энергия из пика бьёт вовне,
Течёт, лучась, по рекам при луне;
Желанья исполняются любые.

Неважно, правда это или нет.
Чарующе прекрасен (в том секрет!)
Заветный край меж небылью и былью.

15. Магистрал

Заветный край меж небылью и былью.
Мечты людей не чужды здесь горам;
В парящих скалах вырастают крылья;
Струится сила, льнущая к ветрам;

Петляет змей, мерцая пенной пылью;
Плутает время по иным мирам;
Из леса духи сходятся к кострам;
Зовёт маяк в обитель изобилья;

Хранят легенду-клад особняки;
Во тьме светлеют призраки, легки;
Влекут загадки древнего портала

К теням, не упокоенным во сне,
К соседям, навещающим извне, —
Народам дивным Южного Урала.

¹ Тихая долина — перевод с башкирского языка названия посёлка Сулея.

² Зыбун — болото, трясина, покрытые слоем растительности.

³ Очерет — камыш, тростник.

⁴ Сердце-озеро — перевод с башкирского языка названия озера Зюраткуль.

⁵ Лучезарная птица — перевод с башкирского языка названия горного хребта Нургуш.

Николай Кадыков

Балашиха, Московская обл.

Рецепт

Иван Иванович был химиком. Хорошим, даже можно сказать — отличным. Работу свою он любил, проводил в институте всё свободное время, и даже сейчас, в отпуске, не прекращал исследований. На своей даче Иван Иванович оборудовал неплохую лабораторию — на свои, кстати, деньги — и теперь в этот жаркий июньский день сидел за столом и работал.

— Так, подогреть раствор до пятидесяти градусов, — говорил Иван Иванович сам себе, помешивая стеклянной палочкой прозрачную жидкость в колбе. — Добавить реагент номер восемь... Так, отлично.

Жидкость в колбе стала зелёной. Иван Иванович записал что-то в толстую тетрадь и откинулся в кресле.

— Образец номер сто пятнадцать готов. На чём бы проверить? — проговорил он и глянул в окно. — Яблони в норме, груша, кажется, тоже... Вспомнил!

Иван Иванович вскочил, взял со стола колбу, заткнул резиновой пробкой и вышел на веранду. Там он взял с полки железное ведро, сунул ноги в резиновые сапоги и быстрым шагом отправился к калитке.

— Как же я мог забыть! — причитал он на ходу, выйдя за забор. — Старый дуб! Лучшего опыта и не придумаешь.

Вот уже который год Иван Иванович пытался создать универсальное удобрение. Чтобы подходило для всех цветов, садовых культур и даже для деревьев. И непременно такое, чтобы ещё и лечило больные растения. И заодно отпугивало всяких вредителей, которых, как предполагал Иван Иванович, в сельском хозяйстве — пруд пруди. И главное — безвредное для человека, который решит попробовать удобрённый помидор или, например, малину.

Результатов Иван Иванович добился значительных — все подопытные кусты на даче росли на загляденье, урожай огурцов и картошки поражал соседей, вишни и крыжовник давали ягоды, по размеру не уступавшие небольшим яблокам. Как удобрение полученное средство работало превосходно, но не хватало главного — добиться лекарственного эффекта. И вот Иван Иванович, вспомнив про огромный сухой дуб, стоящий на опушке местного леса, почти бежал к нему, громяхая на ходу пустым ведром. И то сказать — уж если раствор вылечит многолетний сухостой, то все другие болезни для него — вообще не проблема.

До леса было всего-то с полкилометра, но, добежав до опушки, Иван Иванович совсем запыхался. Сидячий образ жизни, как известно, спортивной форме не способствует, а физкультурой химик последний раз занимался ещё в школе. Иван Иванович остановился, немного отдышался и подошёл к большой луже, что образовалась неподалёку после вчерашнего ливня. Отмахиваясь от комаров, что слетелись, похоже, со всего леса, почуяв теплокровную добычу, Иван Иванович зачерпнул ведром воды и направился к сухому дубу.

— Какой огромный, — пробормотал он, задрав голову. — И какая же для тебя нужна концентрация раствора?

Иван Иванович задумался, поглаживая рукой небольшую острую бородку, потом решительно откупорил колбу и капнул в ведро ровно пять капель раствора. Вернув пробку на место, он нашёл под дубом обломанную ветку, помешал немного ею в ведре, после чего вылил его содержимое под корни дерева.

— Так, нужно запомнить, сейчас половина шестого, — Иван Иванович глянул на часы. — По моим расчётам, через сутки раствор подействует. Ладно, теперь остаётся только ждать.

Химик подхватил пустое ведро и быстрым шагом отправился домой, отмахиваясь от комаров дубовой веткой, которую так и не бросил.

На следующее утро Иван Иванович вышел на веранду, потянулся и сел в старое плетёное кресло. Взяв со стоящего рядом стола научный журнал, он углубился в чтение. Погода была отличной, дождя не ожидалось, и Иван Иванович, сидя в тени развесистой груши, с удовольствием читал про новейшие открытия в области химии.

«Ничего, вот доведу свой раствор до ума — и сам статью напишу, — думал он при этом. — Мир меня ещё узнает! Глядишь, лет через пять в каждом магазине будет продаваться моё средство. Премию какую, может, получу...»

Увлёкшись журналом, Иван Иванович не заметил, как скрипнула калитка. Он оторвался от чтения только тогда, когда вошедший вежливо покашлял, привлекая внимание. Химик обернулся и чуть не выронил журнал из рук. Перед ним стоял невысокий старичок с длинной бородой, в которой торчали запутавшиеся травинки. На голове старичка была нелепая шляпа, сплетённая из веток и похожая на корзину, на плечи был накинута пёстрый плащ из палой лисья. Обuvi у незнакомца не было.

— Прощения просим, значит, — негромко сказал старичок и заискивающе улыб-

нулся. — Пугать вас, батюшка, я совсем и не собирался. Дело у меня к вам есть, значит, важное.

— А вы, собственно, кто? — спросил Иван Иванович и отложил журнал.

— Так леший я местный, значит, — ответил незнакомец и опять улыбнулся. — Вот местному лесу хозяином прихожусь.

Иван Иванович удивлённо посмотрел на незнакомца, протёр глаза, потом ущипнул себя за руку и вскрикнул.

— Не надо, батюшка, себе боль причинять, значит, — сказал леший и снял шляпу. — Вреда вам от меня не будет, а только польза, если вы, значит, в моё положение войдёте и просьбу мою исполнить соблаговолите.

— Какую просьбу? — немного севшим голосом спросил Иван Иванович, на всякий случай прикидывая, кто из соседей сейчас дома и насколько громко нужно кричать.

— Вы вчера дуб мой заветный излечить, значит, изволили, — сказал леший и прижал шляпу к груди. — Так я и пришёл, батюшка, того зелья целебного у вас попросить. На потом.

— Дуб вылечился? — Иван Иванович забыл про подозрения и вскочил. — Так что же вы сразу не сказали! Пойдёмте посмотрим! А раствора я вам дам, мне не жалко.

Иван Иванович вскочил, сбегал в дом за колбой с раствором, протянул её лешему и побежал к калитке. Леший бережно спрятав колбу под плащ и направился вслед за химиком.

— А вы не боитесь так запросто по посёлку ходить? — поинтересовался Иван Иванович у лешего, подстраиваясь под его удивительно быстрый шаг.

— Так меня, батюшка, видят только тогда, когда я сам того хочу, — улыбнулся тот. — Никто из людей, кроме вас, меня и не замечает, значит. Ну, домовые-то меня видят, понятно, но я же к ним в дома не захожу, вреда их хозяйству не делаю.

— Домовые? — переспросил Иван Иванович и надолго замолчал.

Подойдя к дубу, химик первым делом обошёл его и убедился, что дерево заметно похорошело. Ветви его из серых стали светло-коричневыми, и на них уже показались первые листочки.

— Ожил, родимый, — радостно сказал леший и утёр скупую слезу, скользнувшую по щеке. — Сколько веков сухим стоял, а теперь, значит, ожил. А дуб-то этот непростой, его желудями, почитай, вся окрестная живность лечилась. И не только кабаны с белками, но лисы с зайцами сюда приходили, если хворь какая с ними приключалась.

— А что с ним произошло? — спросил Иван Иванович, глядя на высокую крону.

— Да повадилась у него ведьма одна, значит, кору обрывать. Она из неё какие-то там снадобья варить удумала. Я ведьму-то от дуба отвадил, а она его и прокляла. Уж той ведьмы лет сто как нет, а проклятие всё никак не рассеивалось. Чего я только не делал, ничего не помогало.

— А на что вам раствор мой понадобился, раз ведьмы нет, а проклятие снято?

— Так, батюшка, не одна та ведьма была на свете, — покачал головой леший. — Этому зловредному племени переводу нет. А ну как ещё кто дуб мой проклянёт?

— Понятно, — протянул химик. — Пять капель на ведро воды — и всё.

Леший улыбнулся, и в его руках появилась большая книга, в которую был вложен карандаш.

— А рецептик-то не запишете? — леший протянул химику книгу. — Так-то оно надёжнее будет.

— Запишу, почему не записать, — Иван Иванович взял книгу и стал быстро записывать в неё рецепт приготовления раствора. — Только тут лаборатория нужна, домашними средствами не обойтись.

Леший дождался, пока химик не закончит писать, и спрятал книгу под плащ.

— Того количества раствора, что я вам дал, на всю жизнь дубу хватит, — засмеялся Иван Иванович. — Да и, случись чего, никакая ведьма рецепт этот не повторит. Оборудование специальное нужно.

— Дуб этот вечный, как и я, — ответил леший и похлопал по стволу дерева. — Испокон веков тут стоит, значит, и стоять будет. А на вечность той бутылочки, что ты, батюшка, дал, не хватит. Нехорошо это, когда дуб спит вечным сном, он жить должен и пользу приносить. А если не ровён час ещё зелье целебное понадобится — я не к ведьмам рецепт понесу, знаю, что не сдюжат они. Я найду человека, у которого есть такая ла-бо-ра-то-ри-я, — выговорил леший по слогам сложное слово.

Иван Иванович кивнул, ещё раз посмотрел на дуб и протянул лешему руку.

— Ну, пока, лесной хозяин.

Леший обхватил костлявыми пальцами ладонь химика, и тот почувствовал слабую боль в мизинце.

— Это я тебе, батюшка, ответный подарок сделал, — хитро улыбнулся леший. — Теперь тебя никакие комары кусать не будут, ходи в лес спокойно.

Иван Иванович поблагодарил лешего, посмотрел на руку и бегом кинулся домой.

«Леший-то укол мне сделал, — лихорадочно думал он на бегу. — Теперь в моей крови есть средство от комаров! Нужно срочно сделать анализы, средство это определить, а потом синтезировать. Мне все грибки с рыбаками за это спасибо скажут!»

Леший посмотрел вслед бегущему химику, улыбнулся и исчез. А на опушке остался стоять огромный зеленеющий дуб.

Ольга Кузьмина

Великий Новгород

Музыка за оградой кладбища

Джоя подменили в начале марта. Мика тогда не было дома, его отправили в кузницу. Отец чинил крышу, мать ушла к роднику. Все знали, что не дело это — оставлять ребёнка одного, но ведь Джой не младенец, три года исполнилось, да и отец рядом.

Когда Мик вернулся, всегда шустрый и неутомный Джой не побежал навстречу, не начал хвататься за новенькую лопату. Как сидел на солнышке, так и остался сидеть. Трогал пальцем росток гусяного лука, смотрел как на чудо.

Отец слез с крыши, кивнул старшему сыну и подхватил на руки младшего:

— Чего куксишься? Описался, что ли?

Джой любил, когда его подбрасывают, а тут вдруг разревелся и укусил отца за палец. Сильно, до крови.

Потом было много шума и разговоров. Приходили соседи, выразительно качали головами. Шептали: «Подменыш, как есть подменыш». Джой вопил не переставая. Его раздели и силой усадили на железную лопату. Он весь съёжился, кожа сморщилась и посерела. Мать зарыдала в голос,

уткнувшись в ладони, чтобы не видеть треугольное острое личико, клочки бурых волос вместо рыжих кудряшек, полный рот мелких зубов.

Соседки крестились, стискивали в карманах кусочки железа.

— Джой-то красавчик был. Таких Добрые соседи и крадут, а взамен деревяшку подкидывают или своих заморышей.

— Выпороть его надо! Огнём прижечь или к реке отнести.

— На кладбище-то оно вернее.

На Мика никто не обращал внимания. Он тихонько достал флейту, подаренную ему старым Олли. В деревне поговаривали, что старик знался с Добрыми соседями. Его сторонились, и только Мик всю зиму бегал к нему, таскал украдкой хлеб и брикеты торфа, пока отец не поймал и не отлупил. Будь Олли жив, он бы знал, что делать.

Мик сел возле воющего подменьша и заиграл колыбельную. Не-Джой замолчал, уставился на флейту. Глаза у него были как летние орехи — уже не зелёные, ещё не коричневые. Он робко улыбнулся и потрогал Микаэля, как трогал росток.

— Отойти от него! — Отец набросил на подменьша мешок, грубо завернул. — Неси лопату. На кладбище пойдём.

— Но ведь он живой! — Мик ухватил отца за рукав. — Нельзя его хоронить!

— Никто его хоронить не собирается. Просто положим в открытую могилу. Небось, как повопит ночь, сразу за ним явятся. И вернут нашего Джоя обратно.

— Там же холодно!

— Нашёл, кого жалеть! Или ты не хочешь, чтобы брат вернулся?

Мик хотел. Но ведь подменыш не кукла из деревяшки, а настоящий ребёнок, просто другой. Мик попытался объяснить это, но на него посмотрели как на чумного. И он замолчал.

Могилу вырыли за оградой кладбища, на не освящённой земле. Копать было тяжело, земля ещё толком не оттаяла. Подменыш уже не вопил, а скулил. Мик старался

на него не смотреть. «Пожалуйста, заберите его! — молил он про себя Добрых соседей. — Заберите поскорей!»

Когда они уходили, подменьш снова закричал — хрипло и отчаянно. Мик дёрнулся вернуться, но отец ухватил его за шиворот.

— Не смей жалеть эту погань!

Ночью Мик хотел сбежать, укрыть подменьша одеялом, но отец не лёг спать. Поставил у двери табурет, курил, а мать до утра шептала молитвы. Когда рассвело, они пошли на кладбище.

В неглубокой могиле скорчился нежилой подменьш. Должно быть, он долго плакал — впалые щёки покрывал тонкий слой льда. Отец закопал его, как щенка, даже мешком не прикрыл. И они пошли домой. Мать торопилась, почти бежала, и всё повторяла, что Джой, должно быть, ждёт их. Проголодался, должно быть.

Джоя дома не оказалось. Он не вернулся — ни в этот день, ни потом.

Самая лучшая лёжка — в кустах крапивы. А самая лучшая крапива — за оградой кладбища, где люди хоронят ведьм и некрещёных младенцев. Никто сюда не ходит, можно не скрываться.

Лохматый чёрный пёс потянулся, разминая лапы. Вечереет, скоро мальчишка с флейтой явится. Этот не в счёт, пусть ходит. Музыка у него душевная, слушал бы и слушал. Жаль, что не каждый вечер играет. Тот малец, что в могиле, уже извёлся весь, хнычет не переставая.

Пёс насторожил уши. Ага, явился!

— Прости, что не приходил, — Мик опустился на колени перед холмиком с камнем вместо могильной плиты. — Сенокос, работали дотемна. Но теперь полегче будет. Завтра Ламас, праздник урожая.

Пёс забеспокоился. Как это он забыл, что лето заканчивается? Не успеешь оглянуться, Самайн налетит, а этот флейтист так и будет приходиться! Ну, может, в самую страшную ночь догадается дома остаться.

Только ведь двери между мирами, которые в эту ночь открываются, не закроются до конца Йоля.

Баргест беззвучно зарычал. Он не любил Йоль. Этот праздник принесли в Ирландию захватчики с северных островов. На кораблях с драконьими головами приплыли не только люди, но и тролли, и тамошние эльфы. С местными сидами они быстро замирились, установили общие правила и вместе летали на Дикую Охоту. Затравить мальчишку-флейтиста им только в радость. А что может сделать один чёрный пёс против целой своры красноухих гончих? Стопчут и не заметят.

Флейта пела нежно и ласково. Рассказывала о тёплых стогах сена и ледяных ручьях, о том, как сладко пахнет клевер и горчит вереск. О том, что смерти нет и одиночества тоже нет. Хотя бы здесь и сейчас.

Пёс положил голову на лапы и заснул. Такая музыка пропадёт ни за что! Нет, надо менять условия сделки. Тем более что и сделки-то как таковой нет. Мальчишка сам решил, что должен приходиться. Он ведь даже не слышит, что этот, в могиле, шепчет. Просто жалеет его.

Баргест дождался, пока мелодия закончится, и выполз из своего убежища. Мик ахнул, но не убежал. Достал из кармана горбушку хлеба.

— Хочешь?

Баргест как стоял, так и сел. Предложить хлеб псу размером с телёнка с горящими глазами? Нет, это правильно, конечно, только не все правила помнят. Он вежливо слизнул угощение с подрагивающей ладони.

— Это ты провожаешь меня до дома? — спросил Мик. — Я думал, мне кажется.

— Глазастый какой! — недовольно рыкнул Баргест. Он почти забыл, как разговаривать по-человечески. — Ты больше сюда не ходи. Осень на дворе. Чем длиннее ночи, тем больше охотников. А ты — добыча, понял?

Мик почти не удивился. Старый Олли рассказывал про Баргеста — чёрного пса,

испокон веков обитающего в округе. Странно только, что пёс его защищает — с такой-то виной на душе.

— Я не могу не приходиться, — сказал Мик. — Мы его убили, а ведь он ни в чём не виноват. Его самого бросили. Мне кажется, ему до сих пор холодно и страшно — там, под землёй. А я играю, и он засыпает.

— Это верно, — Баргест поддел лапой камень. — Отойди, а то запорошу.

— Ты что делаешь?! Зачем?

— Праздник урожая, говоришь? Значит, пора выкапывать, что вырастил.

— Но ведь он умер!

— Фэйри непросто убить, — Баргест сунул нос в разрытую землю. — Похоже, твой подменыш из брауни, а они живучие. Нет, он бы помер, конечно, если бы не ты.

Пёс ухватил что-то зубами и потянул. Мик широко раскрытыми глазами смотрел, как из ямы вылезает маленькое существо, бурое и грязное, как картофелина. Ну точно брауни — весь коричневым.

— Пусти, псина слюнявая!

— Паршивец неблагодарный! — Баргест плюнул.

Подменыш покачнулся на тощих ножках, зябко обхватил себя за плечи. Мик снял куртку и закутал его.

— Как ты говорить научился?

— Ты ведь со мной разговаривал, — он задрал голову и улыбнулся. — Звёзды... Красивые.

— Кто-то звёздами любит, а кто-то за всех работает, — проворчал Баргест, закапывая яму. — Всё, забирай его и брысь отсюда!

— Куда я его заберу? Он же... — Мик замолчал, заметив, как набухают слезами глаза подменыша. — Слушай, если ты брауни, значит, умеешь становиться невидимым? Чтобы люди тебя не замечали.

— Не умею, — подменыш шмыгнул носом. — Не научили меня. Ты опять уйдёшь? Не уходи, Мики, я без тебя не смогу. Совсем не смогу!

Баргест шумно вздохнул.

— Пошли. Есть тут поблизости холм. Его обитатели мне должны. Они летние, на зиму свой холм закрывают. Вам у них хорошо будет.

— Но я не могу уйти из дома! — Мик чуть не заплакал. — Кто будет отцу помогать? И мамка опять в тягости.

— А я как же?! — брауни обхватил его за ноги.

Мик погладил грязные волосы, вытащил запутавшегося червяка. Что же делать? Что?!

— Погоди, отец говорил, что какой-то чудаку купил старый дом в долине — тот, где никто жить не хочет. Вроде настоящий профессор из Дублина. Сказки собирает. Он работника искал, обещал хорошо заплатить, но никто не пошёл, боялся. А я бы нанялся. Если он любит сказки, может, и тебя не прогонит? Только с тем домом что-то неладно.

— Потому что нельзя строиться на дороге гоблинов! — рыкнул Баргест. — Ладно, так и быть, помечу дом, как свой. Вас не тронут.

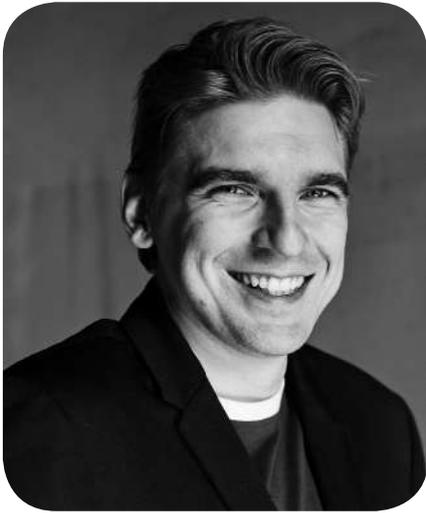
— А что ты возьмёшь за свою помощь? — спросил Мик.

— Ты играй. Я буду приходиться, слушать.

Он проводил их до дома. Сел в тени ограды, подождал, пока дверь откроется. Профессор оказался толстяком в круглых очках. Они с Миком о чём-то поговорили, потом профессор присел на корточки и обнял брауни — бережно и с благоговением. Вот и хорошо.

Баргест затрусил назад, к своей лёжке. Но что-то скреблось внутри, не давало успокоиться. Сказки собирает? И что ему расскажут про Баргеста? Да ничего! Он уже сто лет не показывался на глаза, разленился. А ведь чёрные псы созданы для того, чтобы преследовать людей с нечистой совестью, воздавать по справедливости.

Баргест встряхнулся и повернул к деревне. Пора навести здесь порядок. Скоро профессору будет, что записывать.

Алекс О. Москва

Folly (Отрывок из книги)

Помпеи, 17 мая 1824 г.

Два брата уже целых полчаса искали затерянный город. Казалось, что их обманули и он заново был погребён под пеплом. Ответы идущих мимо местных жителей не помогали — те упорно указывали им в сторону Неаполя. Карл и Александр были в курсе непрекращающихся волнений, в том числе и с участием тайных обществ. Если они и нечасто проявляли себя в реальных действиях, то уж бурление-то в умах можно было услышать, проходя мимо любой таверны. А чего можно было ожидать при столь стремительной смене власти и интригах на самых высоких уровнях? На данный момент вновь созданным государством — Королевством обеих Сици-

лий — правил Фердинанд I, вернувшийся из изгнания, в котором пребывал до тысяча восемьсот шестнадцатого года. Все эти события не могли не беспокоить: ещё были свежи неприятные воспоминания о Мюнхене, где Карл сильно заболел, и судьба его была тогда неясна.

Они с братом приехали в эти края совсем за другим — впитывать в себя новые краски, запахи, чувства, и уж если испытывать переживания, то только те, которые помогают творить, а не впадать в депрессию. Да и обязательств перед Обществом никто не отменял. И вот наконец нашёлся человек, который показал небольшой холм в отдалении. «Это и есть Помпеи?» — удивились поначалу братья. Судя по всему, их ожидания были сильно завышены. «Всё так», — равнодушно ответил прохожий и пошёл дальше, старательно укрываясь от палящего солнца в тени редкой растительности. Через какое-то время они были на месте. На самом деле, это и вправду было совершенно не то место, каким они его представляли. Им показалось, что сейчас они окажутся в машине времени.

Было бы глупо думать, что те же самые Колизей или замок Святого Ангела вызывали менее сильные чувства. Просто они были абсолютно другими. Упомянутые монументы были уже вписаны в новый городской ландшафт и вполне успели с ним сродниться. В Помпеях же каждый удар киркой, каждый взмах лопатой, каждый аккуратный стук молоточком по-прежнему открывал новую историю. И братья хотели — нет, жаждали — стать её частью.

— *Buona sera!*¹ Подскажите, где мы можем найти синьора Ардити? — спросили они у попавшегося на глаза рабочего.

Тот указал на небольшого мужичка, стоявшего поодаль. Впрочем, его жест был излишен, так как хранителя королевского музея в Портичи Микеле Ардити было хорошо

¹ Добрый вечер! (ит.)

слышно даже на таком расстоянии. Он что-то пытался разъяснить группе из троих землекопов. Карл был уверен в присутствии нецензурной брани, поэтому в слова особо не вслушивался. Александр, интересовавшийся больше архитектурой, нежели живописью, уже давно навёл справки про этого искусствоведа. Вывод последовал однозначный — перед ними был человек, полностью посвятивший себя труду под названием «Помпеи». Не без счастливого случая, конечно.

Дело в том, что в тысяча восемьсот восьмом году в Неаполе обосновался Иоахим Мюрат, женатый на сестре Жозефа Бонапарта Каролине. Она-то и стала той искрой, которая по-настоящему возобновила интерес к раскопкам. Прежде всего территория была чётко определена, чтобы всяким псевдоискателям сокровищ неповадно было разграблять бесценные богатства древней цивилизации. Далее, пользуясь всё тем же покровительством жены короля, Микеле Ардити удалось увеличить число работников до тысячи человек. Были также организованы маршруты, на которых экскурсантов сопровождали гиды. Внёс он свой вклад и в технологию раскопок. До него при раскопках предпочтение отдавалось количеству, а не качеству, и зачастую то, что откапывали, уже на другой день вновь засыпали ради новых открытий. Сначала хранителем музея были предложены живые цепочки из людей, которые самым бесхитростным образом перемещали землю. И один из образованных подобным образом холмов смутил Карла и Александра. Чуть позже, в тысяча восемьсот одиннадцатом году, землю уже централизованно свозили на тележках на купленную для этих целей дополнительную территорию.

Вместе с поражением Наполеона в очередной раз были сведены к минимуму и попытки продолжить раскопки. Число землекопов упало до двузначного, качество работ было низким, отсутствовала заинтересо-

ванность в результате. Кто знает, может, новый король, Франциск I, о котором всё чаще говорят как о преемнике, всё изменит? Чтобы поддержать хоть какой-либо интерес к античному городу, Микеле решил рисовать картины прямо на территории. Именно поэтому он очень обрадовался встрече со столь одарёнными художниками. Надежда на то, что они и такие же, как они, прославят в своих работах и его труд, никогда не покидала Ардити.

— О, buona sera, signori!¹ — восторженно воскликнул руководитель раскопок. — Как я рад, что вы наконец добрались! Прошу меня простить за манеры, просто эти, с позволения сказать, люди не хотят понимать всей важности нашей работы. Вот поглядите, что они сделали с фреской! Не видите? И правильно, посмотрите на пол. Они так сильно ударили по ней, что её бо́льшая часть теперь под ногами валяется. Надо, кстати, попробовать её собрать. Может, для музея Неаполя сгодится. Разве так можно?! Этим стенам больше полутора тысяч лет. Природа нам их сохранила, а мы так кощунственно относимся к выпавшей нам возможности. Эх... — горько вздохнув, чуть сторбленный, практически облысевший мужчина поник головой и замолк. Молчали и Карл с Александром, искренне переживая по поводу случившегося.

— Да что это я? На самом деле у нас действительно есть что посмотреть. Готовы начать погружение в прошлое?

Братья охотно ринулись созерцать руины, которые когда-то были процветающим городом. В воображении Карла разыгралось бесчисленное количество сцен, происходивших во II веке до нашей эры. Люди выбирали предметы утвари в лавках, находившихся прямо рядом со входом в их дома. Вели беседы в тавернах, покупали продукты, ходили на службы в храмы, слушали ораторов на площадях. Повсюду сто-

¹ О, добрый вечер, синьоры! (ит.)

ял людской гул; то где-то скрипнет колесо у проезжающей повозки, а вот за углом какой-то ремесленник куёт железо. Похожий звук вернул художника в реальность. Они как раз проходили место, где рабочий уже более бережно наносил удары молотком по резцу, тем самым открывая новый фрагмент фрески.

Домá, созданные воображением Карла, наполненные светом, изяществом, радушием, превратились в бездушные квадратные коробки из кирпича. Обшарпанные колонны, некогда державшие своды зданий, сейчас буквально подпирали собой небо. Братья оба заметили это — всё их существо наполнила убийственная тишина этого места, которую не могли потревожить даже звуки, сопровождавшие работы. Сейчас оно пустое. Бездушный камень давил на них с необъяснимой силой, вызывая тоску и жалость. А то и ужас перед виновником ужасной трагедии.

Микеле вывел их на площадь, на которой располагались храмы, торговые площади, термы. Другими словами, это был центр. Центр былой жизни. А сейчас это пустырь перед храмом Юпитера. Прямо за ним возвышался Везувий. Когда они только были на пути к Помпеям, вулкан не казался Карлу таким опасным и угрожающим. Глядя вокруг, невозможно было понять всю силу, которая в какой-то момент вырвалась наружу и снесла всё на своём пути. Всё это видимое процветание оказалось бессильно перед природой, перед её стихией, а может быть, и прихотью. С ней невозможно договориться, даже вступить в диалог: это просто данность, с которой человек не в силах совладать. В такие моменты особенно чётко видна грань между человеческим эго и его возможностями. Насколько же человек пока слаб и мелок перед величием природы: какая-то гора сначала позволила людям существовать в этом месте, а потом в одночасье вдруг изменила своё решение.

— ...В ближайшее время планируем начать раскопки — вот тут, сразу за храмом

Юпитера. А также пойти дальше по *via di Mercurio*. Ну и сам форум нужно в порядок приводить, постройки здесь все имеют разное назначение, поэтому они бесценны для знакомства с укладом жизни того времени, — с момента старта их импровизированной экскурсии Ардити не переставал рассказывать о своих планах и достижениях на раскопках. Можно было подумать, что он знает здесь буквально каждый кирпичик. — О, вижу, вы заинтересовались храмом. Давайте немного пройдем и встанем ровно посередине форума. Так, а теперь посмотрите на храм. Видите — слева арка. Нам кажется, что она здесь не случайна. Если, глядя на неё, поднять глаза вверх, то вы упрётесь взглядом точно в жерло вулкана. Как будто здесь они делали выбор, кому поклоняться. Язычники, что с них взять...

«Если это так, то с выбором они явно ошиблись», — подумал про себя Карл и задал вопрос, который не раз приходил ему в голову по дороге сюда:

— Подскажите, а куда деваются найденные в этих роскошных домах и виллах, не говоря уже о храмах, вещи? Ведь, насколько мне известно, город был погребён в считанные часы. Вряд ли жители, которые спаслись, могли вынести с собой абсолютно всё.

Возникла неловкая пауза. Даже Александр оторвался от изучения лепнины на очередной колонне и повернул голову к собеседникам. Причин столь неудобной ситуации было несколько.

Начать с того, что Микеле был прекрасно осведомлён о регулярном нашествии кладоискателей в эти места. Территория по его совету была определена, но не огорожена. О какой-либо охране не могло быть и речи: раскопки было не остановить. Он успокаивал себя тем, что его предшественник, Франческо ла Вега, тоже сталкивался с этой напастью.

— Большая часть находится в музее Неаполя. Также можете ознакомиться с трудом под названием «*Les ruines de Pompei*» архи-

тектора Шарля Франсуа Мазуа. Он самым тщательным образом проводил опись всех важных находок. Его сама Каролина Мюрат пригласила.

Всё вышесказанное в целом было правдой. Микеле не упомянул лишь тот факт, что, учитывая общее безответственное отношение к найденным антикам, они с Мазуа часто сами занимались их перепродажей. А поскольку это граничило с преступными действиями, для совершения подобных операций было использовано множество посредников. Затем эти артефакты официально «уничтожались». Но и покупатели не были простыми смертными. Например, одним из клиентов был английский дипломат, сэр Уильям Гамилтон. Он очень скрупулёзно изучал вулканы Италии и, естественно, не мог отказать себе в желании заполучить сувениры из Помпей. Часть своей коллекции, в том числе и предметы, привезённые из Италии, он продал Британскому музею.

Где-то в глубине души — там, где, как говорят, находится совесть, — Микеле всё-таки испытывал угрызения и вину перед обычной публикой. Ведь ей никогда не суждено было увидеть то, что находится в частных коллекциях по всему миру. А там были поистине преинтереснейшие вещицы. В какой-то степени он компенсировал свои переживания тем, что часть вырученных от продажи реликвий средств шла на продолжение раскопок.

Посетители были утомлены не столько долгой прогулкой, сколько вихрем переполнявших их чувств. При этом Карлу виделись ожившие сюжеты из будничной жизни обитателей города. Александр в большей степени интересовался лепкой, произведениями скульптуры. Он очень сожалел, что из-за непрофессионального отношения к делу все вторые этажи зданий были разрушены. Поэтому в голове у него то и дело возникала мысль о проектировании раскопок того или иного строения. Поблагодарив зрителя за столь содер-

жательный рассказ, братья решили остановиться на ночь в Портичи. Устроившись в отеле, Карл и Александр встретились за ужином. Наслаждаясь морепродуктами, смакуя местное белое вино, они делились сегодняшними впечатлениями:

— Если честно, я прослушал как минимум половину из того, что он нам рассказывал, братец, — говорил Александр. — Я до сих пор поверить не могу, что хожу по руинам древней цивилизации. Вначале вмиг уничтоженной, а затем законсервированной одними и теми же силами природы. Будто кто-то хочет нам показать что-то. Донести какую-то глубокую мысль.

— Это как же нужно было нагрешить, чтобы заслужить такое наказание? Я с тобой соглашусь: сегодня новые чувства посетили и меня. Я полон творческой энергии, которую просто жажду выплеснуть на холст.

— Мне кажется, что это место сможет сделать успешными нас обоих.

— Уж не думаешь ли ты, что мы должны здесь остаться? — удивился Карл. — Я, конечно, ещё не справился с волнением, испытанным днём, но у нас же есть обязательства перед Обществом. Иначе сие спонтанное решение может стоить нам пенсионера.

— Вообще необязательно лишать себя этого полезного довеска. Мы просто внесём свой вклад в то, что впишет нас в историю. Лично я завтра непременно спрошу о возможности остаться если не на всё время, то уж точно на несколько недель, а то и месяцев, чтобы быть связанным с раскопками. Разве ты не видишь: мир сейчас на стыке направлений. Классицизм, ренессанс — все их элементы можно найти в античности. Она — путь ко всему. Сейчас совокупность направлений становится попыткой осуществить настоящий переворот. Люди жаждут новых идей, а где, как не здесь, в настоящей колыбели цивилизации, мы сможем дать волю нашим чувствам и с новой силой раскрыть наши таланты.

Карл начал обдумывать сказанное братом и во многом с ним согласился... Действительно, если уж удивлять сейчас, то масштабом. Он сразу вспомнил то чувство, которое посетило его в Помпеях. Ему тут же захотелось взять мольберт и начать творить. Неважно что, главное — творить. Но в следующий момент он почувствовал страх перед этой грозной горной породой, готовой в любую секунду его поглотить. Сейчас ему невозможно тягаться с ней. Слишком рано.

— Не думаю, что это хорошая идея, — немного подумав, начал он, отведя взгляд от еды куда-то в сторону.

— Опять ты за своё! Неужели твои последние работы в академии ещё не убедили тебя в том, что ты гений? Или тебе напомнить, как твоего «Нарцисса» сравнивали с «Нарциссом» самого Караваджо?

Карл и так помнил эту картину до последнего взмаха кисти. И тот день, когда он на берегу Чёрной речки, среди густой зелени деревьев, нашёл свой сюжет, который пришёлся по душе его учителям. Единственное отличие, помимо техники, от гения эпохи Ренессанса было то, что Караваджо демонстрировал внутренний мир любого человека. Чёткая грань между реальной жизнью и душой была определена как край берега. У Брюллова в картине, выполненной по всем академическим требованиям, было показано общение человека с природой. Техника передачи света, которая открылась художнику во время написания, была по-настоящему новаторской. Карл её совершенствовал в своём шедевре «Итальянское утро», который написал в прошлом году.

— Дорогой Карл, только представь, сколько всего мы могли бы здесь создать! Находясь на раскопках, я бы мог предлагать тебе сюжеты и сообщать последние новости о восстановлении построек. Это действительно был бы заметный труд. Рано или поздно город всё равно откопают, и интерес только возрастет.

— Словно писать в будущее?

— Именно.

— Так просто мне это не осилить.

На эти слова Карла Александр хотел было уже что-то возразить, но тот поспешно добавил:

— Мне нужна практика. Начать хотя бы с копирования чего-то такого же значимого, огромного. Думаю, что Ватикан с этим поможет.

Карл снова погрузился в свои мысли. Он не хотел, чтобы его работу сравнивали с другими, уже написанными произведениями. Ему действительно нужен был какой-то сюжет. Но что это? Он что, уже начал обдумывать возможные варианты?

— Надо это сделать — и с пользой для нас, Саш. Если не удастся вызвать эйфорию у distinguished публики, нужно будет найти быстрый вариант продажи картины.

— Уверен, мы легко найдём массу вариантов среди «русского Рима». В столице постоянно устраивают званые вечера и балы. Нам нужно лишь сердечко, которое затрепещет от величия нашего замысла. В любом случае это поможет увеличить число заказов.

— Значит, ты уже всё решил? — всё ещё колебался Карл.

— Мы решили, братец мой милый, мы.

Татьяна Панкина

Тобольск, Тюменская обл.

Не спеши

В каждой травинке есть жизнь,
В том, что растёт и летает,
Бегает, прыгает и...
Нам на любовь отвечает.

В каждой росинке слеза —
Холод ночи, утра радость,
Плачет дождями гроза...
Только и в этом есть благодать...

В каждом дыханье душа,
Мысли наш взгляд отражают.
Тот, кто живёт не спеша,
В смысл бытия проникает.

Вслушайся в шёпот листвы,
Ветра поймай дуновенье,
Неба коснись синевы,
Счастья запомни мгновенье.

8 июля 2021 г.

Фотографии в альбоме

Фотографии в альбоме я листаю,
Там, что было и прошло. Но я скучаю
По любимым, дорогим, знакомым лицам.
Это было или нет? А может, снится?

Блеск в глазах, улыбки свет и радость жизни,
Безвозвратность бытия,
вдруг сердце стиснет.
Кто-то здесь, а кто-то там, уже за гранью...
И листаю я альбом и вспоминаю:

Крепкий мальчик — это муж, и я с косичкой,
Дочка машет мне руками в рукавичках,
А вот здесь она впервые ест из ложки,
И прижался сын ко мне,
малыш мой, крошка.

Мама с папой — и какие молодые,
Здесь весёлые они, а здесь... седые.
И подруги, и друзья на тех страницах —
Друг за другом фотографий вереница...

Вся семья моя от мала до велика...
Жизнь на фото многогранна, многолика.
Гамма чувств, от путешествий до работы,
И всплывают те, забытые, заботы.

Дни рождения и праздничные даты,
Где общением и любовью мы богаты!
Фотографии в альбоме я листаю,
Всё, что есть, и всё, что было, вспоминаю...

1 августа 2021 г.

Сегодня хмурится небо

Сегодня хмурится небо,
Как хмурилась я вчера.
Я знаю, была не права,
И выглядела нелепо.

Вот-вот и начнётся дождь!
Мне также хотелось плакать...
Слезам ты позволишь капать,
Когда непогоду ждёшь.

Улыбка родных людей
Согреет, как тёплый лучик,
И стоит ли сердце мучать,
Когда столько ясных дней.

Вновь солнце наполнит светом
Всё то, что грустит сейчас.
Так важно, когда у нас
В душе и весна, и лето.

27 мая 2021 г.

Ты, впрочем, само и неожиданно
Пришло, когда я не ждала.
Что-что? Было рядом? Странно...
Где ж я-то тогда была?..

Коснувшись руками счастья,
Ему загляну в глаза.
— И что же тогда получается?
И нечего больше сказать...

16 июля 2021 г.

Разговор со счастьем

Коснувшись руками счастья,
Ему заглянув в глаза,
Не стану делить на части,
«Моё» — поспешу сказать.

— Мне вдоволь позволь напиться
Тебя, как живой воды,
Насытиться, насладиться,
Пока со мной рядом ты.

Слегка задержу дыхание,
Боюсь невзначай спугнуть,
— Я все приложу старания,
Но только со мною будь.

Ты даришь кому мгновенья,
Кому-то почти всю жизнь
Счастливое настроение...
Прошу, у меня задержись!

Ждала я тебя и искала,
И утром звала, и в ночи,
Чужое чуть-чуть не украла...
А хочешь, давай помолчим?

Каким я тебя представляла?
Неважно, не в этом и суть,
Ни много тебя и ни мало...
Ты только ещё побудь!

Достойна тебя, заслужила?
По-разному я жила...
Но только, что было — то было!
И всё же тебя я нашла!

Запомнить лето

Как скоротечно наше лето...
И не продлить тепло нам это.
Его мы ждём, считая дни...
Уйдёт — попробуй догони!

И как впитать все ароматы —
И негу роз, и пряность мяты?
И утра свежего букет,
И томной ночи лунный свет,

И шёлк ласкающего ветра,
И звон чарующего кедра,
И нежно-розовый закат,
В лесу листвы живой каскад,

И дождь грибной (в нём как слезинки
Блестят на солнышке дождевики),
И ариозо соловья... —
Хочу запомнить лето я!

13 июля 2021 г.

О чём звонят колокола?

О чём звонят колокола?
О том, что нам пора на службу?
Что отложить пора дела?
Что это всем нам очень нужно?

О том, что помним Бога, ждём
И помощи и благодати?
Что не туда порой идём,
Не пообщаться с Богом в чате?

А кто-то скажет, Бог в душе...
 А если там иные силы?
 Кого зовём на вираже?
 О чём поем, что сердцу мило?

Что не святые, что грешны —
 Порою вспомним на пороге
 Лишь храма. Как же мы смешны,
 Когда считаем, что мы боги.

Зачем звонят колокола?
 Чтоб нам сказать, что есть спасенье!
 Что слава Богу и хвала
 И благодарность за терпенье!

Разносят звон колоколов
 Ветра по городам, селеньям,
 И места нет для громких слов,
 Есть вера в Бога, нет сомнений!

10 июня 2021 г.

Утро в сквере

Шаг за шагом, выдох — вдох —
 Не спеша иду, гуляю.
 Каждый лист и лепесток
 Взгляд целует, обнимает.
 Свежесть утра... Тонкий луч
 Пробивается умело
 Сквозь ковёр из серых туч.
 Ветер знает своё дело:
 То затихнет, то рванёт,
 Убегая от погони,
 То потреплет, то согнёт
 Кроны кедров и уронит
 Нежный аленький цветок
 На дорожку из гранита.
 А куда ведёт тропа,
 Что протоптана извито?
 Удалюсь от фонарей,
 Арт-объектов, клумб чудесных.
 Что журчит среди ветвей?
 Посмотрю, мне интересно!
 Впереди крутой овраг,
 Но тропа вперёд стремится,

Тень деревьев, полумрак...
 А внизу река искрится.
 Небольшая, как ручей,
 Но поёт, шумит призывно!
 Мне б спуститься половчей,
 Но не буду я наивной —
 Полюбуюсь с высоты,
 Наслаждаясь звонкой песней.
 Закружилась голова
 (хоть стою уже на месте),
 От улыбки утра-дня,
 И от милости погоды,
 Яркой осени огня
 И величия природы.

16 сентября 2021 г.

Уж выпал бы скорее снег

Уж выпал бы скорее снег,
 Чтоб не изматывал дождь душу
 И не вытягивал наружу
 Забытой грусти серый след.

А монотонных капель стук
 Не замедлял сердцебиенье,
 За серым серое мгновенье
 Сродни одной из страшных мук.

Бывает осень золотою,
 В ней жизни чувствуется ток
 И лета красного итог
 Не отливает маятою.

Но эта осень вся в слезах —
 Сама печаль, остыли чувства.
 Без солнца в небе густо-пусто
 И хмурый цвет в её глазах.

И уплывают краски лета
 С течением низких серых туч.
 Лишь редкий яркий солнца луч
 Мелькнёт воспоминаньем где-то.

Уж выпал бы скорее снег...

10 сентября 2021 г.

Анюта Соколова

Санкт-Петербург

Дороги и сны

Я просыпаюсь с неясным чувством счастья. Хороший сон? Возможно... Я не помню своих снов, но это не значит, что я их не вижу.

Настроение улетучивается вмиг, едва рядом начинает истошно вопить будильник. Ненавижу! Какую приятную мелодию не поставь, через день она вызывает раздражение, затем — злость, через неделю — желание схватить чёртов телефон и запустить его со всей силы в стенку. Пару раз я так и поступала. Как ни странно, хрупкая техника после моих сумасшедших выходов продолжает работать. У меня всё работает — «кривые» программы, полусдохшие принтеры, компьютеры такой давности, что молоденькие мальчики из техподдержки осторожно интересуются — не закралась ли ошибка в дату их выпуска?

Будильник продолжает надрываться. Жизнерадостная мелодия резко контрастирует с осознанием того прискорбного факта, что мне пора вставать, ползти в ванную умываться и переться в офис. И в тысячный, а может, и в миллионный раз повторяю себе, что мне ещё повезло, я тружусь не на заводе и не вскакиваю в пять утра, чтобы успеть на первую электричку метро. Правда, личный лимузин с шофёром у подъезда меня тоже не поджидает, однако, маршрутка в девять — совсем не то, что переполненный вагон в шесть.

Палец с остервенением скользит по стеклу экрана, отключая проклятое пиликание. Зачем я вообще ставлю себе время подъёма, если просыпаюсь именно тогда, когда мне нужно? Ничего для этого не делая, просто говоря себе, ложась в кровать: «Встать в семь сорок». Или «Сплю до восьми». И всё! В семь тридцать пять или без шести восемь неведомая сила заставляет меня открыть глаза. Одновременно заканчивается ощущение тепла и неги, сопровождающее меня во сне. День несёт с собой только проблемы и ожидание постоянного подвоха. Моя коллега по работе, Татьяна, называет меня пессимистом, скептиком, занудой и ещё множеством похожих слов. Я не обижаюсь. Если честно, она права.

Завтрак мне не нужен. Как и обед. Я вообще не понимаю, зачем надо есть три раза в день. «Положено». Кем положено, куда положено? Риторический вопрос. Своё мнение я никому не навязываю, на шуточки не отвечаю. Ем я тогда, когда чувствую голод, а аппетит у меня разыгрывается часам к шести вечера. Если не задерживаться после работы, как раз успеваю вернуться домой. В крохотную квартирку на седьмом этаже панельного дома, похожего на прямоугольную обшарпанную коробку. Опять-таки я ежедневно твержу себе, что это не так уж плохо, могла бы жить с соседями в коммуналке, или в одной комнате с родителями, или с постылым мужем без возможности разъехаться. Главное —

чтобы работал лифт, потому как подниматься на седьмой этаж тяжело не столько физически, сколько из-за тошноты от табачного дыма и застоявшихся запахов. Почему-то считается, что выставленный за дверь мусор благоухает исключительно для соседей.

Сегодня лифт работал. Это не обрадовало, это не огорчило. Как и короткая пауза в зарядившем с вечера дожде. Не терплю зонты — какой от них прок, если при порыве ветра всё равно нижняя половина туловища мокрая, а обувь моментально пропитывается влагой и промокает? Пробежка до остановки маршрутки, под так называемую крышу. Кто придумал, что для защиты от дождя можно ограничиться кусочком пластика сверху и полосками с перфорацией по бокам? Он явно не ездил на общественном транспорте. Или родился и жил не в этом городе, где из низких серых туч, независимо от времени года, постоянно что-то льётся, сыпется и моросит мне на голову.

По дороге на работу пытаюсь дремать. Не получается. То ли именно эта дорога — совокупность всех возможных ям, то ли машина старательно выбирает их между нормальным асфальтом. Я вообще не люблю дороги. Есть в них нечто неправильное, не могу объяснить что. В глубине души я убеждена, что их просто не должно быть. Тупо пялюсь в окно. Дождь опять начинает накрапывать. Пролетающие мимо автомобили соревнуются, кто кого сильнее обдаст грязью. Глаза закрываются...

Небо. Бесконечное, ясное! Простор, свежий воздух! Ветер, ласковый и тёплый, обнимает меня и нежит в потоках. Где-то далеко внизу — земля, пленительное сочетание яркой зелени лесов и голубизны озёр, над белоснежными вершинами парят крылатые силуэты...

— Остановка — «Бизнес-центр»! Побыстрее на входе и выходе!

Ожесточённо проталкиваюсь, едва успевающая выпрыгнуть из закрывающихся дверей.

Конечно же, в лужу. Подъехать к тротуару водитель не удосужился. Светло-коричневые туфли жалобно хлюпают, мокрые носки с ними полностью солидарны. Здравствуй, начало нового трудового дня!

В офисе шумно: у кого-то из сотрудников свадьба. Все поздравляют, желают счастья и любви, не вдумываясь в смысл этих слов. Становится тоскливо. У меня нет ни того, ни другого. Не потому, что не хочется, просто... не сложилось. Ни разу не дрогнуло сердце. Всё, что у меня есть, — работа и дом. И тысячу раз проклятая дорога между ними.

Татьяна встречает меня мрачнее тучи. Странно, обычно она с утра излучает бодрость духа и оптимизм. Вежливо здороваюсь — надо же поддерживать отношения с единственным человеком, с которым я сблизилась за годы работы.

— Инга, ты не поможешь? Комп не включается! Всё перепробовала, в техподдержку звонила, а там, уроды, ответили, что «приняли заявку и в течение дня разберутся»! В течение дня! Меня шеф через час со сводной ждёт, представляешь, что он мне выскажет, услышав жалкий лепет о «технических проблемах»?!

Сочувственно вздыхаю. Шеф у нас строгий, властный и требовательный. Татьяна неделю готовила ему запрошенный отчёт, буквально вырывая данные из других отделов. Подхожу, дотрагиваюсь. Экран отвечает свечением, на заставке — картинка, заставляющая криво усмехнуться. Сказочный замок на фоне гор в окружении фантастических созданий. Мило...

— Вот, всё в порядке.

Сдавленный вздох. Оборачиваюсь. Коллега смотрит на меня выпучив глаза и открыв рот. А в руке — вилка от компьютера...

— Эт-то к-как?! Я же воткнуть не успела, а он работает! И обои — не мои!

Перевожу взгляд. Работает. Над замком по ветру развеваются флаги, одно из существ грациозно потягивается, разминая крылья... Забираю из обмякших пальцев

вилку, втыкаю в розетку. Заставка исчезает, зато появляется окно с требованием пароля.

— Главное — ты со сводной успеваешь.

Одно слово «сводная» приводит Татьяну в себя. Чудеса — это маловероятно, а суровый шеф — это реальность. Оставив коллегу наедине с покорённой техникой, сажусь на своё место. Прохладный пластик мыши, лёгкое нажатие пальца — и на мониторе... всё тот же замок. Крылатые как по команде взмывают в воздух, превращаются в тени и уносятся к вершинам.

Крепко зажмуриваюсь, трясую головой и открываю глаза. Стандартная картинка с абстрактным рисунком. Шутки техподдержки? Выверты сознания? Списываю в ту же область, куда я привыкла отправлять всё странное и нелепое, происходящее со мной.

Ворох неразобранной электронной почты заставляет на время забыть обо всём. Письма, договора, приложения...

— Инга Сергеевна!

Шеф собственной персоной. За годы совместной работы на моих глазах он создал из мелкой фирмочки вполне преуспевающую компанию. Он предан своему делу настолько, что вместо юной грудастой и длинноногой красотки по-прежнему предпочитает держать помощницей меня — полную и невысокую даму под пятьдесят. Считающую ниже своего достоинства молодиться и тратить сбережения на пластику лица, зато знающую своё дело, не капризничающую, не сплетничающую, не выклянчивающую премии и готовую трудиться сверхурочно. Шеф одинок, замкнут и нелюдим, фирма — смысл его жизни. В остальном он самый обычный мужчина примерно моих лет (точно не скажу, никогда не интересовалась).

— Да, Владимир Петрович?

— Договор с «Арт-плюсом» подписан? Через десять минут жду вас с ним в переговорной!

На месте я минута в минуту. Чувство времени меня никогда не подводит. С тре-

мя экземплярами договора, необходимыми приложениями и календарными планами в папке с фирменным логотипом. Терпеть старую гримзу там, где по умолчанию предполагается прелестная ассистентка, допустимо лишь когда она превосходно исполняет свои обязанности. Стучу, открываю дверь, делаю шаг...

Океан света. Солнечные лучи касаются меня, щекочут шею. Ветер лижет лицо и плечи, внизу проплывают башни. Флаг над главной из них — герб нашего рода...

— Инга Сергеевна, проходите, не стойте.

Глаза у шефа цвета неба над замком, голубые и бездонные. Поэтому я всегда избегала встречаться с ним взглядом.

— Присаживайтесь. Вы...

Серый безликий ковролин под ногами вдруг разбегается мозаикой из разноцветных каменных плит, в отполированных до зеркального блеска стенах отражаются колонны. Натяжной потолок с галогеновыми лампочками исчезает, и вверх взлетают своды...

— Инга! Тебе плохо?!

Хорошему сотруднику не может быть плохо на работе, это всем известно. Я должна поскорее взять себя в руки и извиниться. Вместо этого я всматриваюсь в постепенно меняющиеся черты лица склонившегося надо мной человека.

Тонкий нос, высокие скулы, жёсткие губы. Волны светлых волос. И лишь глаза остаются по-прежнему цвета неба.

— Инга! Ингер! Ты слышишь меня?!

О, ещё как! И впервые за эти годы я понимаю, что происходит! Почему я не помню родителей и самого своего детства, оставшегося смазанным пятном, отчего я на встрече выпускников своего университета не узнала ни одного из сокурсников, откуда у меня способность чувствовать время и влиять на технику...

И почему за всё это время я не увидела ни одного сна.

Пощёчина вышла хлёсткая — за вынесенные мной издевательства! Сломанные

лифты и дороги в ямах, мою уродливую внешность и уверенность в том, что я старуха!

— Значит, «посмотрим, как ты обойдёшься», да?! Ты позволил отправить меня в мир, полностью утративший магию! Где мне стёрли память, заставили думать, что я человек! Отняли крылья, лишили снов! Я жила в этом кошмаре столько лет! Ходила ногами, мокла под дождём, ездила на эту чёртову работу — а ты каждый день был рядом?!

— Вот именно.

Его голос тоже стал звучать иначе — глубоко и проникновенно:

— Я бросился вслед за тобой, чтобы быть вместе! Оберегал и защищал. И, в отличие от тебя, Ингер, я помнил, чего лишился! Каждую минуту я сравнивал наш мир и этот, мучился без магии, страдал от невозможности подняться в воздух, терпел непогоду, иногда неделями не видел солнца! И всё потому, что ты своими неосторожными словами разозлила совет Старейших и они решили проучить тебя подобным образом! А я вымолил у них разрешение сопроводить тебя — при условии, что ничем себя не выдам...

Голубые глаза глядят мне в душу:

— Кто из нас был наказан больше? Ответь! Ты, что считала себя человеком, или я, оставшись аэргом в человеческой оболочке? За эти годы я ни разу не обернулся, хотя каждую ночь во сне взмывал в небо!

Я всхлипываю и утыкаюсь ему в грудь.

— Наказание отбыто, Ингер. Нам дозволено вернуться. Старейшие сочли, что преподали достаточный урок девочке, заявившей, что прекрасно обойдётся без магии, оборота и крыльев.

Плачу от счастья. Больше мне не придёт-ся сражаться с этим миром. Лифты и дороги останутся в прошлом. В Аэрре нет дорог, они не нужны, крылья несут нас вдаль и поднимают ввысь. Но вопросы, мучающие меня, принадлежат Земле:

— Как же мы уйдём? Ты бросишь фирму?..

Тот, кого я считала своим шефом, забирает из моих рук папку и вкладывает в неё ещё один лист:

— Я добавляю к договору с «Арт-плюсом» бессрочную генеральную доверенность на ведение дел. Твоё заявление об уходе по собственному желанию уже зафиксировано и передано в бухгалтерию. Я же почувствовал, что блокировка слетает. Ингер... Ты ничего не хочешь мне сказать?

Мы стоим на границе миров. Половина за моей спиной принадлежит Земле — скучное офисное помещение с деловой мебелью и вечно морозящим дождём за окнами. Вторая половина — Аэрр, колонный зал нашего замка, струящийся через витражи свет и зеркал, отражающие истинную меня — поджарого крылатого аэрга. Глупую пятидесятилетнюю девочку, обречённую на страдание самого дорогого ей человека.

— Прости меня, Влайд. Пожалуйста, прости!

Он обнимает меня обеими руками, словно крыльями:

— Теперь ты начнёшь ценить то, чем обладаешь?

— Если ты имеешь в виду моего мужа, перенёвшего ради меня такие испытания — я нежно целую его в губы, — то им я восхищалась и дорожила всегда. И стану любить ещё сильнее — все сотни наших будущих лет. Идём домой, Влайд.

Август 2021 г.

Дмитрий Хатуцкий

Зеленоград, Москва

НИОКР¹

До праздников оставалось ещё две недели, а предновогоднее настроение уже окончательно вытеснило желание работать. К сожалению, именно последний месяц года каждый раз оказывался наиболее напряжённым для финансового департамента, которым Роман Петрович по долгу службы руководил. Именно перед Новым годом закрываются контракты уходящего года, заключаются новые на следующий год, и всё должно сойтись с утверждёнными планами с точностью до копейки. На памяти Романа Петровича не сходило ни разу, поэтому он несколько не удивился, когда в его кабинет ворвался Фёдор Михайлович. Его галстук торчал из кармана брюк, на лице рдел нездоровый румянец, необычно сильно распахнутые глаза моргали как-то несинхронно, а в растрёпанной причёске не доставало добротного клока волос. В общем, было ясно, что копейки снова не сошлись. Роман Петрович закрыл глаза и, массируя виски, тихо спросил своего заместителя:

— Что в этот раз?

¹ Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

— В плановом отделе что-то упустили, расходы за прошедший год не бьют на полтора миллиарда.

— Мы кому-то должны полтора миллиарда?

— Хуже! У нас излишек!

Роман Петрович открыл глаза. Долг — это не страшно. Строго говоря, долг — это даже хорошо. Достаточно убедительно обосновать закономерность появления долга, и можно запрашивать увеличение финансирования. А вот излишек — это действительно проблема. Это гарантия того, что на следующий год финансирование урежут. Роман Петрович начал рассуждать вслух:

— Через две недели на счету этих денег быть не должно. Оплатить что-нибудь на следующий год?.. Нет, на это средства уже зарезервированы. Значит, надо потратить в этом году... Новый контракт?.. Нельзя, всё, что можно, мы уже закупили... Какие контракты у нас ещё не закрыты? Добавь в них непредвиденные расходы!

Фёдор Михайлович укоризненно наклонил голову:

— За дурака держишь? Я уже распихал по ним почти четыреста миллионов, но оставшиеся полтора ярда тратить не на что.

Роман Петрович нервно застучал пальцами по столу:

— Нельзя оставить, нельзя потратить. Что остаётся?

Он жалобно посмотрел на заместителя, тот только пожал плечами. Внезапно лицо Романа Петровича озарилось:

— Остаётся заморозить! — увидев непонимание на лице заместителя, он пояснил: — Проведём конкурс на заключение контракта с авансированием в этом году. Аванс будет размером с излишек. Как только объявим конкурс, излишек заморозим для оплаты аванса на специальном счёте. Поскольку новый контракт заключать нельзя, конкурс сделаем невыполнимым. Числа двадцать девятого запротоколируем, что никто не принял участие в конкурсе, и начнём процедуру его отмены, которую закончим уже в январе. Тогда и излишек вернётся со спецсчёта в следующем году,

а в следующем году у нас будет целый год, чтобы излишек... освоить.

Фёдор Михайлович уважительно кивнул:

— Звучит как план. А потенциальные поставщики не подадут жалобу, что мы запрашиваем невыполнимое?

— Как пить дать подадут... Придётся запросить что-то такое, чего вообще не существует и существовать не может! Раз этого нет, значит, нет и поставщиков этого и подавать жалобы некому.

Фёдор Михайлович почесал затылок и спросил:

— Раз это не существует, то мы говорим про НИОКР. А если существовать не может, то НИОКР типа «создание волшебной палочки»?

— Ну... — замялся Роман Петрович, — именно палочка, наверное, перебор, но в целом...

— Телепорт? Плащ-невидимка? Машина времени? Кольцо всевластия? Эликсир жизни?..

— О! — остановил своего заместителя Роман Петрович. — А с этим можно работать.

Обоснование проведения конкурса — единственное, что могут проверить наверху, — сформулировали как безобидное «сокращение расходов на поиск и подготовку квалифицированных кадров». Под это обоснование сочинили цель технического задания — «создание технологии увеличения периода работоспособности человека до возраста, превышающего среднюю продолжительность жизни на нелимитированный срок». Само техзадание собрали из околонуточных пространственных формулировок, запутанных предложений, состоящих в основном из воды и откровенной ахинеи, умело размазанной между строк. Чтобы по глупости кто-нибудь не принял участие в конкурсе, подавать заявки разрешили исключительно в бумажном виде по адресу финансового департамента.

Двадцать восьмое декабря обещало быть безмятежным началом не менее без-

мятежной недели. Самые упрямые копейки окончательно сошлись ещё в прошлый рабочий день, и всё, чем собирался заниматься Роман Петрович этим днём, так это — любоваться на танцы кружащихся за окном снежинок.

Фёдор Михайлович плавно возник в дверном проёме. Его лицо не выражало никаких эмоций, а голос был лишён интонаций:

— Роман Петрович, нам принесли заявку на НИОКР.

Роман Петрович икнул и, часто заморгав, севшим голосом спросил:

— Кто принёс?

Фёдор Михайлович, вздохнув, ответил:

— Славик.

— Славик?

— Славик, — пожал плечами заместитель.

В кабинете воцарилось напряжённое молчание, которое нарушил посетитель. Он, ловко просочившись между Фёдором Михайловичем и дверным косяком, оказался перед Романом Петровичем. Это был живенький субтильный мужичок лет шестидесяти, неприятельно одетый в заплатавшую клетчатую рубашку, выдавшие виды джинсы и потёртые кеды. В руках он держал портфель, судя по всему, одного с ним возраста.

— Славик, — представился он. — Добрый день, Роман Петрович, а я вот документики принёс на конкурс.

Он выложил на стол документы и сел в кресло для посетителей. Роман Петрович, подозрительно покосившись на него, принялся изучать заявку. Чем дальше он читал, тем выше поднимались его брови. В его голове не укладывалось, как человек, составивший заявку настолько грамотно, что даже опытному глазу Романа Петровича не за что было зацепиться, мог в этой самой заявке нести такую чушь. Закончив изучать бумаги, Роман Петрович, уточнил:

— Алфёров Вячеслав Егорович?

— Славик, — подтвердил посетитель.

— Значит, вы, являясь единоличным исполнительным органом ООО «Вечная молодость», подаёте заявку на выполнение

научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в результате которых планируете получить опытный образец... как это у вас... — Роман Петрович начал рыться в бумагах, решив ещё раз убедиться, что написано в заявке именно то, что он собирался сказать, — молодильного...

Роман Петрович неуверенно посмотрел на Славика, тот кивнул:

— Молодильного яблока.

— Ну да, ну да... простите, из заявки не совсем ясно, какие-то практические наработки по данному направлению ваша организация уже имеет или пока только теоретические?

— Дык у меня цельный яблоневоый сад этих наработок.

— А эффективность?..

— Один укус — и вот мои семнадцать лет!

Роман Петрович решил пойти напрямик:

— Славик, а что же вы, имея такие яблоки, ими не пользуетесь? Ведь вам явно не семнадцать.

— Как же не пользуюсь? Ещё как пользуюсь! Просто не часто. Енто как с баней — самое приятное напариться как следует — и на воздух. Вот я ещё пару лет попарюсь, а уж потом как...

Парировать было нечем. Роман Петрович попробовал зайти с другой стороны:

— А почему мы до сих пор ничего не слышали про ООО «Вечная молодость»? Такие яблоки были бы на вес золота.

Славик хихикнул:

— Я тоже так думал. А вот яблочки созреют, попробуйте продать кому-нибудь хоть одно. Уже скоро будет сто лет, как я пытаюсь — никто не берёт, даже по цене простых.

— Ну это просто смешно! Если бы вы мне предложили...

— Держите, — Славик достал из портфеля немного сморщенное, но на вид ещё съедобное яблоко.

Роман Петрович понял, что боится даже прикоснуться к яблоку.

— То-то и оно... — вздохнул Славик, — все так рассуждают. Если я — сумасшедший, то яблоко может быть отравой. Если нормальный, то вы сейчас помолодеете до неузнаваемости. И как тогда всем доказать, что вы — это вы? Никто же не поверит, а терять свою устаканившуюся жизнь не хочется.

Роман Петрович взглядом указал заместителю на яблоко. Тот только отрицательно замотал головой. Славик вздохнул:

— Ладно уж, не хотел, но, видно, придётся.

С этими словами он укусил яблоко. За несколько секунд морщины на его лице разгладились, совершенно белые волосы почернели, сутулая спина распрямилась, и вот уже Славика нельзя было дать больше двадцати лет.

Протокол подведения итогов конкурса и контракт на НИОКР подписали в тот же день. Только после ухода Славика Фёдор Михайлович начал приходить в себя:

— Так он нам теперь обязан...

— Ага! — весело подтвердил Роман Петрович. — Не позднее конца следующего года он обязан расписать нам весь техпроцесс получения молодильных яблок, мы поставим их на поток, вложимся в рекламу и озолотимся. Мы за копейки выкупили у него технологию! После закрытия контракта сможем вообще забыть о его существовании и оформить патент на себя.

— Нам чертовски повезло, что Славик не умеет продавать.

Конца года ждать не пришлось. Славик уже через неделю принёс необходимую кипу бумаг и огрызок яблока в качестве прототипа. Придаться было не к чему, и Роман Петрович был вынужден, чертыхаясь, закрыть контракт. Настроение ему испортила одна-единственная строка во всей отчётной документации: «Полив осуществлялся два раза в день Живой водой (зарегистрированный знак) производства ИП Алфёров Вячеслав Егорович».

Мария Мартынова

Ковров, Владимирская обл.

Волга

Могуча величавая
Краса земная — Волга,
Бываешь ты спокойная,
Но только ненадолго.

Великая царица,
Глубокая река,
Меняешь направление,
Течёшь издалека.

Заводишь с ветром, с солнцем
Гармонию игры.
Бессчётна в дельте островков
С неведомой поры.

А ночью ты играешься
С огнями городов
И в даль, прощаясь, медленно
Течёшь вдоль берегов.

И светлой ты зовёшься,
И полноводна ты,
Эх, Волга, Волга, Волга, —
С тобой живут мечты!

А летом, на раскатах,
Всё в розовом ковре,
Где сладковато пахнут
Все лотосы в реке.

Они цветут и манят,
А яркий аромат —
Как символ их богини,
Как драгоценный клад.

Есть сказочное место —
Путь в заповедный край,
Там фауна прелестна
И много птичьих стай.

Они редки, чудесны,
Открыты взору глаз,
Чтоб дивный рай природы
Познали мы не раз.

Плыву я тихо в лодке
Средь леса камышей,
Средь островков зелёных.
Дорога всё длинней.

И вижу я: чуть справа —
Кудрявый пеликан,
Успешно ловит рыбу
И всю съедает сам.

А чуть поодаль цапля
Шагает грациозно
И смотрит, как фазаны
Взлетают виртуозно.

Пущу я тут кораблик
«Желания» (бумажный),
И пусть плывёт по речке
Он к цели долгожданной.

Вернётся мой кораблик
С исполненной мечтой,
И счастье здесь польётся
Чистейшею рекой!

Последний танец

Собираясь на сказочный юг,
Кружат птицы все в танце последнем,
Словно чертят по воздуху круг
На закате осеннем и бледном.

И спиралью выводят они
Геометрию форм. Это тени,
Ускользящий свет заслонив,
Взмахом крыльев рисуют виденье...

...Взмахов вальса стремительный строй
Вмиг сменяется темпом потише,
И шикарной манящей змеёй
Превращается действие выше —

Выше зрелища! — в магию чувств.
Путь проложен в небесном чертоге —
Будь тоска это, счастье иль грусть,
Будь то радость, надежда, тревога...

Вихри крыльев — по лугу небес.
Как их танец в полёте чарует!
Застываешь от вида чудес,
Так сражают они и волнуют.

Вот рисуют узор в вышине,
Строясь в ряд, а потом — на линейки.
Вижу образы, сетку, туннель...
Птицы парами ищут лазейки...

И опять все выходят на круг,
Разделяясь попарно, на стаи,
И горит перелётный этюд
На холсте у закатного края.

Улетайте же, птицы, на юг,
Курс в сердцах уже ваших намечен.
Пируэтов порхающий круг
Оставляю в душе я навечно.

Краски заката

С замираньем смотрю в высоту,
Удивляюсь плывущим в закате
Облакам, что несут красоту,
Чудесам в непривычном формате!

Очаруют они, одурманят
Пестротой неистовых красок
И покажут таинственный танец,
Словно в мире загадочных масок.

Приоткрывши завесу тихонько,
Восхищусь я прекрасной палитрой:
Путь багряно-лиловый легонько
Озарится златым колоритом.

Станет огненным, жгучим и страстным,
Уводя в мир иллюзий, магнитом.
И доверюсь я чувствам подвластным —
Тем, что манят небесным флюидом.

Свой фламенко изящно танцую
В юбке огненной цвета заката,
Под гитарные струны рисую
Я движенья штрихом стаккато.

Словно сон с райской птицей, парящей,
Уносящей в бескрайние дали,
Я смотрю на закат уходящий,
Отпуская в полёт все печали!

Губы трону лиловой помадой
И пойду по аллее туда,
Где таинственно веет прохладой
И где путь освещает звезда.

Там, где радость и вольные степи,
Полевой где стоит аромат
Иль бурлящие горные реки
Красотой поражают мой взгляд.

Позолотой украшено поле,
Словно звёзды создали узор,
Чистота и блаженство, раздолье.
Вот и рожью покрытый ковёр.

И вдохну аромат, здесь присяду,
Окунусь я в забвенье мечты,
Пусть она утолит прохладу,
Пусть в душе зацветут цветы.

А быть может, пойду я по тропке
К ярким звёздам, что в небе сияют,
И увижу там дивное поле,
Где торжественно церкви блистают.

Всё забыв, побегу я к церкви,
Богу тихо свечу поставлю:
«Благослови навеки!»
И Его я в душе прославлю...

Первый класс

Сентябрь-чудесник наступил. Вот — первое число.
Смотрю чуть-чуть с волнением в осеннее окно.
Я жду ребят. Тепло в душе. Украшен мило класс.
Ведь первоклашки у меня сегодня в первый раз.

И кто идёт, и кто бежит. Эх, школьная пора!
Они войдут несмело в класс, где буду ждать их я.
«Знакомству рада я, друзья! — произнесу я вслух. —
Теперь мы — дружная семья, сплочённым будет дух!»

Благоухает класс в цветах. Ученики сидят.
Путь доброты в моих глазах, а звёзды — в их горят.
Улыбок мне — не перечесать. И тяга к знаниям есть,
Мы будем вместе к ним идти, ведь знания — это честь!

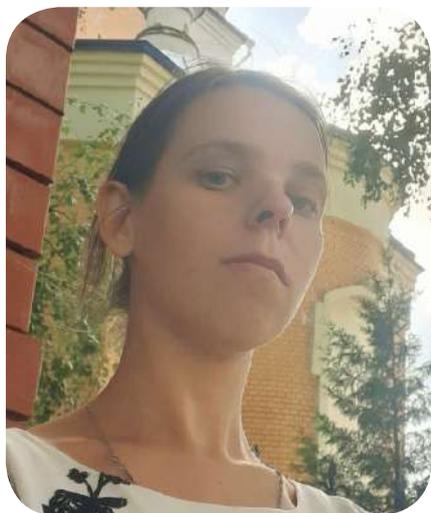
Я познакомлю с букварём, где буквы в ряд стоят
Иль притаились от ребят, или в словах шипят.
А вот — письмо, родной язык. Мы ручки все возьмём,
Чернилом тонким по строке мы ровно проведём.

А математику всем вам дотошно нужно знать,
Чтобы примеры и задачи с лёгкостью решать.
А также песни будем петь и ноты изучать,
И про физкультразминку мы не будем забывать.

В библиотеку мы пойдём, где книг — на разный вкус!
В музеи с вами попадём, что тоже будет плюс.
Мы будем с вами рисовать, лепить и строить, шить,
И будем мир мы изучать, где все продолжим жить!

Научимся командой быть, друг другу помогать,
Любить, хранить, добрее быть, ошибки признавать.
Вы в школе лучше и умнее станете, учась,
Ребята, милые мои, мой самый первый класс!

Елена Никулина

Змиёвка, Орловская обл.

Я помню этот сон,
Он вряд ли станет явью.
Когда моё лицо
С его наедине.
И грянет где-то гром,
Обрушилось сознание.
И мы заговорим
Друг с другом наконец.

Но я не расскажу,
Что было и что будет,
Как плакала в ночи
И как терпела боль.

Ему не расскажу,
Пожму украдкой руку.
Скажу, что не смогу...
Скажу, чтоб отпустил...

Я хочу пройтись с тобой по улицам города,
По твоим заповедным местам.
В переулках, где был ты молод,
Когда я чертовски была молода.

Я хочу пройтись вновь по парку,
Где играл для нас музыкант.
Получить от тебя контрамарку
На спектакль, где кто-то из нас — дебютант.

Я хочу пройтись с тобой, взявшись за руки,
По твоей городской мостовой.
Наблюдая за птицами, летящими парами,
Это было тогда... в наш полуденный зной...

Смотришь в стихи как в зеркало...

Смотришь как в зеркало
И узнавай себя.
В тех строках,
Что сейчас читаешь.
Писала я
И прятала тебя в словах,
Поверя в то,
Что ты себя в них не узнаешь.

Давай попробуем загадку разгадать.
Где правда здесь,
А где весь вымысел крошечный.
Читаю медленно, местами по слогам,
И с выражением, неспешно.

Ты много книг перечитал,
Ты гений мысли, ты — философ.
Но не придавал значения стихам
Не ставил никаких вопросов.

Как в зеркало в стихи всмотришь
И вспомни то, что так давно забыли.
Прошу тебя,
Ты с высоты своей спустись.
Чтоб, как тогда,
Мы наравне с тобою были.

Станислав Петросян

Ростов-на-Дону

Мумбаи

Стрельба в кафе и на вокзале.
Все в страшной панике бегут.
Какие времена настали —
Отели террористы жгут!

От взрыва ярко. Люди гибнут.
Осколки режут не щадя!
Бегущих пули всех настигнут,
Ты — взрослый иль ещё дитя!

Погибли дочь, жена и мама,
Погиб богач, погиб бедняк.
Граница в обществе пропала,
И жизнь — как будто бы пустяк.

Вдруг крик «Аллах велик!» разнёсся
По улицам, и слышен взрыв!
Горит отель. В небо вознёсся
Дым. Темнота и — нервный срыв.

Вторые сутки «Тадж» захвачен,
Кто выжил — прячется в тени.
Снаружи пламенем охвачен...
Молитва: «Боже, помоги!»...

Отеля персонал отважен:
Рискуя жизнью, проводя
Гостей туда, где безопасен
Покой. Тот шанс — как никогда!

И постояльцев плач — повсюду.
Из окон видно боль в глазах.
Нет, очевидцы не забудут
Те дни, смотря на всё в слезах.

Пока весь город ожидает
Конца непостижимых мук.
Абу Али с АКА¹ шагает
По коридорам «Таджа»...
Стук...

Стук в дверь и — выстрел! Кто-то умер,
Упал на пол и впредь не встал.
В углу от шума кто-то замер,
Заплакал тихо и упал.

«Спецназ прибудет очень скоро», —
Сказали в сводках новостей.
Их ждал отель, неспящий город —
Увы! Победных нет вестей...

Вторые сутки «Тадж» захвачен,
Кто выжил — прячется в тени.
Снаружи пламенем охвачен...
Молитва: «Боже, помоги...»

Отряд пожарных тушит пламя,
Не каждый выдержал обстрел...
Взрыв террористы, волчья стая,
Готовят — всяк сегодня смел!

Из Пакистана ведь напали,
Костёр тот огненный зажгли.
А люди жили — и не ждали,
Отбить атаку не смогли.

Отель штурмуют, в двери входят —
Спасать. Стрельба и бой. Спецназ
Бежать не дали — всех находят,
Не дав им совершить намаз.

Упали замертво в отеле
Те, кто страданья причинял.
Вы кровь и смерть другим хотели?
Самих вас ждал такой финал!

...О той трагедии скорбим мы
И помним, что произошло.
Остались в памяти любимы —
Погибли страшно. Тяжело...

¹ АКА — автомат Калашникова.

Лариса Агафонова

Москва

Лидочка

(Окончание. Начало в №№ 2–4/2021)

Сдав смену, Лидочка забрала сына из детского сада, поиграла с ним в любимую железную дорогу, накормила ужином и уложила спать.

«Завтра его перевозят в другую больницу, — Лидочка то и дело натыкалась на слова Инны. — И я снова его не увижу. Возможно, больше никогда. — Ну и пусть. Жила столько лет без него. — Он был далеко. А сейчас он рядом. И ему плохо. — А тебе было хорошо? — Эгоистка, он потерял смысл жизни, а ты, наоборот, приобрела, родив Ванечку», — этот ожесточённый молчаливый спор с самой собой мешал Лидочке выполнять простые домашние действия, не давал покоя, подтачивал возведённую защитную изгородь.

— Лидочка, ты что так поздно? Да и смена вроде не твоя? — охранник удивлённо открыл входную дверь.

— Я на минутку, забыла кое-что забрать. До завтра не терпит.

— Ну беги, Маша-растеряша! А хвостик твой где?

— Соседку попросила присмотреть. Я же ненадолго.

В восьмой палате второй травматологии горел ночник возле одной из кроватей. Пациент с гипсом на левой руке и перебинтованной кистью правой лежал, уставившись в потолок, в сотый раз пересчитывая уже ставшие знакомыми трещины. Остальные пациенты выползли в коридор к телевизору. А что ещё делать после ужина? Это вам не горнолыжный курорт.

— Здравствуй, Егор, — негромко сказала Лидочка.

— Лидочка?! — мужчина удивлённо приподнялся на локтях и сморщился от боли. — Ты откуда здесь?

— Это, скорее, вопрос к тебе? — уголками губ улыбнулась девушка. — А я здесь работаю. Медсестрой в первой травматологии.

— Ты же учиться дальше собиралась. Не поступила?

— Не поступала. Как ты себя чувствуешь? — Лидочка перевела тему.

— Я себя не чувствую, — Егор прикусил губу. — Видишь, как вышло. Одно мгновение, и все мои планы полетели к чертям собачьим вместе с этой проклятой лавиной.

— Егор, я всё понимаю, но жизнь на этом не заканчивается.

— Не заканчивается, ты права, — горько усмехнулся Егор. — Она закончилась. Для меня хирургия — это всё. А теперь это всё для меня недоступно.

— Знаешь, — Лидочка помолчала. — Шесть лет назад, когда ты уехал, не оставив мне ни единого шанса, я тоже думала, что моя жизнь спела мне прощальную песенку. Мечты рухнули, надежды с грохотом раскололись на мелкие кусочки.

— Но ты же сама уехала с этим красавчиком, как его, забыл имя, с медбратом. Я рвал и метал, а потом подвернулась новая должность, я и решил: раз тебе не нужен, у тебя другой, не буду мешать.

— Что за бред? Не было никакого другого. Я уехала на каникулы, домой, одна.

— А мне сказали... — Егор замолчал.

— Вот и мне сказали, что у тебя роман с докторшей.

— Да не было никакого романа! — Егор в сердцах стукнул правой рукой по кровати и охнул.

Лидочка покачала головой.

— Мы что-то узнали, кому-то поверили. И начали новую жизнь. Строили новые планы, как-то справлялись. Искали новый смысл этой самой жизни.

— Да где он, этот смысл? В чём? — Егор отвернулся к стене. — Я теперь, даже зная, что произошло на самом деле, не могу тебе сказать «А давай заново начнём?» Это тогда я был перспективным хирургом, а теперь кто? Буду сидеть где-нибудь на приёме страждущих бабушек, прострелы лечить и ушибы йодом обрабатывать.

— Тебе не идёт быть слабым, Егор, — Лидочка помолчала. — Я пойду, пожалуй. Я оставлю тебе кое-что, на досуге посмотришь. — Девушка положила на кровать белый конверт с фотографиями.

— Что это? На передачку больному не похоже, — съехидничал Егор.

— Это новый смысл моей жизни...

— ...Пап, а мы на лыжах кататься пойдём? Пап, а когда мама вернётся? Пап, а ты мороженое нам купишь? А куда Ваня ушёл?

— Анютка, тархтелка моя любимая, сделай перерыв в своих вопросах, я не успеваю отвечать. — Мужчина подхватил маленькую курносую девчонку на руки и закружил.

— Папка, у меня ёлки в голове кружатся! — завопила девочка.

— Ёлки — это серьёзно, — Егор поставил дочку на пушистый снег, выпавший за ночь и укутавший город белым покрывалом.

— Отвечай на вопросы, — потребовала Анютка, сморщив курносый носик. — Мама

говорит, что нельзя увливать даже от самых неприятных вопросов.

— Ну раз мама говорит, — улыбнулся Егор. — Отвечаю по порядку. Мама сегодня учится. Ты же знаешь, она совсем скоро станет настоящим врачом. Будет людям глазки лечить. У неё сейчас сессия, а потом у нас у всех будут каникулы. Вот на каникулах мы и поедem на лыжах кататься. Ваня ушёл в школу ёлку наряжать. А мороженое, — мужчина сделал страшные глаза и снова подхватил дочку на руки, — девочкам, у которых недавно болело горло, нельзя кушать.

— Ну, пап, — захныкала Анютка. — Ну ты же врач, ты меня вылечишь, если я заболю.

— Я же не лор, я хирург. А хирурги они такие — чуть что не так, сразу за скальпель хватаются, — Егор сделал страшные глаза.

— А я и не боюсь ни капельки. Мама говорит, что ты добрый доктор. И стараешься лечить без операции.

— Стараюсь, — по лицу отца мелькнула тень. — Потому что операции я разучился делать.

— Разучился?

— Видишь ли, дочка, есть такое правило: надо всё делать хорошо или не делать вовсе. А я с моими тремя пальцами на правой руке не могу держать скальпель так, как раньше. Так что теперь лечу без операций.

— Ты грустишь, потому что не можешь? — Анютка повернула к себе голову отца и нахмурилась.

— Не грущу, — покачал головой Егор. — У меня же есть ты, Ванечка, наша мама. Зачем же мне грустить? А пойдём-ка, Анютка, маму встретим. Устроим ей сюрприз.

— Как ты устроил маме и Ване на Новый год? Давно-давно, когда меня ещё не было? Мне Ваня по секрету рассказывал.

— Именно, как тогда на Новый год, — эхом отозвался Егор.

Ульяна Домашина

Череповец,
Вологодская обл.

Шойна

Северный посёлок Шойна располагается на территории полуострова Канин Нос. В середине XX века неконтролируемо использовались рыболовецкие тралы, что привело к уничтожению большинства водорослей. И природа наказала человека за варварское к себе отношение: остатки водорослей были не в силах сдерживать песок и его стало вымывать на берег Белого моря. Посёлок Шойна превратился в самую северную унылую пустыню с бледно-жёлтыми барханами. Жизнь здесь едва теплится, кто смог — уже давно покинул эти места...

... — Мы живём не в России! Мы живём у чёрта на куличках! Как бельмо на глазу! — пробасил местный рыбак Захарка, загадочно ковыряясь в носу.

— Люди хуже нашего живут, — прогундосила махонькая старушка в красном платочке.

— Куда хуже-то?! Вот у соседа маво совсем дом занесло песком. Едрит твою в кандибобер! — выругался Захарка.

— В других посёлках — хуже, — упрямо выпятив губу, затрясся от обиды красный платочек.

— А мне в кино страсть как охота! — прогудел бархатный баритон Стёпки, балагура и выпивохи. — Но я же терплю. Волю тренирую.

В конце очереди тихо запричитал синий платочек: «Иро-о-од! Всю кровушку выпил. Поганец!»

— Марусяка! Ты, что ли? Любимка моя! А ну, признавайся? — пропел баритон.

— Да отстань ты, лешак небритый! На чекушку — не дам. Денег нет. Нема! До зарплаты ещё пять дней колготиться.

— Цыц! Нехристи! — прочмокала продавщица Настасья, капризно надув сахарные губки. — Не мешайте, заполошные.

В магазине «Элегия» воцарилось гробовое молчание. Только где-то в конце очереди тихо сморкались, грустно вздыхая.

Тем временем на песчаный посёлок надвигался шторм. Чернота заползала, страшно дуясь. Небо вдали утробно урчало. Белое море превратилось в чёрно-синюю массу.

Налетел бешеный ветер. Он поднимал тучи бледно-жёлтого песка, забивался в обувь, хрустел на зубах, злобно стучал в окошки острыми песчинками.

Магазин «Элегия» мигом опустел. Жители посёлка припустили к своим домам, наполовину засыпанным золотым песком.

Далеко, у самого горизонта, где жёлтый песок соединяется с пепельным небом, блеснула молния. Захарка поёжился. «Эх, не успеть до бури», — подумал он. Следом за ним в небольшом отдалении плёлся красный платочек, недалеко от красного маячил синий.

Ох, и не любил же Захарка бабий дух и бабий трёп! Ну просто не переносил. Хоть расстреливай!

Поэтому бодро погарцевал, заметив приближение непрошенных спутниц. Чтобы ни один платочек его не догнал — ни красный, ни синий.

Дом Захарки располагался ближе всего к магазину. И только он прогромыхал по ступеням, нырнув в хлипкую постройку, как окно отчаянно задребезжало, в него отчаянно застучали. Мелькнули в песочной кутерьме кусочек красного и кусочек синего платочков.

— Захарка-а-а! Открой, горемы-ы-ыч-ный! Погиба-а-а-ем!

С трудом сдерживая раздражение, Захарка закрыл розовые уши огромными лапищами. «Ничего не слышу, — упрямо шептал он. — Вот настырное бабье! Пусть к Стёпке стучат — в соседний дом!»

Окно полночи жалобно дребезжало, за ним стонали и выли. Мелькал то красный, то синий платочки. При вспышке молний можно было увидеть две пары глаз, полных отчаяния.

А Захарка крепко спал, умаявшись от мыслей-коршунов.

Поутру, пробудившись от тяжкого сна, Захарка выкатился во двор. У окна, того самого, которое всю ночь охало и дребезжало, вырос огромный тёмно-жёлтый бархан. Вздохнув, рыбак взял лопату и нехотя начал откидывать мокрый песок.

«Уеду, ей-богу, уеду», — ворочал и перекачивал в голове Захарка заветную мысль, похрустывая медовым песком.

Лопата неожиданно упёрлась во что-то мягкое и тяжёлое. Показался край красного платочка, затем — синего.

«Не добежали, сердешные!» — вздохнул Захарка и громко чихнул.

Присел на корточки, закурил. «Ты, ты виноват в их гибели!» — промелькнув, ужалила его мысль. Отмахнулся от назойливой мысли и глубоко затаился.

Тоненькой струйкой взвился дымок. И поплыл, поплыл.

Страница автора
vk.com/id127422933

Мягкий переплёт

92 страницы

Нина Романова

Жизнь по Капельке

Медицинский детектив

Странные дела творятся в обычном госпитале. Один за другим при загадочных обстоятельствах в его стенах гибнут люди. И эти смерти никак нельзя назвать несчастными случаями. В карманах жертв находят записки, обращённые к заведующему патологоанатомического отделения доктору Азину. Неужели убийства как-то связаны с детективом, который он хотел когда-то написать? Или сам врач каким-то образом замешан в происходящем? Разгадать загадку берется весёлая старушка Капитолина — большая поклонница чайных церемоний и ассистент журналиста, некоторое время назад опубликовавшего заметку про Азина. Работая под прикрытием, она должна собрать необходимые улики...

Игорь Екимов

Санкт-Петербург

Шаги смерти

(Продолжение. Начало в №№ 3, 4/2021)

На следующий день я тоже работал. Денис больше не звонил, и я решил, что пока его дело никак не продвинулось.

Внезапный звонок настиг меня после обеда, ближе к вечеру. На экране мобильного высветился чей-то незнакомый номер. Я нажал кнопку приёма:

— Алё?

В трубке раздался плачущий, неразборчивый женский голос:

— Это... Игорь?

— Да. Здравствуйте.

— Это... Маша. — Последовала довольно долгая пауза. — Дениса убили! — наконец произнесла она и разразилась рыданиями.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Маша, жена Дениса, собиралась обзвонить всех его школьных друзей, о которых хоть что-то знала. Но мне она позвонила в первую очередь, так как меня, кроме всего прочего, захотела видеть милиция. Ведь мы с Денисом имели конфиденциальный разговор, сообща разрабатывали план его действий — и теперь это очень заинтересовало оперативников, расследующих его убийство.

Сама картина преступления ужаснула меня до глубины души — она была намного кошмарнее, чем та история, которую мне рассказывал Денис. Глубокой ночью дачники с соседних участков услышали крики о помощи, доносившиеся с его дачи. Те, что посмелее, подбежали к его участку и перелезли через забор, но не смогли попасть в дом, так как входная дверь и ворота встроенного гаража оказались заперты изнутри, а на окнах были решётки. Между тем крики продолжались и становились всё

страшнее и страшнее! Люди не знали, что делать, но наконец решились испортить частную собственность и стали ломать дверь. Пока они этим занимались, вопли вдруг прекратились. Когда же дверь была взломана, дачники ворвались внутрь и обнаружили на втором этаже, близ лестницы, изуродованный труп Дениса. Преступник убил его, скорее всего, голыми руками, но самым зверским образом: переломал все рёбра, а потом сломал шею. Никто из дачников вовсе не горел желанием встретиться лицом к лицу с таким чудовищным отморозком, но их было много, и половина из них успела заранее вооружиться сельскохозяйственными орудиями — поэтому они решились действовать дальше и обыскали весь дом. Они даже догадались поставить трёх человек на выходе, чтобы преступник не выскочил в открытую дверь. Но все их усилия оказались тщетными: убийца как в воду канул.

Теперь перед следствием стояли три вопроса — один другого сложнее. Первый: как убийца сумел проникнуть в дом, запертый изнутри? Второй: куда он, чёрт побери, пропал, совершив убийство? И наконец, третий, самый сложный: какую вообще нужно иметь силу, чтобы вот так расправиться с Денисом?! Да даже если бы он подрался с гориллой, он бы и то пострадал меньше!

Для разговора с милицией мне пришлось ехать далеко за город, в посёлок Рошино. Именно там, в нескольких километрах от садоводства, располагался отдел милиции, расследующий это преступление.

— Игорь Алексеевич, — сказал следователь, — жена потерпевшего сообщила нам, что за несколько дней до смерти он приезжал к вам в гости и обсуждал с вами то, что происходило у него на даче. Постарайтесь вспомнить ваш разговор со всеми самыми мелкими подробностями.

Это было нетрудно: встречу с Денисом я отлично запомнил по причине полной невероятности того, что он мне рассказывал. На вопрос следователя я ответил очень точ-

но и подробно. Затем он стал расспрашивать, что я вообще знаю про Дениса, были у него враги или нет, чем он занимался на работе и так далее.

Я рассказал и об этом. Правда, вопрос о его работе вызвал у меня затруднения: я знал, что Денис был программистом высочайшего класса, но в какой именно области он специализировался — то мне было неизвестно. Однажды Денис объяснял мне, в чём заключается его работа, но я просто ничего не понял — настолько это оказалось сложно для восприятия. Что же касается врагов, я ответил так: явных врагов у него вроде не было, зато некоторые могли сильно завидовать его всесторонней одарённости и успешности. В общем, Денис мог нажать себе скрытых врагов.

Потом следователь сказал, что нужно снять отпечатки моих пальцев. Я не стал возражать, но очень удивился:

— Хорошо. Только зачем?

— Дело в том, что на даче мы обнаружили большое количество отпечатков неустановленного лица. Ни самому потерпевшему, ни его жене они не подходят. Очевидно, они принадлежат преступнику. В картотеке их тоже не оказалось. Вот мы и сравниваем.

Естественно, мои отпечатки пальцев тоже не совпали с отпечатками «неустановленного лица». После этого меня отпустили.

Но я не торопился уезжать из Рошино. Я сам хотел помочь следствию, и, пожалуй, у меня были для этого кое-какие возможности.

Дело в том, что я знал одного человека, который жил в этих краях с самого начала — с того момента, когда Советский Союз отнял их у Финляндии. Во времена моего детства мы с родителями каждое лето снимали в Рошино дачу. Хозяйка нашей дачи, Евгения Михайловна, как раз и жила здесь с сороковых годов прошлого века. Теперь я решил с ней проконсультроваться. Я хотел выяснить, не было ли в этих местах

похожих сверхъестественных случаев. Не только в садоводстве «Здоровье» (садоводство-то вообще недавно возникло, всего лет десять назад), а во всём районе.

По дороге я купил вкусное печенье к чаю, чтобы идти в гости не с пустыми руками. Во дворе меня встретила тётя Галя — она развешивала на улице бельё после стирки.

— Игорь, здравствуй! — сказала она. — Решил к нам в гости зайти? У тебя отпуск?

— Здравствуйте. Да нет, отпуск ещё не дали. Работаю пока.

— А что ж ты не на работе?

— Представляете, какое дело: меня в милицию вызывали!

— Что-то натворил?

— Да нет, меня как свидетеля вызывали, типа того. У меня был товарищ, и ему сильно не повезло... точнее, его убили.

— Ох ты, кошмар какой!

— Ну вот, а случилось это на даче, в садоводстве «Здоровье». Вот здешняя милиция за меня и взялась. Я, собственно, поэтому к вам и зашёл...

Я рассказал ей подробно всю историю и объяснил:

— И вот теперь я хочу оказать помощь следствию... Евгения Михайловна живёт тут с самого начала и знает очень много. Я хотел у неё спросить: не было ли в Рошино или где поблизости таких же сверхъестественных случаев? А может, вы знаете?

— Да нет, — ответила тётя Галя, — я не знаю... А с мамой поговорить можно, если только она поймёт, чего мы от неё хотим. Чувствует она себя неважно, к тому же плохо слышит. Да и вообще с ней бывает трудно разговаривать, ей же больше девяноста лет.

Мы прошли в дом. Евгения Михайловна отдыхала на диване в боковой комнате.

— Мама, к нам Игорь приехал! — громко произнесла тётя Галя. — Узнаёшь?

— Здравствуйте, — сказал я.

— Узнаю... Здравствуй, Игорь...

— Мама, Игорь приехал к нам по делу. Он хочет кое о чём с тобой поговорить...

(Продолжение следует)

Вячеслав Злобин-Алтайский Барнаул, Алтайский край

Мой друг

Повесть

(Продолжение. Начало в № 4/2021)

Глава вторая

Кабинет был просторным, а стол мне достался под единственным, но огромным окном. Светлое место было. Здесь я работал не только вместе со своим патроном и от скуки не морочился. Трудиться приходилось много, я был целиком захвачен и радовался новым положением.

Кроме нас двоих сидела та самая Белла Семёновна, как было сказано ранее, — бдительный секретарь парторганизации. В основном заправляла она энергетикой цеха. Сразу надо обратить внимание: любила она очень своё рабочее место, прямо как вросшая в нём жила. Казалось порой, что исполняла она в кабинете как бы функцию смотрящего. Кто вышел, кто зашёл, кто что сказал — всем ведала. Ближе ко входной двери кабинета сиротливо стоял стол механика цеха Ивана Михайловича Сидякина.

Он его редко жаловал своим присутствием. Всё больше с рабочими на ремонтах пропадал. Так что напичкано нас было там достаточно.

У Беллы Семёновны глаза были добрые. Подчинённые на себе испытывали её заботу, сходную с каким-то ярким эротическим порывом, но и остротку в виде пухленького кулачка. Одним словом, прикипали к ней, как к маме. Они за глаза нежно и называли её мамой. Но деспотические замашки её правления скрыть было невозможно. Кой-кто мне обронил словечко об этом в запале досады. Она, как та египетская Клеопатра, удостаивала вниманием своим ласково и почти пламенно, но избыток чувств таких к избраннику часто оборачивался потом фатальным убийством. Гбловы возлюбленных имели символическое значение для египтянки. В их коллекции она видела своё совершенство.

Белла Семёновна была, знамо, попроще. Все присущие порывы царственной особы в ней были глубоко сокрыты и не настолько очевидны. И яды на своих жертвах она не испытывала. Любила она работников своих каким-то почти небесным чувством, во благо общего дела. А общее дело для Беллы Семёновны и было первой сутью её жизни. А вот нет если общественного интереса в объекте её внимания, то он становился для неё совсем и не объект, а просто неодушевлённый предмет — субъект.

Есть важное обстоятельство. В пору своей молодости Белла Семёновна, когда уже была замужем, начинала делать свою карьеру с ведомственной электрической подстанции. Она, как и все дежурные работники подстанции, почти с надрывом способностей ежегодно сдавала экзамен на допуск к электроустановкам.

Хочу заметить, что всё, что рассказываю о ней, является сущей правдой, построенной на знаниях её производственной подружки — моей тётушки.

Ограничивать свои способности и энергию ежегодной сдачей экзаменов на допуски и только для Беллы Семёновны становилось бесперспективно и скучно.

Смысла и высоких целей в этом не просматривалось. Как-то раз муж её Михаил — рядовой электрик «Водоканала», сумрачным зимним вечером коротал время на кухне за стопкой. Его лучший друг и товарищ Семён Маслаков, такой же простой работяга, сидел на расстоянии протянутой руки. Белла Семёновна отсутствовала. Она органически отрицала посиделки без праздника и повода. Называла это пустым и вредным делом.

Потом приятели не помнили, но кому-то из них пришла в затуманенную голову гениальная мысль, которая стала судьбоносной. Идеи, способные перевернуть жизнь, иногда возникают и приходят не так редко в дружеском застолье, когда реальность уже плохо воспринимается. Но с такой изошрённой и дальновидной силой, которая посетила одного из друзей, рождаются совсем исключительно.

Оригинальная суть её была проста, но глубока. Шустрому Семёну поручалось, как большому профессионалу своего дела, взять шефство над Беллой Семёновной. Что значит — взять шефство? Вести её совместно с мужем Михаилом к цели. А цель — диплом энергетика! Техникум — вот на что они дерзнули!

При таком обороте дела дальнейшая карьера Беллы Семёновны должна была быть обеспечена. Какой стимул имел в этом деле Семён? Безусловный! Его корысть заключалась в том, что он со своим горлом, крепко заразившимся самогоном, и громким голосом имел неоспоримые шансы на место более высокое — бригадирствовать. Его тогда тоже здесь ценили, но уж больно пощипывали за равнодушное пристрастие к мутным градусам жизни.

Вот уже три года минуло, как их идея-фикс реализовалась. И теперь я сидел в одном кабинете с Беллой Семёновной. А было ей, по моим прикидкам, около сорока лет.

На рабочем месте она сидела смиренно, иногда часами, и её большой бюст, словно гипсовый, возвышался величественно над столом. Казалось, она пребывала в мудрой задумчивости.

Периодически женщина выдёргивала со стола, из высокой стопы, какую-нибудь папку, например, протокол прошедшего накануне партсобрания, с видимым удовольствием на лице делала пометки на полях, вносила изменения в тексты выступлений и прений. Знала она толк в подготовке правильных речей, потому что на этом съезе съела. Или брала другую папку и записывала планы предстоящих технических мероприятий по профилактике и ремонту вверенного ей оборудования. После брала трубку телефона и, сверив, например, своё видение мероприятий с мнением планового отдела управления корректировала намеченное. Не забывала и о согласованиях с парткомом, например, кого подтянуть в кандидаты партии, а кому из членов её устроить головомойку.

Одним словом, её дела шли полным ходом, работа кипела.

— Серёжа, как тебе твоя должность — осваиваешь, нравится? — переключила она внимание на меня с участливой заинтересованностью, почти с материнской заботой.

— Да уж, какая там должность, Белла Семёновна! Главное для меня — процесс, а должность — это у Баляйкина. Приятно быть рабом процесса — творчество играет да зажигает, — оживился я после деловой и продолжительной тишины. — В этом весь и фокус...

— А сам-то он только указания даёт? — в её добрых глазах под локонами светлых волос будто чёртики пробежали.

— Да нет, по фильтрам-то прыгаю я — положено, а Геннадий Евгеньевич записывает и уточняет мои действия. Потом я переносу всё на планы. Вроде как всё слаженно.

— Да уж, у Чебурашки, — понизила она голос, — всё всегда ладненько. Только по фильтрам прыгать ему некогда. Главное у него — грязь в отстойниках. Вот что для него самое главное!

— Как это? Белла Семёновна, какой интерес может составлять грязь? Как-то непонятно ваше определение! — с нескрываемым недоверием отреагировал я на вызов.

— Ты что, Серёжа, в тёмном лесу живёшь? В технологию вникаешь, а смысла грязи не видишь?!

У неё лицо было круглое как мячик. После этих слов «мячик» приобрёл бежевый цвет, на нём появились розовые пятна с каким-то странным, потусторонним, если можно так выразиться, зеленоватым оттенком.

— А что в грязи-то той можно увидеть? Помыли, очистили отстойник, и даже бактериям там ходу нет. План выполнен, и зарплата есть. Всё как бы на логике построено! — продолжал недоумевать я, пытаясь уловить подвох в её словах.

— Помыть, почистить?! — она подставила ладонь ко рту, отгораживая тем самым звук своего голоса от входной двери. Зрачки забегали испуганно, почти панически. — А ты залезь в отстойник, когда его остановят. Чебурашка постоянно всем зудит: «Ох, какие ужасные условия труда, ох, какие горы грязи ворочать приходится — уму непостижимо!» Вот и проверь, сколь постижимо, а сколь непостижимо там, в процентовках. А результат, в худшем случае, — двойной счёт! А куда огромные зарплаты уходят и как — это почти неведомо, только домыслы! Ради такой кормушки можно и бабочкой порхать. Всё в цветочках — не жизнь, а праздник! — она многозначительно взглянула в мои глаза и приложила к губам указательный палец. — Но я тебе ничего не говорила. Язык держи на замочке, понятно?

— Чего уж там... — я растерянно проглотил слюну, словно язык, и широко раскрытыми глазами упёрся в круглый лик доброжелательницы.

Этот её выпад, по моим понятиям, не соответствовал статусу царственной особы. Думаю, Клеопатра была выше всяких кляуз и шкурных интересов. Ей нужны были Египет или в целом Римская империя, безграничная любовь подданных, но не жалкие придворные интриги.

Я уже отмечал, что есть схожесть целей этих дам: обе стремились к установлению полного общественного баланса. Белла Се-

мёновна, возможно, опасаясь выстрелить в молоко и навлечь на себя гнев сильных мира сего, действовала предельно собранно, осторожно. Она потихоньку втягивала, видимо, простой люд, таких, как я, например, к созданию обстановки нетерпимости и неприятия всего сомнительного. В этом, кажется, и видела своё назначение. И всё же, если быть объективным, интриги царского двора никто не отменял. Таким человек был во все времена всегда — на роду, видно, у него так написано. Вот только верил тогда я в диалектический разум. Согласно этой теории, бытие должно исправлять сознание. Но сознание — вещь тонкая, и исправлять его способна логика стыда, а не интриг. Итак, сделал для себя вывод я, цели у нас общие, а методы разные. Диалектическая нестыковка! И нестыковка принципиальная: справедливость не может исходить из парадигмы прошлого.

Мои переживания по поводу общественного поиска правильных идей были прерваны, когда в кабинет вошла наш сменный инженер Марина Чанцева.

Вот если бы она была Клеопатрой, подумалось вскользь мне, то я бы точно стал Юлием Цезарем. Но, увы, я даже на Онегина не тянул, так как был зависим от общественных интересов. Онегин был свободен в своём выборе, а я чувствовал оковы возможностей и незначительность своей персоны. Хотя амбиции играли, само собой.

Марина Станиславовна была женщиной очень даже миловидной, молодой, хотя уже с двумя детьми. Она явилась в кабинет, как красно солнышко, и осветила лучами своего обаяния мои романтические чувства. Она всегда их задевала... Однако о ней несколько позже.

— Белла Семёновна, у нас насосная встала! Хозяйственный насос! — её лицо в испуге исказилось, а в обычно звонком, но сейчас подавленном тревогой голосе прозвучали панические нотки.

Энергетику цеха этого хватило, чтобы понять, что промедление в действиях смерти подобно. Белла Семёновна оторвалась от стула, чтобы, видимо, что-то не-

медленно предпринять, но быстро осела, осознав, что нужно действовать наверняка и с головой.

Она схватила трубку телефона и быстро стала накручивать номер.

— Миша, скорее соображай! У нас встал хозяйственный насос! — с достоинством, но с какой-то просительной интонацией прозвучало это обращение к её мужу.

Я доподлинно знал, что Михаил не разделил бы моё мнение о том, что его жена звёзд с неба не хватает, и жизнь за неё, думаю, отдал бы.

— Так-так, подстанция... Ну быстрее... Да-да, РЭУ... Да-да, фидер... Так, да — точно, Семён!.. Всё поняла, если что, будь на проводе... — завершила она диалог и перезвонила на подстанцию. Затем вместе со сменным инженером стремглав покинула кабинет.

Объясняю непосвящённым. Остановка хозяйственного насоса была редким событием. Всё внутреннее обеспечение комплекса водой могло привести к аварийным последствиям. В сооружениях многое держалось на гидравлике, в том числе важные для безаварийной работы задвижки. Если «сядут» — вода пойдёт не по трубам, а через край. Короче — будет потоп!

Из чувства сопричастности я пошёл в диспетчерскую. Посмотрел на уже родные мне датчики и счётчики. Ради любопытства спустился в фильтровальные залы. Уровень воды был высок, но вскоре, пока я тратил время на обзор сооружений, гидравлика в задвижках зашипела. Это была победа! Это значило, что оперативность действий сработала!

В кабинете сидела раскрасневшаяся Белла Семёновна, а перед ней почти танцевал, переминаясь с ноги на ногу, Семён Маслаков. Неприятный душок сивухи исходил от него. Редкие волосы на голове торпорщились, как луковый батун на грядке. В красных глазах, даже в небритом, ошестившемся подбородке и на потрескавшихся губах читалось довольство. Однако, когда я вошёл, мне показалось, что тон разговора из возвышенно-восторженного перешёл в возвышенно-укорительный.

— Вот полюбуйся, Серёжа! — призвала меня к обсуждению ситуации Белла Семёновна. — Это мурло — в огонь и в воду, просто писанный красавец! Но, Семён, — она тут же переключилась на бригадира, — ещё обеда не было, а ты уже в ауте. С самого утра, с первыми петухами начинаешь выпивать?

— Это как, мамочка, с петухами-то? — не дошло до него, а язык, похоже, одеревенел.

— Какая такая мамочка?

— Родная — какая?!

— Ещё пуще!.. Петухи утром поют, а ты водку глотаешь. Так, что ли, выходит?

— Ну, Б-е-е-лочка Семёновна, — умиленным взглядом блеснул Семён, и голосок его стал такой ангельский, — ведь я же от души — стараюсь! Я всегда готов к любым катаклизмам! Всегда, как солдат, на посту!

— Уйди с глаз моих долой, пока докладную на тебя не настрочила! Если ещё догонишься — в вытрезвитель сдам, прямо с работы. Под белы ручки уведут солдата...

— Что ты, что ты, мам... товарищ начальник, не позволю себе. Точно... Сказал — сделал! — с трудом ворочал языком Маслаков и, кажется, верил своим словам.

— Валяй давай отсюда и не крутись такой на работе, на глазах! Иди домой, пропись, мерзавец. Если что — вызову... — с безнадёгой добавила Белла Семёновна.

— Вот и оскорбления посыпались! — разочарованно, но в то же время философски заметил бригадир. — Нет, Белла Семёновна, я больше ни-ни, будь спок... Сейчас только умоюсь, и всё как в соборе Василия Блаженного будет...

— Ладно уж, достал. Тоже мне блаженный! — и она словно плюнула от души в спину уходящему герою сегодняшнего дня.

Тут хотелось бы замолвить словечко об этой слабости Семёна. Рассказывала о том со слов самой Беллы Семёновны моя тётя. Все знали, что Маслаков часто бывал «под мухой». Для его организма — это была страсть. Каждый вечер после работы он доводил себя этим делом так, что падал без чувств. Такое удовольствие могло длиться с ним, не совру, месяц уж точно. При этом

кроме хлеба не потреблял ровным счётом ничего. Казалось, что измывался над своим организмом он, как деспот. При этом глаза съезжали к носу, скулы выпячивались из-под кожи, подбородок затачивался острым ножом и весь он становился тенью скелета своего. Доходило порой даже до «белочек». Тогда ему становилось страшно от присутствия этих млекопитающих, он пугался и давал задний ход. Приходило, значит, протрезвление. Процесс шёл три недели. С этого момента начинались изнурительные события для его жены. За всё то время он поглощал столько пищи, сколько не успел съесть за свой прошедший локаут. Жена, измотанная кухней, жаловалась, что муж изводил продукты в ноль. Семён успевал не только вычищать все кастрюли, но и варево собачье за милую душу прибирал. Собака их худела, как он накануне. Повизгивала тоскливо, попрошайничала. А он по-прежнему сметал всё подряд...

К исходу протрезвления Семён жирок наедал и уже смотрелся вполне даже прилично.

Такие вот слабости с нашим братом порой случаются, сделал я вывод из услышанного. Маслаковым поражался, но, однако, не внимал его печалю...

Глава третья

Наш комплекс сооружений находился в нагорной части города, в глубине молчаливого ленточного бора*. Из города трамвайные пути стальными прутьями вытянулись по краю его ленты, вдоль Змеиногорского тракта. От трамвайной линии до нашей проходной — километр-полтора пешего пути.

Настроение было приподнятое. Во второй половине октября выдалась погода на редкость тёплая, мягкая. Мороси дождя, как ни странно, в эту осень не случалось. Было сухо, а утренняя прохлада ласкала лицо своими нежными лапками. Пахло едва уловимым ароматом еловой смолы. Дышалось всей грудью, и редкая радость проходящей пёстрой осени преподносила

последние блаженные мгновения. Не думалось о надвигающейся плаксивой поре, с её хмурым ненастьем и унылой печалью лесных окраин.

Я шёл по асфальтовой дороге. По одну сторону её стояли вросшие в землю ветхие срубы жилых домиков с дворовыми постройками. Не больше десятка их было, а поселение это здесь называли «аулом». По другую сторону была встроена в лес кирпичная пятиэтажка — ведомственное жильё. В нём проживали Белла Семёновна, Семён Маслаков, Марина Чанцева, механик Сидякин и кое-кто ещё из работников. А наискосок, сразу за лесным «аулом», располагался летний лагерь для подготовки новобранцев — солдат внутренних войск, охраны местного СИЗО.

Лагерь замер от сезонной пустоты — процесс обучения завершился. А за забором с редким, но высоким штакетником, как правило, раздавался весёлый, звонкий щебет и гвалт синиц разного рода, монотонный счёт кукушки да брызжащий вой филина.

И вдруг эта райская идиллия взорвалась истерическим лаем собаки. Походя я обернулся на шум и увидел редкий шедевр природы. Стуча оземь тяжёлыми лапами, неслась «гора» лося. Царь леса, горбатый, как верблюд, но с могучей длинной мордой, с ветвистыми пилообразными рогами и испуганными яблоками глаз навывкате не бежал, а, казалось, плыл над землёй, как парусник Эллады. Размеренные широкие взмахи лап месили в клочья землю, которая дрожала и уходила у меня из-под ног. Собака, похожая на крупную овчарку, неслась за лосем со всех ног, раздирая лаем горло. Сохатый легко сиганул, точнее, переплыл, не меняя скорости хода, двухметровый забор и продолжил своё могучее движение в таинственные просторы леса.

Я стоял в пятнадцати метрах от этой пролетевшей мимо меня горы, красивой, сильной и монументальной. Успел различить короткие ворсинки шерсти на пот-

* Светлохвойный реликтовый лес в Алтайском крае.

ном теле, позолоченные солнцем, болтающийся причудливый лохматый мешок под горлом, тугое брюхо и мускулистый бесхвостый зад. Толчки «землетрясения», величавый вид животного, невесть откуда взявшегося, столь редкое, захватывающее дух видение обескуражило меня. Я испытал восторг, ужас и долго пялился в молчаливую точку леса, где скрылся лось. А в глазах то плыл, то замирал его величественный силуэт...

На работу в тот день я впервые запоздал.

Эмоции переполняли. Даже когда я поднимался на свой третий этаж, меня не покидало ощущение удачи от того, что довелось стать очевидцем чудесного зрелища — животной силы природы. Я был полон желания поделиться увиденным, раскрыть всем эту безумную явь.

В диспетчерской звучал голос Баляйкина:

— Мариночка, душа моя, но согласишься со мной: слышать такое, по крайней мере, мерзко, что ли? В голове такое старческое тщеславие не умещается...

Я вошёл, и патрон меня увидел сразу.

— Сергей Алексеевич, лёгок на помине! — он дёрнул меня за ладонь в приветствии и продолжил: — Вот зашёл разговор о нашем дражайшем и незабвенном... Великие писатели современности делают нашу историю, точнее сказать, творят её. Ты в школе учился давно?

Я несколько опешил от такого вопроса. «Вероятно, Баляйкин решил на этот раз войти в роль учителя литературы», — подумал я.

— Техникум в семьдесят восьмом закончил.

— Значит, это в армии тебе преподавали на политзанятиях? — уточнил он.

— И что же? — не понял я.

— Да будет тебе известно, что Леонид Ильич весной вновь возвысился — присудил себе Ленинскую премию! А до кучи желает осчастливить себя очередной наградой, доподлинно известно. Четыре Звезды ему мало. Делает из себя «пятизвёздочную гостиницу». Чтоб полным кавалером стать. По принципу — земной Бог тоже есть...

— И что же, все за былые заслуги? — спросил я настороженно.

— Нет, теперь не за социалистический труд, не за участие в войне. На этот раз — за литературные достижения! За знаменитое творение — мемуары! Так сказать, учебное пособие для народа. Каково? Давай, выкладывай своё мнение! — продолжал горячиться он.

— «Малая земля», «Возрождение», «Целина»? — сообразил наконец я. — Ну, это мы проходили. Судьбоносные этапы побед советского народа. А что — не заслужил разве? — снижая его пафос, спросил я.

— Конечно, победоносный генеральный секретарь «нашей могучей и непобедимой»! Александром Невским, Суворовым возомнил себя!

Сегодня, как бывало редко, начальник мой прибыл на работу в опрошенном виде, но про «дипломат», как всегда, не забыл. На нём были чёрный вязаный пуловер, бирюзовая рубашка, а самое забавное — он был без галстука! Такой прикид в данном случае напоминал птицу без крыльев. В остальном у него всё было стильно, прилично и франтовато. Например, волосы были уложены и элегантно завёрнуты наверх. Похоже, обуревало его пасмурное настроение. Повлияло на Баляйкина сегодня воспоминание о Ленинской премии, присуждённой весной Брежневу за литературные достижения. А вернее, то даже, что он обозначил как «доподлинно известно».

Марина Станиславовна не сводила с моего патрона глаз, а он эффектной походкой вновь расхаживал по просторному кабинету. В то время разрешалось курить везде, даже в ресторанах, в кабинетах (офисами их точно тогда не называли). Баляйкин крутил фильтр сигареты длинными изящными пальцами, то и дело демонстративно пуская изо рта кольца дыма.

Она сидела за рабочим столом рядом с белым коммутатором, городским красным телефоном, как цветок в клумбе, и в унисон словам Баляйкина моргала длинными ресницами. На каждый его витиеватый словооборот она в лёгком

изумлении широко открывала прозрачные глаза. Прядки её русых волос из чёлки сползали на лоб и глаза, она бережно укладывала их двумя пальцами за уши.

— Я могу себе представить, что по мемуарам, допустим, сценарист или режиссёр ваяют художественное произведение и рожают широкое кинематографическое полотно. Я могу себе представить, что Достоевский не в силах был справиться со сроками и диктовал роман помощнице. Наконец, я так же могу понять Николая Островского, потерявшего зрение и надиктовавшего свой автобиографический роман о Павке Корчагине. Но особенно я восхищён нашим великим литературным зодчим! — захлёбывался досадой он.

— Геннадий Евгеньевич, а в чём же вина Леонида Ильича? Он хоть и престарелый, но без остатка отдаёт все силы государственной службе. При этом пишет мемуары в условиях такого стресса. Это — титанический труд! — озадачила негодованием патрона Чанцева.

— Марина Станиславовна! Москва знает всё. Министр коммунхоза на днях здесь бывал и поведал сие. И если по столице ходят слухи — значит это и есть сермяжная правда. А она в том, что наш доблестный генсек только вносит, и то иногда, коррективы в готовые тексты. Выдал несколько баек и стал истинным ленинцем от литературы! А если копнуть глубже — о фронте, к примеру: он, полковник, в должности начальника политотдела армии, попадает на место убитого пулемётчика и героически отражает вражескую атаку. И вот за это уже на пятую Звезду Героя нацелился?!

— Но был же массовый героизм, Геннадий Евгеньевич?! — не стерпел я его странных сомнений. А в мыслях промелькнуло: «Коммунхоз из Москвы принёс!»

— Совершенно верно! Согласен и с тем, что он часто бывал в Цемесской бухте, где держали оборону более двухсот дней. Мало того, имеет награды за это. Так ведь ему мало! У всех юбилейные медали, а у великого полководца Брежнева — Звезды! Только вот сочинены эти мемуары по

дневникам его зама. Он писал, а не генсек! А журналистские «негры» на основе этих материалов оформили всё художественно. Говорят, сам писатель Залыгин приложил к этому руку. Вот где настоящая собака-то зарыта — где же чувство меры? И до чего широкая грудь у нашего вождя! Просто, как русская душа.

— Геннадий Евгеньевич, откуда у вас такое недовольство всем, что касается партии? Вы же сам член КПСС! А если Белла Семёновна про это узнает? Ох, и несдобровать вам тогда! — с улыбкой произвела «предупредительный выстрел» Марина Станиславовна. — Мы что, последний кусок доедаем? Главное, чтобы не было войны. Всё остальное — лирика.

На её милых глазках невинно и забавно скакали бархатные от туши реснички — тик-так, тик-так.

Балаяйкин внезапно прекратил маршировать по кабинету, многозначительно кашлянул и тоже улыбнулся — добродушно.

— Мариночка Станиславовна, я очень признателен тебе за это предостережение. Я действительно что-то заболтался. Впрочем, то, о чём ты сказала, просто не может быть, потому что не может быть никогда, — он благородным взором окинул мою нелепую тень и вновь обратился к ней:

— Быть такого не может и вот почему. Да, говорю я с вами на эти темы потому, что люблю вас обоих! Да-да, именно поэтому. Донос тут исключён.

— Ну и хитёр же вы, Геннадий Евгеньевич! И какой же любовью вы любите меня и какой его? — игриво поставила вопрос ребром Марина Станиславовна.

— Но это же очевидно! Тебя — как женщину, его — как мужчину.

С этим объяснением патрон, похоже, почувствовал конфуз. Он демонстративно развернулся и со словами «Я в лабораторию, к девушкам» пошёл на выход.

— Ох-ох-ох! — кокетливыми возгласами, в которых мне послышались нотки ревности, сопровождала она его.

— Каша какая-то сегодня, и всё по мозгам, — буркнул я и тоже вышел.

Зашёл в пустой кабинет и присел за свой стол. Но спокойно сидеть явно не мог. Что-то бурлило во мне. Одно впечатление перебивало другое. Правильно я выдал про «кашу»...

В воображении моём Баляйкин вприпрыжку мчался за сохатым, как овчарка, и с душевным пристрастием лаял на него. Лось же бежал в очках, в образе генсека партии, с очумелыми глазами, болезненно, по-стариковски кряхтя и причмокивая. Эта «гора» не проплывала уверенно и могуче, а будто катилась и рассыпалась в движении. А лай звучал всё громче и задорнее...

Картинка была вздорная, но, по мне, символическая. Баляйкин петушится, а руки-то коротки. Напряг он меня, да и только.

«Что здесь не так?» — думал я. Министры, какие-то девяносто девятые несут домислы в народ, дают разным Баляйкиным повод для изысков словесных. И постылый вождь надоел, при кормушке-то. Опять же интриги “царского двора”. Метод диалектики тут не срабатывает. Если и трещать, то не по закоулкам надо шушукаться, а без низкой лести, впрямую говорить, по справедливости и в глаза. Прямо и по-большевистски выразить сомнение самолично, чтоб до сердца у того дошло и душу при этом не вынесло. Честно тогда будет, без подвоха, а уж последствий ожидай, как герой, коль неведомо без правды и не по-твоему получается. Глядишь, и воздастся тебе за правду-то...

Про Леонида Ильича и других престарелых членов «ленинского политбюро» много в народе ходит анекдотов. Я, к примеру, слышал такой:

«Выступает Брежнев на съезде партии:

— Через пять лет каждая советская семья будет иметь машину (*аплодисменты*). Ещё через пять лет каждая советская семья будет иметь отдельную квартиру (*бурные аплодисменты*). А ещё через пять лет каждая советская семья будет иметь самолёт.

Робкий вопрос из притихшего зала: «А самолёт-то зачем?»

— Объясняю для непонятливых. Вы живёте, к примеру, в Хабаровске, а в Москве “выбросили” мясо».

Знамо, что весело. Понятно, что не легко, но играют ведь.

Да, похоже, его здоровье даёт уже сбои. Даже челюсть вставная об этом говорит с высокой трибуны. Но масштаб-то какой — вершина власти! Одно смущает — какова претензия к собственной персоне-то? По каким таким канонам справедливости столь неистово возносит он себя в историю? Разве можно настолько радеть об этом? Не могу представить такое. Неужто там, в политбюро, все эти аксакалы так упорно толкают его на всеобщее осмеяние? А если они сами уже в неадекватности? Но разве может быть такое? Великая страна и — неадекват?! А ведь добряк-то какой! А не этим ли пользуются? Всё как-то не сочетается. Кому-то хочется встряски — всяким девяносто девятым, покрутиться и поплясать на раскалённой сковородке. Мучение от этих мыслей нестерпимое, да и только...

А Баляйкин не лукавил про любовь — это вырвалось у него от сердечного порыва. Я знал: он верит во всё, о чём говорит.

Он любит правду, но заедает его озлобленность какая-то. Ведь правильно Марина сказала про его перегибы. То он в безумии тешит божественными силами природы, то «Вещим Олегом» объявляет о пришествии Христа, то оборачивает тот же литературный персонаж в личину Антихриста. Глубоко копает, но, похоже, с помрачением ума даже. Какая-то внутренняя коррозия его разъедает. А если он саморазрушается так? Метания-то его безмерные и остервенелые...

Мне понятно, что от благих идей, от возвышенного исходит его миропонимание, и, вероятно, поэтому он глубоко страдает. Несёт свой крест как-то по-поповски, религиозно, а после неведомых жестоких потрясений бросается прочь от любви обильной из огня да в полымя...

У Баляйкина есть большая душевная рана — не по любви живёт в семье, а по обязательствам. Так я трактую слова Беллы Семёновны: «Он как неприкаянный болтается в проруби — поэзию ему подавай, а сам в семье как водяной!» И я даже ему

сочувствую. В глубине души я понимал, что все его «закидоны» от поиска себя исходят и этим он мой друг. Да-да, я его понимаю, но не жалею. Я принимаю его любовь, как нечто дерзновенное и светлое. А светлое и божественное в нём от грехов его. Конечно, он чужд мне в восприятии мира внешнего, но духовно мы, кажется, в чём-то сходимся, по единой волне катимся.

Изыскания моей мысли прервал механик — Иван Михайлович Сидякин.

Во всю здесь мою службу я пытался раскрыть для себя его. Уж больно тёмный человек был. Прямо полная фронда Баляйкину. Объявился он здесь чуть раньше меня, и как-то за эти несколько месяцев я его видел и воспринял как тень какую-то, немногословную, но ироничную. Он ходил тихо, как кот, только как прихрамывающий кот. У него тридцать лет жизни прошли в колхозе. Проживал на вольных деревенских просторах, в резких температурных сибирских перепадах. А после окончания сельхозинститута, который осаждал по-крестьянски настырно, стал механиком машино-тракторной станции. А проще сказать — МТС. От суровой полевой жизни и простудил ноги. Приобрёл не то ревматизм, не то полиартрит. С терминами путаница одна.

Так вот, он всегда появлялся неожиданно. Не как человек даже, а как, например, явление. Всегда с лёгкой, но сдержанной ухмылкой на широком, задубелом, видимо, от ветров лице. Эмоций при этом он не вызывал, не в пример моему другу. Иван Михайлович бесшумно проникал в кабинет и садился за свой стол. В диспетчерской — мягко присаживался в одно из сроченных кресел и замирал в ожидании. А ожидал он тоже непонятно что: то ли разговоров про механику, то ли про политику, то ли толкований про события в цехе. Порой вялый разговор со сменным инженером не клеился, он лениво поднимался и уходил восвояси.

Хочу, кстати, заметить, что ряды кресел, выставленные вдоль стен, служили для проведения политинформаций в сменах цеха. Этим я подчёркиваю, что жизнь наша

была общественно активной, коллективистской. Не забывали ни о ком — думали обо всех. В современном мире это явление можно было бы назвать партийной соборностью. И тогда мы «соборовались» вокруг общих идей.

Сидякин говорил коротко, с неясными намёками.

— Ну что, порцию поэтического мастерства получил? — с иронией спросил он меня.

— Да, что-то вроде того, — ответил я, частично поняв его намёк.

— Без балаболства — скукота крошечная, а не жизнь, — добавил он с придыханием.

Надо отметить, что здесь я озадачился. Он что — стоял за дверью и слушал всю эту балайкинскую тираду? Что не в полной мере соответствовало моему пониманию ситуации. Скорее, Сидякин имел в виду что-то другое из общего содержания разговоров.

— А что, он что-то вам сказал? — поинтересовался я.

Иван Михайлович опять, но уже самодовольно усмехнулся и загадочно ответил:

— Не трудно догадаться. Каждое утро в диспетчерской начинается с того, что «утро весёлое, утро туманное...»

— А, понятно! — сказал я, осознав, что «понятно», да не совсем.

Его реплики, ход мыслей, поведение напрягали. То ли какой-то ухватистостью, то ли ухмылками. Уверен, что вряд ли Сидякин стоял за дверью, подслушивая, но, думаю, он упорядочил все традиции цеха, а уж тем более привычки своего неугомонного коллеги Баляйкина. Иван Михайлович как-то откровенно заметил: «Чебурашкины фокусы сокровенны, но публичны!» С того момента я и пытался хотя бы в общих чертах понять особенности его характера...

(Продолжение следует)

Александра Ильина Санкт-Петербург

Унгайкё

Ито Кэзуми была красива как ангел. Никого не удивило, что она, будучи школьницей, стала востребованной моделью и актрисой в рекламных роликах, а позже и в дорамах, ведь она не пропускала ни одного фестиваля, где был конкурс красоты, неизменно занимая первые места, бесконечно ходила на всевозможные кастинги, тем самым добившись того, что её заметили.

Кэзуми понимала, какой дар достался ей от природы, и пользовалась этим. Она умела себя преподнести, что в совокупности с кукольной внешностью открывало перед ней любые дороги и быстро вознесло на вершину популярности. Однако характер девушки был словно стекло с сахаром. Когда ей было что-то нужно, она была самым милым существом на свете, но чуть что ни по ней превращалась в капризную эгоистку, которой и была на самом деле. Успех

и слава настолько вскружили ей голову, что Кэзуми считала, что выше неё только солнце, ведь всё и все вращались вокруг неё.

Для многих сотрудничество с ней было залогом бешеных рейтингов, а значит, и больших денег. Поэтому крупные авторитеты шоу-бизнеса радостно потирали руки при заключении контрактов, а остальным лишь оставалось терпеть выходки Кэзуми, стиснув зубы до скрежета. Девушка также отличалась жестокостью, ставя себя выше обслуживающего персонала, и гоняла людей до изнеможения, попутно унижая и оскорбляя. Если же её капризы так и не были удовлетворены, она могла с лёгкостью выбросить человека с работы на улицу, словно мешок с мусором. Кэзуми не входила ни в чьё положение, кроме своего собственного, и считала людей не более чем грязью под её ногами.

Тем не менее на людях и с поклонниками она никогда не показывала истинного своего отношения к ним. Кэзуми не была душой и понимала, что от презираемых ею людишек зависит её популярность, поэтому при общении с фанатами она натягивала свою самую милую улыбочку и была приветлива и дружелюбна. В своих интервью девушка часто говорила, что, несмотря на свою загруженность и большое количество писем от поклонников, она старается отвечать всем, хотя это было неправдой. Если в начале своей карьеры Кэзуми действительно могла кому-то ответить, то теперь она игнорировала абсолютно всех. Лицемерие и ложь настолько прочно вошли в её жизнь, что девушка и сама верила в то, что говорит на публике, и совершенно не замечала своего отвратительного поведения.

Помимо этого, Кэзуми очень любила заниматься самолюбованием. Частенько она садилась перед зеркалом и начинала то корчить забавные рожицы, то надувать губки, а то и вовсе разговаривать со своим отражением. Все эти забавы могли продолжаться часами, а иногда девушка запускала прямые эфиры и таким образом развлека-

лась под пристальными взглядами своих многочисленных фанатов, которых умиляли её кривляния, а деньги с донатов текли рекой.

Однажды, накануне своего двадцать третьего дня рождения, Кэзуми в сопровождении телохранителя прогуливалась по району Сибуя в поисках подарка для себя любимой. Ей хотелось чего-нибудь необычного, неординарного. Такого, чтобы это было только у неё. Увы, но то, что предлагали торговые центры, лишь навевало на девушку скуку.

Вдруг, проходя мимо небольшого магазинчика, её глаз зацепился за вывеску с надписью «Антиквариат». Внутри вела деревянная дверь с необычным узором, явно сделанным умелыми руками резчика по дереву, в виде четырёх то сужающихся, то расширяющихся кругов, от которых в разные стороны расходились тонкие линии, придавая изображению сходство с солнцем.

«Солнце смерти», — пронеслось в голове у Кэзуми, однако она, словно замороженная, подошла к двери и, толкнув её, вошла. Телохранитель девушки остался ждать снаружи. Он искренне недоумевал, кто в здравом уме будет изображать что-то связанное с цифрой четыре¹. Это либо безрассудная смелость, либо глупость. Тем не менее спорить с Кэзуми, которая решила туда войти, было чистым безумием, и мужчина решил просто промолчать.

Внутри магазина в нос ударил приторно-сладкий запах благовоний, а глаза сразу же разбежались от многообразия товаров. Чего там только не было: старинные самурайские доспехи, пёстрые, расшитые золотом многослойные кимоно, древние вазы, статуэтки, гравюры в стиле укиё-э² и многое другое. Кэзуми почувствовала себя так, словно она зашла не в антикварную лавку, а попала в настоящий музей. Девушка зача-

рованно прошла по магазинчику и остановилась рядом с яркой куклой. Она была одета в оранжево-фиолетовое кимоно, её чёрные как смоль волосы частично были собраны в пучок, частично ниспадали на плечи, а взгляд был опущен на маленький поднос, который кукла держала на вытянутых руках.

— Тяхакоби-нингё, — раздался за спиной у Кэзуми мужской голос.

Девушка, вздрогнув от неожиданности, повернулась к говорившему.

— Простите, не хотел напугать, — улыбнулся пожилой мужчина. Он был одет в белое кимоно, что снова натолкнуло девушку на мысли о смерти³. — Позвольте в качестве извинений показать вам кое-что.

Мужчина, взяв куклу, подошёл с ней к прилавку и жестом пригласил Кузуми подойти. Затем он вышел в другую комнату и спустя минуту вернулся с чашкой чая в руках. Поставив куклу лицом к девушке, он водрузил на её поднос чашку. Тяхакоби-нингё словно очнулась от многолетнего сна и, слегка покачивая головой и перебирая ножками, торчащими из-под кимоно, подъехала к Кэзуми и почтительно замерла. Девушка смотрела на неё во все глаза.

— Не откажитесь от чашечки чая, который столь любезно предлагает вам мой компаньон, — с улыбкой произнёс мужчина. — Когда выпьете, поставьте, пожалуйста, чашку обратно на поднос.

Кэзуми, осторожно взяв чашку, сделала несколько глотков. Сладковатый чай очень освежал, оставляя травянистое послевкусие. Закончив, вернула чашку на поднос кукле, и та слегка поклонилась, развернулась и отправилась обратно к мужчине, который, видя реакцию девушки, весело рассмеялся.

— Удивительно. Просто магия, — восхищённо прошептала Кэзуми.

¹ В японском языке цифра 4 созвучна со словом «смерть». Поэтому всё содержащее четвёрку считается несчастливым.

² Укиё-э — направление в изобразительном искусстве Японии, получившее развитие с периода Эдо.

³ Белый цвет считается в Японии траурным.

— Никакой магии. Это всего лишь тяхобоби-нингё. Скажите, зачем вы пожаловали в мою скромную лавку?

Этот простой вопрос тут же поставил девушку в тупик. Она была так поражена кушкой, что совершенно забыла о цели своего визита. Быстро придя в себя, Кэзуми ответила:

— Скоро мой день рождения, и мне бы хотелось купить себе нечто необычное.

— В таком случае, вы пришли по адресу. Такого в моём магазинчике полно. Кстати, мне знакомо ваше лицо. Не мог ли я вас раньше где-то видеть?

— Разумеется, могли и видели, — горделиво ответила девушка. — Я — известная модель и актриса — Ито Кэзуми.

Как только она произнесла это, ей на долю секунды показалось, что лицо мужчины помрачнело. «Да он просто растерялся, узнав о том, что к нему случайно зашла такая знаменитость, как я, ведь моё лицо знает вся Япония», — подумала девушка.

— Что ж, — снова заговорил продавец, — для такого необычного человека, как вы, у меня есть одна вещица.

Оставив девушку, мужчина скрылся в другой комнате. Ожидая его возвращения, Кэзуми подошла к витрине с украшениями и принялась рассматривать их. Всевозможные старинные заколки, веера, гребни и ювелирные изделия вызывали у Кэзуми неподдельный восторг. Она поражалась тонкой работе по кости, перламутру, восхищалась художественной росписью веером. Несмотря на это, с интересом ждала, что же такого предложит ей продавец.

— Прошу прощения за ожидание, — произнёс вернувшийся мужчина.

Девушка, поглощённая разглядыванием антиквариата, снова вздрогнула. «Что-то я сегодня чрезмерно пугливая», — раздражённо подумала Кэзуми и подошла к прилавку, на котором лежала небольшая коробочка. Девушка смотрела на неё в нерешительности, словно ожидая приглашения.

— Ну же, открывайте.

Сняв крышку с коробки, девушка увидела в обрамлении красной ткани бронзовый диск золотого цвета с рельефным изображением двух вееров с рисунком цветущей сакуры на фоне горного ландшафта. Кэзуми в замешательстве переводила взгляд то на содержимое коробки, то на продавца.

— Ну и что же здесь такого особенного? — раздражённо спросила она.

— Вижу, вы не понимаете, что это такое, — улыбаясь, произнёс мужчина. — Тогда я покажу.

Продавец вытащил диск и развернул его к Кэзуми.

— Зеркало? Ну и что с того? — девушка уже начинала терять терпение.

— Смотрите.

Продавец нащупал что-то под прилавком и, погрузив магазин в полумрак, вытащил настольную лампу и включил её. Поймав отражение зеркала, он перевёл его на стену. Кэзуми изумлённо ахнула, увидев представшую перед ней картину. Там, куда было направлено отражение, виднелся горный массив, на фоне которого парили золотые веера с тонкими очертаниями цветущей сакуры. Их словно подбросила в воздух гейша, исполняющая изящный и грациозный танец, а они воспарили как две свободные бабочки, над которыми не властно ни время, ни пространство.

— Великолепно, — восхищённо прошептала Кэзуми. — Это действительно необычная вещь. Волшебная.

Продавец улыбнулся, положил зеркало на место, выключил лампу и вернул освещение.

— Сколько вы за него хотите? Я заплачу столько, сколько скажете.

Мужчина задумался, а девушка уже была готова к тому, что сейчас ей придётся раскошелиться на кругленькую сумму. Тем не менее зеркало настолько понравилось ей, что она готова была заплатить любую сумму. В конце концов, Кэзуми не привыкла себе в чём-то отказывать.

— Я готов продать вам его за полторы тысячи йен¹, — наконец произнёс мужчина.

Глаза девушки округлились:

— Так дёшево? Вы серьёзно?

— Как никогда. Скажем так, пусть это будет огромная скидка ко дню рождения. Да и мне будет приятно, что вещь, которой больше ста лет, наконец обретает нового хозяина.

Оплачивая покупку, Кэзуми не могла поверить в собственную удачу. Такая великолепная вещь досталась ей буквально за бесценок. Покупка свершилась, и девушка, поблагодарив мужчину, отправилась на выход. Открывшаяся дверь выпустила Кэзуми в летний зной приближающегося вечера.

Как только девушка ушла, продавец, продолжавший стоять за прилавком, рассмехался. Наконец свершилось то, чего он ждал целых четыре года. Теперь он наконец-то сможет обрести покой.

Тем временем Кэзуми прилетела домой в самом лучшем расположении духа. Достав зеркало, она принялась разглядывать его, поворачивая то так, то эдак. Она попробовала повторить тот фокус, который показывал ей продавец, и пришла в неопишуемый восторг, когда у неё получилось. Затем, установив зеркало на подставочку, которую она обнаружила на дне коробки, под красной тканью, и усевшись перед ним, Кэзуми занялась своим любимым делом — самолюбованием. Спустя время девушка почувствовала усталость и, решив в ближайшее время провести прямой эфир и продемонстрировать своим фанатам новую вещицу, отправилась в постель. Как только её голова коснулась подушки, она забылась сном.

Выспаться Кэзуми в эту ночь, как и в последующие, не удалось. Она постоянно просыпалась от смутного ощущения, что за ней кто-то наблюдает. От этого ощущения девушке было не по себе. Она чувствовала

ла, как липкий страх проникает прямо в её душу. Ей хотелось спрятаться, закутаться в одеяло, словно оно могло защитить её от всего плохого в этом мире. В конце концов, пересилив иррациональный страх, Кэзуми поднималась с постели, включала свет и отвлекалась с помощью социальных сетей, пока снова не проваливалась в сон.

Следующие несколько дней девушка была вся в работе. Десяток фотосессий для глянцевого журнала, несколько интервью для телевидения, парочка съёмок в рекламных роликах и грандиозная вечеринка по случаю её дня рождения, на котором собрались все сливки японского шоу-бизнеса, в совокупности с ежедневным недосыпанием быстро вымотали Кэзуми. Она решила немного отдохнуть и посвятить это время себе и баловству с новой вещицей.

Покончив с делами, девушка привела себя в порядок и решила провести запланированную прямую трансляцию, чтобы похвастаться. Сначала она, смакуя подробности, рассказала о вечеринке в честь своего дня рождения, высказалась о работе и дальнейших планах, а затем показала фокус с проекцией, не забыв упомянуть о возрасте зеркала и о том, что оно досталось ей почти даром. После этого начались её любимые кривляния и ужимки, которые так нравились фанатам и ей самой.

Поначалу всё шло хорошо, как вдруг Кэзуми резко вскрикнула и отпрянула от зеркала. Она испугалась настолько, что не сразу нашла в себе силы взять себя в руки и объяснить присутствующим на трансляции людям, что произошло. Да и как объяснить то, что в какой-то момент отражение в зеркале исказилось и она увидела, как от её прекрасного лица начала пластами отходить кожа, оно почернело, словно сгнило заживо, нос ввалился, а кожа на губах лопнула, обнажая зубы. Нет. Нельзя об этом рассказывать. Поэтому, как только Кэзуми пришла в себя, она извинилась и оборвала трансляцию.

Девушка не могла поверить в то, что увидела. Это лежало за гранью её пони-

¹ Приблизительно 1000 российских рублей.

мания. В конце концов, такого просто не может быть. Она опасно приблизилась к зеркалу и взглянула на себя. На этот раз Кэзуми не увидела ничего, кроме своего привычного отражения.

«Это всё усталость и жара. Вот чёртово воображение и сыграло со мной злую шутку. Надо принять душ и отдохнуть, а то ещё и не такое увижу», — решила девушка. Она взглянула на себя в зеркало в последний раз и принялась готовиться к походу в ванную. Девушка не замечала, что всё это время её отражение в зеркале не исчезает и не моргая следит за ней. Когда Кэзуми вышла из комнаты, по поверхности зеркала прошла рябь, и её отражение исчезло.

Жизнь девушки сильно изменилась с тех пор, как у неё появилось зеркало. Ей всё время казалось, будто за ней кто-то следит. Не только по ночам, но и вообще всегда. Кэзуми безуспешно старалась найти преследователя, постоянно говорила об этом своему телохранителю, но он ничего не мог сделать, поскольку на самом деле за девушкой никто не следил. Её паранойя дошла до такой степени, что она начала думать, будто её телохранитель и есть тот самый преследователь. Тогда она со скандалом уволила его и наняла другого. От этого стало только хуже, ведь Кэзуми не доверяла новому человеку в её окружении. За довольно короткое время она сменила трёх телохранителей, но уверенности ей это не придало, и тогда она решила вообще отказаться от услуг личной охраны.

Кроме этого, ей мерещились длинные человекоподобные тени, которые, словно пауки, карабкались по всем возможным поверхностям, пытаясь дотянуться до неё своими жуткими гипертрофированными, изогнутыми под невыносимым углом конечностями. Они преследовали девушку, куда бы она ни пошла и что бы ни делала.

Кэзуми стала очень нервной и вздрагивала буквально от каждого шороха, пугаясь любых звуков, которые казались ей слишком резкими и громкими. Она чувствовала

когтистые лапы паники, которые подбирались к её горлу, чтобы перекрыть кислород. Также девушка не могла больше смотреть в зеркало. Кэзуми стала панически бояться своего отражения. Она постоянно видела своё изуродованное чернотой и гнилью лицо, ослабившиеся в отвратительной ухмылке зубы. Это чудовище преследовало её даже в отражении стеклянных и зеркальных витрин магазинов. Оно было во всех зеркалах, висевших повсюду. Кэзуми было настолько страшно, что она даже стала бояться фотографироваться, ведь на фотографиях она тоже видела того самого монстра, отражённого зеркальной профессиональной техникой.

Из-за этого девушка не смогла продолжать работать и оставила свою карьеру на пике популярности, преследуемая страхом и паническими атаками. Кэзуми продала свою роскошную квартиру, которая была ей уже не по карману, и переехала в совсем крошечную, избавившись от всех отражающих поверхностей. Она даже перестала пользоваться смартфоном и компьютером, лишь бы больше никогда не видеть своего уродливого отражения.

Об уходе Ито Кэзуми гудела вся пресса Японии. Никто не понимал, как могла молодая перспективная модель и актриса неожиданно уйти из шоу-бизнеса на пике своей популярности и пропасть в никуда. Журналисты строили различные теории о том, что случилось, бывшие коллеги по цеху с удовольствием рассказывали о том, что творилось с девушкой, строили различные догадки об алкоголизме и наркозависимости, из-за чего у неё поехала крыша. Кто-то говорил о профессиональном выгорании, психологи ставили ей различные диагнозы, в том числе и эйсоптрофобию¹. Тем не менее, какими бы жаркими ни были разговоры и дискуссии, вскоре про Ито Кэзуми все забыли, а она уже не помнила, как выглядит.

¹ *Эйсоптрофобия* — боязнь зеркал.

Девушке казалось, что теперь её жизнь стала спокойнее и весь этот кошмар закончился, пока в один прекрасный день она не получила посылку от неизвестного отправителя, к которой прилагалось письмо. Кэзуми вскрыла конверт и принялась читать.

Здравствуйте, госпожа Ито Кэзуми!

Меня зовут Ямогути Киоши. Если Вы читаете это письмо, значит, меня уже нет в живых. Когда я увидел Вас в своей антикварной лавке, я не мог поверить в свою удачу. Нет, не потому что ко мне пришла знаменитость, а потому что ко мне пришли именно Вы. Не подумайте, я не Ваш фанат. Я искренне ненавижу и презираю Вас. Вы отняли у меня самое дорогое, что было в моей жизни — сына.

Он искренне восхищался Вами, Вашей красотой и талантом. Он показывал мне Ваши фотографии, когда Вы ещё только начинали свою блестящую карьеру, но уже тогда были ужасным, высокомерным чудовищем.

Однажды мой сын рассказал мне о том, что написал Вам сообщение в социальных сетях и, о чудо! Вы ему ответили. Он сказал, что Вы пригласили его на свидание. Мой мальчик был так счастлив. Он полетел к Вам на встречу, словно мотылёк на огонь, и в результате лишился своих крыльев. Вы помните, как поступили с ним? Помните, что сказали ему?

Он пришёл домой чернее ночи и не говоря ни слова ушёл к себе в комнату. Я не стал его трогать, старый дурак. Думал, мало ли, свидание прошло не так, как надо, или ещё там чего произошло незначительное. Я тогда не знал, что это был последний раз, когда я видел сына живым. Он повесился ночью. Из-за Вас.

Он оставил предсмертную записку, в которой рассказал, как зло Вы подиутили над ним, позвав на встречу, сами не явились, так ещё и отправили своего помощника с-

мать на камеру, как, цитирую Ваши слова, «бедный неудачник, который возомнил себе, будто сможет пойти на свидание со мной, которой он не ровня». Вы помните это? Помните, как позже к нему подошёл Ваш помощник и показал ему, как Вы ведёте трансляцию, прилюдно оскорбляя моего сына и говоря ему в лицо, что он ничтожество?

Он не выдержал позора, а я умер вместе с ним. Он был моим единственным ребёнком, моим смыслом жизни, а теперь у меня ничего не осталось. И тогда я решил, что отомщу той, кто считает себя вправе играть людьми, их судьбами и жизнями. Я вынашивал планы мести долгих четыре года, но так и не смог осуществить из-за Вашей популярности. Мне было просто не подобраться к Вам. И вот Вы сами пришли ко мне! Я не упустил свой шанс и продал Вам унгайкё — зеркало-цукомогами, способное отражать истинную сущность людей, вещей и всего в этом мире. То, что Вы видели, — это Ваше истинное лицо. Надеюсь, Вам понравилось.

Теперь Вы потеряли всё, чем дорожили, как и я. Моя месть свершилась, и больше ничто не держит меня на этом свете.

Прощайте, госпожа Ито Кэзуми, и примите мой прощальный подарок.

Пока девушка читала письмо Ямогути Киоши, её бил озноб. Душу словно сдавили стальные прутья, мешая дышать. Она вспомнила то, о чём говорилось в письме. Для неё эта история была не более чем шуткой, которую она рассказывала всем, кому могла. Но Кэзуми была не в силах даже подумать о том, к каким последствиям это может привести.

Дрожащими руками, девушка открыла посылку, достала небольшую коробку, сняла крышку... и снова увидела своё безобразное отражение, оскалившееся в злобной ухмылке.

Роман Мириев

Зеленоград

Запах яблок

I

Комната с широким, распахнутым настежь окном была занята двумя друзьями. Руднёв лежал на постели на спине, закрыв глаза, а его товарищ, чуть сгорбившись, стоял, опираясь о стену и не двигаясь, с лицом, пропускающим любой звук жизни мимо себя.

С блестящих дубовых листьев бежали, казалось, мягкие струи прозрачных капель; влажное отблёскивало на грунтовой деревенской дороге; на слегка затянутом облаками небе сверкали звёзды.

Бунин ждал голоса, милого шороха, волнения, ждал того, чего быть не могло и за что он отдал бы всё.

— Вот ты говоришь... Фатум... Повод... Причина... — начал разгорячённо, взволнованно, до дрожи в кистях говорить Бунин, суетливо ходя из стороны в сторону и ломая руки. — А моя любовь... Смотришь — всё настолько просто... Вот сейчас любви надо... Сейчас на природу смотришь... и жаждешь любви...

Руднёв покачал головой.

— Боже... — Бунин взялся за голову. — Как я был счастлив, когда её любил... Костя... Боже... Ты помнишь?.. Помнишь, как я твою сестру любил?.. Ташу... раньше любил...

Упоение светилось в нём, когда он смотрел в окно; Бунин понимал сейчас что-то, что никогда прежде, в сухое, бесчувственное время, не мог понять, и для понимания этого ему нужно было то, что было в его душе сейчас. Вся вдохновенная простота ночного неба разлилась непостижимой красотой в сердце...

Беспорядочные слова и фразы Бунина, основанные на совместных с Руднёвым

воспоминаниях и только двоим им понятные, звучали в ночной комнате:

— ...Как она дёргалась от нас... Как мы её доставали! — Бунин, довольный, расхохотался. — Я любви хотел тогда... Её любви...

Он вспоминал Ташу такой, которую он полюбил. Нежная смешная девочка, бегавшая с двумя косичками. Она в себя его влюбила, стала однажды его дыханием счастья.

Почему эти юные, почти детские глаза, полные веселья, были столь красивы и жизнерадостны? Почему это маленькое сердце столь широко, столь усердно старалось вслушаться в хлопотания порывов жизни? За чем оно всегда так живо стремилось?

Бунин вспомнил, как милая юная Таша, заняв кровать брата, с упоением слушала их разговоры, как она светила счастьем, как она, смеясь, бегала и любила всё, потому что не могла не любить. Её простота, нежность и открытость — неужели это и есть красота? Неужели ум не стоит всей кротости, внешность не стоит всех глубоких чувств, высокомерие, поднимающее нас, не стоит всего добра? Бунин не знал ответа; он любил её и не понимал — почему, так же, как он разлюбил её и не знал — за что, по какой причине.

Любовь! Как же непостижимо, невнятно данное поприще, когда мы сами чувствуем! А если полюбит такая, как она?.. Ведь представить только: она и взаправду его любила!

Бунин не мог себе прежде даже вообразить, что её безграничная душа может дарить такое наслаждение, хотя ответ крылся в ней, в понимании самой сути возвышенного и небесного.

Он вспомнил, как же она поменялась. Найти её не плачущей, без слёз, становилось невозможно. Родители, брат тревожились, истязались волнениями и ничего не могли поделать с переменой, произошедшей с Ташей. Руднёв из-за всего этого начал впадать в злость, гнев или же в апатию и равнодушие. Отец и мать спорили друг с другом о причинах внезапных перемен, произошедших с дочерью, и совсем разладились их отношения.

...Надвигался вечер; она стояла у окна.

— А... Это ты... Проходи, не стой там...
Пожалуйста...

Бунин увидел сияющее влажное лицо. Рука её проскользнула по багровым щекам.

— Послушай...

— Нет, не говори ничего!.. Прошу... — взмолилась тут же она. — Я не знаю, отчего всё это... Не могу понять... Недавно было так хорошо, а теперь — больно... Пожалуй-ста, не надо меня спрашивать... Петя...

Она обернулась и долго вглядывалась в медово-сиреневый закат и ветки тоненьких берёз. Небо было мрачным. Свет золотого солнца нашёл незначительную брешь и бил в отчасти зашторенные и распахнутые настезь окна.

— Боже... — она устало присела в кресло и откинулась на его спинку.

Её взор пронзился ожиданием, какого ни разу никто не видел: губы дрогнули, ланиты вспыхнули, взор остановился на нём, на его глазах.

Что разрывало её сердце? Это необъяснимое явление, которое я мог бы описать, объяснить, но — не сделаю этого.

Художник всегда стремился в своей картине, в своём полотне к правдоподобию, однако, понимая возвышенность и широту того, что ему предстоит писать, он размывал водой краски и отступал от детальности. Я делаю точно так же. Если вам интересно чувство, ею владевшее, — любовь ко всему; если интересно противоречие, убивающее её, — жестокость окружающих к этой любви. Однако, мои друзья! Это лишь слова, лишь отдельное деревце на пейзаже, лишь часть великой гармонии, лишь часть настоящей жизни...

«...Не надо слов... Не надо любви. Ни этих взглядов... Ничего не надо... Мне другого надо... Скажи... только это — другое...» — просило её сердце. Она ждала, наматывала на пальцы густую прядь своих каштановых растрёпанных волос, прислоняла к нежным беспокойным губам руку.

Бунин молчал. Он мог, он даже произносил в глубине те важные, нужные сло-

ва. Но... что-то сломалось, перевернулось: сердце его закрылось, отвергло и не хотело, перестало её понимать.

Она, ничего не дождавшись, разразилась гневом, рыданиями, зашторила во всплеске ненависти окно и — убежала.

II

Руднёв приподнялся на локте и укоризненно, даже злобно собирался посмотреть на друга. Он был несчастен, и слово любви представлялось ему жестокой усмешкой. Но глаза товарища, блеск их доброты отразился на нём.

— ...Ты знаешь, ведь она стала... такой холодной!.. Точно ей всё опротивело... Но я не знаю... Просто так... и разлюбил!.. — на последних словах Бунин задрожал, затрясся, покраснел и схватился за волосы; вместе с искренним, вслух произнесённым признанием в том, что он разлюбил её, пришла ещё бóльшая волна любви к ней.

— Стала... — друг удивлённо всмотрелся в глаза Руднёва, которые сияли лучистым огнём, исполненным жалости к себе и сострадания к другим, исполненным тем, что больше всего любил в нём Бунин, исполненным самого прекрасного в человеке.

Руднёв сразу нахмурился, однако тут же, будучи не в состоянии сопротивляться своим чувствам, проявил душевность каждой чёрточкой своего худого лица:

— Ты веришь в смерть?

— Как же в смерть можно не верить?

— Один постоянно мне доказывал... — его лицо омрачилось; Руднёв посмотрел в окно и вздохнул; сердце его очень сильно билось и не могло совладать со всеми переполняющими его чувствами, — я одну всегда любил...

Воспоминания затуманили ему голову, пришедшие вместе с запахом спелых яблок, дышащих свежестью и ароматом юности жизни...

...Маша была несколькими годами младше него, почти ровесница, и связана общим с ним взрослением. Она с самых

ранних лет перенесла много несчастья, горя на своих нежных плечах, много видела зла, много испытала ударов судьбы, убивающих и разламывающих сердце. Всё пыталось погубить её, разрушить, разорвать, охладить, всё пыталось перестроить, изменить эту девушку. Вместе с тем она крепла своим лебединым станом и, будто назло, расцветала, распускаясь настоящей красотой и — жила! Нежные плечи её стали сильнее, но не огрубели.

Нравом Маша была спокойной, мила и чистейше, искренно добра. От неё нельзя было дожидаться сильного чувства любви, однако если бы она кого и полюбила, то, пожалуй, полюбила бы навечно.

День стоял тусклый и унылый, облачный, без каких-либо намёков на солнце. Руднёв шёл с Машей по яблонево́й роще, время от времени заглядывая ей в глаза.

— Зачем тебе?.. — Руднёв поглядел на огромную бежевую шляпу и улыбнулся.

— Тебе нравится? — приятно спрашивала она. — Чтобы не напекло.

— Сегодня...

— ...Будет солнце... — Маша тихо рассмеялась и улыбнулась в ответ.

Увидев незрелые яблоки, обсыпавшие одно дерево, она вдруг задумчиво произнесла:

— Вот почему люди любят незрелое?

Руднёв молчал, глядя в её лицо, точно ища ответа.

— Нам всем так хочется чувств! Всё время хочется и — пораньше! — Маша нетерпеливо убрала за уши растрепавшиеся волосы. — Наедемся кислого — и нам будет плохо. А знаешь, что я думала?.. — она отломила маленькое яблочко. — Любое перезревшее будет лучше...

Деревья, казалось, смиренно согнули свежие ветки и сомкнулись аркой.

— Я помню, как мы ели крыжовник. Нас называли жуками. Как хорошо тогда было! Куда уходит детство? Таша любовь себе уже ищет. — Маша сняла шляпу и с душевной

улыбкой положила в неё сорванное яблоко. — Да и сейчас хорошо...

Руднёв хотел что-то сказать, но, увидев её пылливый, интересующийся милый взгляд, побагровел и отвернулся. Она смутилась, незаметно раздумялась, заволновалась и перестала глядеть на него. Между ними сверкнуло понимание всего их мнимого положения, понимание всех их душевных переживаний, понимание друг друга. Любовь... Что могла сказать она на неё, а что мог он? Они не умели правдиво лгать, отчего и признаваться, и отказываться тоже не умели. Что им оставалось делать?

Руднёв, запинаясь, неловко объяснялся — она молчала. Слушала. Слова были мелкие, малозначащие. Другому было бы непонятно. Счёл бы дружбой. Она всё поняла. Что она могла сказать?

Маша задумалась, потерялась, запылала щеками и произнесла:

— Ты знаешь... Чувству надо созреть... Перезревшее... — она не закончила, будто обожглась почти до слёз, и замолчала.

Они шли в полном молчании, вынося каждый невозможные страдания и муки.

Руднёв замер, как от физической боли, быстро распрощался и ушёл.

...Роща потянула свои яблоневые ветки к небу, убрав былую арку, выпрямила стволы радостно, игриво, счастливо, нахлынула восторгом самой настоящей природной любви и жизни.

Маша шла, погружившись в мысли, сдерживала подступающие к горлу слёзы и не замечая дышала распутившимся солнцем...

Под вечер, в самые сумерки, Руднёв получил записку, переданную ему его сестрой с холодной, ядовитой ухмылкой. В записке неровно выведено было одно несчастное, горькое слово: «Простите».

Он содрогнулся от жалости к Маше, упал на диван и, приложив к губам её письмо, почувствовал что-то близкое и знакомое... Запах яблок...

Елена Нестерова

Норильск, Красноярский край

Сказы мудрого зайца

(Продолжение. Начало в № 4/2021)

5

Сказ зайца об одинокой птице и старом дереве

Осень пришла. Бурые, красные, оранжевые, жёлтые листья падают на землю. Словно живые, шуршат под ногами. Теперь она, осень, в лесу хозяйка.

Прохладный ветерок нежно играет с листьями на кронах деревьев и шепчет им: «Просыпайтесь, сони! Уже солнце встаёт! Вы же не хотите быть невежливыми по отношению к солнцу и не поприветствовать его».

А небо сегодня чистое. Тепло будет. Чудесна паутина с нанизанной на ней росой. И хочется подольше не терять ощущение восторга от сказочного зрелища — раскрасневшееся румяное солнце, окутанное лиловой дымкой небо, красивые цветы.

Ты наслаждаешься пьянящим воздухом, пеньем птиц. Появляется желание запечатлеть представшую пред взором картину для услаждения души, написать пейзаж или просто сфотографировать лес. Посвятить стихотворение природе. Или же просто идти и петь.

Птичка сидела на ветке дерева, которое было старым, горбатым и клонилось к земле. Листья его не украшали. Те редкие жёлтые листочки, которые не хотели сдаваться и падать на землю, навевали тоску. Птичка была печальна.

«И что я тут делаю? — размышляла птаха. — Зачем я снова и снова прилетаю

к этому непривлекательному дереву — умирающему сердитому старику?! Я же не глупая птица. Могла бы и более подходящую компанию подыскать. В чём смысл того, что его до сих пор не срубили, большое, безобразное, почти сгнившее изнутри дерево?»

В чём смысл его теперешнего существования? Завершить свой век вот так, с тяжёлым букетом опыта и болезней, которые давят изо дня в день, словно обрушившаяся на тебя бетонная плита? Неприятное чувство беспомощности. Осознаёшь, что тебе не выбраться из-под завала. Накатывает истерика. И не к кому обратиться за помощью. Да и никто помочь не в силах... Врагу такого не пожелаешь! И вспоминаются сказанные однажды мудрым зайцем слова: «Уходить надо вовремя». Бр-р-р!»

Эти мысли неприятно обожгли птичку сердечко, а в голове возник вопрос: «А ты-то, ты сама сможешь уйти вовремя?»

Птичке стало неожиданно жалко себя, и она уже собралась перелететь на соседнее молодое дерево, которое влекло пышной, с одурманивающим запахом кроной, но... не смогла. Её удержало, возможно, чувство жалости. Возможно, заговорила совесть. И стало стыдно бросить того, кого приручила.

Птичка ухмыльнулась и не заметила, как произнесла вслух:

— А ещё неизвестно, кто кого приручил!

Птичке хотелось верить, что она приручила дерево. Но обманывать себя не могла. А для чего? Это бессмысленно. Себя ведь не обманешь!

Смысл их общения заключался в том, как казалось птице, чтобы она чувствовала себя нужной хотя бы дереву. Это перевешивало все её сомнения насчёт того, продолжать ли общение со стариком или нет. Ей было хорошо от ощущения собственной значимости.

Дерево понимало, что птичке тяжело его терпеть. Но было приятно, что кто-то прилетает к нему. Стало быть, не брезгует ста-

риком. И сказать ей «Не прилетай, если тебе это в тягость», он был не в силах. А ещё ему казалось, что птица была преданна и, что было самым приятным, искренне желала познать истину. Как такую прогнать? А дерево могло это сделать. Ведь оно обладало магией. Никто, кого дерево не желало видеть, не мог приблизиться к нему.

Невзрачная молодая птица чувствовала, как всё её существо меняется в момент слияния с деревом и вековая мудрость наполняет её. В такие моменты она ясно и однозначно осознавала: смысл существования старого горбатого дерева — поделиться с нею, маленькой невзрачной птахой, мудростью. Раскрыть ей великую тайну — тайну о том, что все мы однажды уйдём.

«Только кому это нужно? — печально вопрошала сама себя птичка. — Лесные жители не верят в то, что существует смерть. Они даже не хотят об этом и слышать! Не замечают, точнее, не обращают внимания на временность мироздания. И этим счастливы. Зачем же мне довелось об этом узнать? Одни переживания. Может, чтобы об этих переживаниях петь? Не о любви, не о красоте, не о природе петь — о краткости бытия», — так думала птичка, не решаясь раскрыть учителю тайну о том, что ей тяжело на душе. Раскрыть эту тайну значило бы обвинить его в том, что общение с ним забрало у неё возможность стать счастливой.

«Но могу ли я утверждать, что была когда-либо счастливой? — грустила птичка. И сама себе отвечала на этот вопрос: — Вряд ли. Да и что из себя представляет это самое счастье?! Может быть, счастье — это когда ты кому-то нужен, как воздух, как земля или солнце? При общении с деревом я чувствую, что оно забирает у меня радость, энергию жизни. Но я уверена: я необходима дереву, чтобы продлить ему жизнь. А не в этом ли смысл моего существования? Не в этом ли счастье?»

Птичка пыталась объяснять жителям леса устройство мироздания, о котором ей

вещало дерево. Но её обычно поднимали на смех. А заяц, лучший птичкин друг, обрушился на неё с совсем обидными словами:

— О каком смысле жизни ты говоришь? Ты молода, будь проще, — и в его голосе проскользнули нотки пренебрежения: — Ешь, пей, детей расти. Посмотри, у меня их, деток, много. Вот и ты найди себе пару. Давно пора!

От этих слов приятеля птице стало больно.

— Но они же умрут, — только и смогла она ответить и улетела прочь. И была она в тот момент очень расстроена собственными произнесёнными словами.

— Не знаем мы, лесные жители, такого слова — «смерть». Не видим её и этим счастливы. Будь и ты счастлива, подруга! — прокричал ей вслед заяц.

Пожелание счастья от зайца она уже не слышала. Не хотела слышать. Она не знала, что значит быть счастливой, и пожелание ей не было нужно.

Сегодня, устроившись на сморщенной, корявой лапе старика-дерева, птичка почувствовала: вокруг что-то изменилось. Нет, вроде бы всё было так, как обычно. Те же молодые, пышущие здоровьем деревья вокруг. Те же гусеницы ползают по телу старика. Приятель заяц пробежал, не забыв озарить всё вокруг своей лучезарной улыбкой, говорящей о том, как он счастлив.

И солнце сегодня поднималось, как всегда, краснощёкое, равнодушное ко всему, как показалось птичке. А значит — и к ней. Однако это уже серьёзно. Это обстоятельство заставляет думать, что ты — пигалица, не заслуживающая внимания. И ещё птичка точно знала: если бы солнце могло, оно бы землю не грело. Но не греть оно просто не могло. В этом был смысл его существования. А она, птичка, смысл своего появления на свет ещё не нашла. Да — пела, да — лесных паразитов уничтожала! Но смысл жизни... Смысл жизни — это наверняка что-то другое, более значимое, глубинное. Так ей, по крайней мере, казалось.

Старик прошептал птичке, что сегодня за ними наблюдают и ей бы стоило улететь... Однако она не послушалась совета, вместо этого застыла на месте.

А в это время происходило вот что: забредший в лесную чащу художник наблюдал из-за дерева за птицей, мирно сидящей на ветке трухлявого старикана... Ему понравился сюжет для его очередной картины.

Он был молод, этот художник. Эх! Молодость, молодость! Кто же купит твою картину с изображённой на ней маленькой, неказистой птичкой на сухом дереве? Это скучно. Нет, по-другому: страшно. Даже не просто страшно, а жутко страшно. Но художник не хотел этого понимать. Ему понравилось. А если понравилось, как говорится, надо брать, даже если это потом будет никому не нужно, в том числе и тебе... Издержки молодости...

Художник уже мысленно создал свой шедевр: на переднем плане — жуткое старое-престарое дерево, на нём — серая птичка. А на заднем плане — молодые деревья. Но что-то должно быть ещё. Что же? И он понял, догадался: рассвет! Красная краска. Заливающий картину кровавый свет. И именно так возможно придать картине очарование. Рассвет наполнит картину содержанием, высшим вселенским смыслом! Более того, не картина получится, а целая история.

Оставалось лишь разложить нехитрые принадлежности на траве. Именно на траве. В этом есть что-то из прошлого. Далёкого прошлого.

Он даже представил себя барским сыном, приехавшим «из Парижу» в деревню, принадлежащую батеньке. Отдохнуть от учёбы и — творить, творить!

Птичка давно не пела, так как не до песен ей было. Всё разговоры с деревом вела. Поиск смысла жизни занимал теперь всё её свободное время.

Дерево же не подсказало ей, что в песнях и есть смысл существования птичек. Ему, старикану, этого не надо было. Ведь

он нашёл для себя слушателя и напоследок наслаждался возможностью поучить его уму-разуму.

Неожиданно небо заволочло угрюмыми тучами. Ветер усилился. Застонали деревья.

Художник только-только успел выложить краски. Пришлось ему, разочарованному, упаковать их обратно в рюкзак.

«Ладно, завтра прибуду сюда», — успокоил себя художник. Однако он чувствовал, как каждая его клеточка наполняется раздражением и его скоро начнёт трясти.

Художник посмотрел в небо. Оно стало тяжёлым, чёрным, злым. Пора было уходить и стоило поторопиться.

Птичка расстроилась, увидев, что человек уходит. Её персоной перестали любоваться... Как это возможно?! Она даже жалобно что-то прошептала. Глубокое разочарование жизнью, жестокость природы разбудили её. Вспомнила птичка, что она — не недостойная ученица мудрого дерева, а вольная птица и молчать не должна. Она вдруг решила, что хорошо поёт.

Минуту назад ей показалось, что жизнь удалась. Потому что она будет теперь навечно запечатлена на картине. Станет радовать людей. А ей от осознания своей миссии — радовать, и кого? Самых людей! — будет просто приятно. И этого будет достаточно, чтобы с уверенностью сказать: жизнь удалась.

Сверкнула молния, вокруг загрохотало, небо разорвало, и на землю обрушился благодатный дождь. Дождь не может быть никаким иначе, как благодатным, потому что он исходит сверху, а оттуда, как известно, что ни сойдёт, то всё благодатно. К сожалению, мало кто имеет такое личностное свойство — радоваться дождю.

...Художник стоял на автобусной остановке и смотрел в сторону леса. Только через полчаса подошёл автобус. Художник успел промокнуть и был очень зол. Он ещё раз оглянулся в сторону леса и ахнул. Ему показалось, что в лесу горит.

— Нет, не показалось, — с ужасом прошептал он, представив, как в огне исчеза-

ет его дерево, а вместе с ним — картина. Его прекрасная картина! Шедевр, можно сказать. — И пытаться больше не надо писать, — с сожалением вздохнул художник. — Такой шанс, такой объект попадает в жизни один лишь раз. Придётся снова искать, чем себя занять вечерами. Хотя — нет: создавать картины он любил. — Не брошу писать, — пообещал он себе. — Если из-за каждого печального события опускать руки, то можно и вовсе не жить, — решил он и успокоился.

Однако предстоит снова искать место, которое вдохновит. Тоской изойдёшь, пока найдёшь. А писать пепелище у него нет настроения и желания — тоже нет.

Он снова подумал о том, какая интересная картина могла бы получиться. А ещё ему было ужасно жаль дерево. Успокаивало лишь то, что оно и так умирало.

Вспомнил он птичку. Живая одинокая птица. Тандем мёртвого и живого.

— Впрочем, можно и по памяти написать. Особого труда не составит для меня, — решил художник. — Жалко: не сообразил сфотографировать.

Но в конце концов решил по старинке, на живой натуре поработать.

Не дали там, наверху, свершиться шедевру. И о чём только думают?!

Птица сидела на дереве и не хотела улетать. Дождь совсем её не беспокоил. Она могла думать лишь о том, что её не запечатали. Обидно ей было — тут не до дождя!

Она вдруг представила, какая могла бы выйти картина. Яркое, прозрачное, голубое небо, бледный солнечный диск, древнее дерево и тени. И завораживает не тень самого дерева, а тень птицы. Жуткое пятно на ветке. словно дьявол по дороге идёт. По ветке, то есть. Траву изображать не стоит. Только густую, влажную, тёмную землю. А на заднем плане — два молодых, живых, но не до конца прописанных дерева. Олицетворение размытости, призрачности жизни.

И вдруг очередная молния ударила в дерево, раздался гром, заглушив крик птицы. Ветер подхватил его, унося в поднебесье.

Теперь птица будет петь Там.

Она захочет петь Там.

Там нет пустых разговоров.

Наконец-то птица нашла смысл жизни... Только никто об этом не узнает. А если ты нашёл смысл жизни и никто об этом не узнал, значит, в этом поиске смысла жизни не было смысла. То, что у тебя есть смысл жизни, должно быть видно и ясно всем-всем-всем.

...Говорят, если увидишь одинокую птицу, застывшую на ветке дереве, и если, встретившись с тобой взглядом, она не испугается, не улетит, — проси! Возможно, и исполнит просьбу. Вот и художнику повезло: птица исполнила его желание. Она, конечно же, не прочитала его мысли. Она просто сама пожелала: пусть этот добрый человек будет счастливым!

И художник нашёл своё счастье. На следующей неделе его пригласили написать несколько репродукций с оригинала. Деньги хорошие пообещали.

— Вот и работу получил! Наконец-то! — обрадовался художник.

Однако особой радости работодателю не выказал, боясь спугнуть удачу.

О своей так и не созданной картине даже думать перестал. Он вообще перестал думать о том, чтобы писать, чтобы творить.

Он зарабатывал.

Он был бесконечно счастлив.

...Заяц замолчал и посмотрел на меня.

Я ничего не мог сказать. Лес стал вдруг неудобным, каким-то слишком большим, а я — маленьким и беззащитным. Небо заволокло тучами, похолодало.

Когда я очнулся, зайца рядом не было. Я собрал походные вещи и поспешил домой. Попасть под дождь мне совсем не хотелось.

Добравшись до дома, я сел за стол, достал блокнот и прочитал записи, сделанные во время рассказа зайца.

Прочитав записи, я решил, что во время следующей встречи со своим вдохновителем буду говорить я.

Встретившись через неделю со своим ушастым приятелем и решив для себя, что

настроение в этот раз у него хорошее, я попросил его для начала выслушать меня.

Заяц вальяжно развалился на пледе и, закрыв глаза, произнёс:

— С удовольствием послушаю.

И я несколько торопливо, сбиваясь и волнуясь, начал...

6

Сказ о маленьком глупом зайчишке

Маленький зайчик сидел на мягкой зелёной поляне, усыпанной разноцветными цветами, ещё влажными от утренней росы, и смотрел в небо. Солнце было бледное, как будто невыспавшееся и оттого хмурое.

Ветерок осторожно погладил серую блестящую шерстку зайчика. Он поёжился. Прохладно всё-таки утром...

По небу лениво проплывали пушистые облака. Зайчик любил на них смотреть. Ему казалось, что таким образом небо с ним разговаривает, создавая из облаков причудливые образы. Оставалось лишь увидеть, понять, что они напоминают.

Зайчик недовольно поморщился, когда ему подмигнуло облако, напомнившее собаку. Такая вот псинка охраняла дом, стоявший на краю леса. Собака была молодой, игривой, постоянно лаяла. Невоспитанная, одним словом. Но разве можно в этом её упрекнуть? Обидится, укусит чего доброго, чтобы зря не говорили о её невоспитанности. Зайчик хорошо знал нрав этой собаки.

Однажды, когда зайчик забрался на хозяйский огород, чтобы полакомиться молодой морковкой, щенок заметил его и не позволил позавтракать. Прогнал, ухо покарябал, но — не укусил.

У зайчика, стоило ему подумать о щенке, ухо начинало ныть.

«Щенок, конечно, сейчас подросток», — подумал зайчик и, обратившись в мягкий, пушистый серый комочек, задрожал: не хотелось бы ему с тем щенком, уже взрослым псом, сейчас встретиться.

Тут он заметил красивую бабочку (впрочем, бабочки обычно все прекрасны) и засмутился: нехорошо же показывать страх перед крошками!

Зайчик перестал дрожать, распрямился, встряхнулся и сказал ей как можно бодрее, даже попытавшись улыбнуться:

— Холодно, замёрз. Не подумай только, что я боюсь чего-то.

Бабочка покачала головой, давая понять, что не очень-то и холодно, чтобы так дрожать.

— Хорошо, — признался зайчик, — страшно мне. Сам не знаю почему. Возможно, оттого, что облако в небе увидел и оно напомнило мне знакомую собаку. Неприятные воспоминания.

Бабочка понимающе закивала. Ей собаки тоже не нравились. Заметят бабочку — и ну за ней гоняться! Ещё и облают. Обидно. Разве можно такую красоту обижать? Уважать надо.

Зайчик снова посмотрел в небо. Облако, которое улыбнулось ему, напоминало индюка.

— Безобразие! — возмутился зайчик. — Только индюка мне увидеть и не хватало для полного счастья!

На краю леса стоял старый деревянный дом. И жили в нём старик со старухой. И был у них индюк — с пресквернейшим характером! Никого не любил, кроме себя. Встанет у лужи и любуется собственным отражением. И очень долго мог так стоять. Никого к луже не подпускал. Дрался со всеми, кто мешал ему любоваться собою. Однажды и зайчику от индюка досталось!..

Зайчику стало очень неприятно, что на небе запечатлён такой себя любящий субъект. Как будто облака специально делают, чтобы позлить ушастика, испортить ему настроение с утра пораньше.

И словно в подтверждение его мыслям в небе лениво проплыло следующее облако, гонимое лёгким ветерком и напоминающее... кота! На первый взгляд — тёплого, пушистого, ласкового, однако с небольшим недостатком — острыми зубами и когтями.

Зайчику с котом довелось лишь однажды свидеться. Но и этого одного раза хватило, чтобы больше не желать встречи с котом. Нет, драться им не пришлось. Просто обидел кот зайчика, сильно обидел: когда увидел ушастика, который с аппетитом грыз молодую морковку, то... прошёл мимо! Представляете?! Прошёл мимо, проигнорировал пушистого маленького хорошенького зайчика. Не мякнул, радуясь гостю, даже не фыркнул презрительно, даже не пожелал приятного аппетита. А желать всегда надо, а то, чего доброго, и подавиться может тот, кому не пожелали приятного аппетита.

Зайчик окончательно расстроился:

— И почему на небе расположились одни плохие персонажи? Разве они достойны неба?

А как же он, зайчик? Он же лучше индюка и кота.

Оставалось только удивляться несправедливости устройства окружающего мира. Недостоин, значит, он по небу облаком проплыть.

Но сердиться, правда, зайчик ещё не решил — на кого. А на небо или облака сердиться было совершенно бессмысленно...

И тут он почувствовал, что за ним наблюдают. Конечно, это была бабочка! Она, оказывается, и не думала далеко от зайца отлетать. Сидела на цветке и улыбалась.

Зайчик почувствовал неловко себя. Нет, не беда в том, что бабочка стала свидетелем его унижения. А как иначе расценить то, что он недостоин внимания неба и оно дало ему это понять — в грубой форме?

Бабочка неодобрительно замахала головой, увидев, как скусился зайчик. Ещё немного — и заплакать может. Чтобы не помешать этому печальному занятию, взмахнула своими прекрасными крыльями и поспешила улететь. Куда угодно, только бы подальше. А то и сама прокиснешь.

Никак не могла понять бабочка, чем расстроила зайчика! Она же просто ему улыбнулась. И, как многие ей говорили, улыбка у неё была чудесная...

Глупая бабочка! Улыбка тому, кому грустно, не нужна. Ему, грустящему, хочется, чтобы его обняли и вместе с ним погрустили...

Зайчик приготовился плакать и тут, взглянув на небо, увидел облако, удивительно напоминающее зайчика. А вот бабочки на облаке не было.

Он уже решил, что можно не плакать, и тут, неожиданно для себя, разрыдался в голос, повторяя между всхлипываниями:

— Почему я, такой хороший зайчик, должен летать вместе с такими плохими персонажами. Почему? Где бабочка, почему её, моей хорошенькой бабочки, нет со мною рядом?!

...Я закончил рассказ и замолчал.

После продолжительной паузы заяц открыл глаза, глубокомысленно посмотрел на меня и, ничего не сказав, исчез.

Я был в растерянности! Я был обижен — его внезапным исчезновением.

Надоело такое терпеть раз за разом! Хотя бы «до свидания» можно сказать, а?!

Осознав, что больше не желаю с зайцем общаться, а тем более — писать книгу на основе его рассказов, я решил, что больше никогда и ни за что не пойду на поляну.

Но заяц, по-видимому, имел другие планы и явился ко мне... во сне. Как говорится, хочешь или нет, но общаться придётся.

И были мы... Догадайтесь — где? На нашей по-ля-не!

И вновь я услышал от него историю. Проснувшись, сразу записал, чтобы не забыть.

Как оказалось, ради искусства и заяц — друг.

Екатерина Очерк Свердловская обл.

Не мой сценарий

(Отрывок из рукописи)

1

Встреча. Первый день

Два неуверенных стука в дверь... Я стою и прислушиваюсь, есть ли за ней какие-то намёки на то, что мне её сейчас откроют. Внутри груди я ощущаю щекотливое напряжение. Это два смешанных чувства пытаются поделить место в ней — волнение и тревога.

Спустя несколько секунд совершаю вторую попытку. На этот раз стучу уверенней. Прислушиваюсь. За деревянной дверью стал слышен приглушённый скрип пола. Два щелчка замка, и он мне открывает.

— Боже мой! Кого я вижу! Даша, это ты?! — слышу удивлённый возглас.

Моё волнение и тревога при виде его тут же с бешеной скоростью проходит по всему телу, от груди до пят, и испаряется где-то под ногами. От чувства счастья у меня на глазах выступают слёзы, пытаюсь их сдержать в ту же секунду. Кидаюсь к нему на шею, крепко-крепко обнимаю, и он обнимает меня в ответ. Сжимает так сильно, что становится трудно дышать. В тот же

миг чувствую, как мои ноги отрываются от земли и я уже парю в воздухе.

— Хватит! Хватит! — смеюсь. — Перестань меня кружить! Сейчас же поставь обратно! — говорю я, продолжая смеяться так громко. — Сейчас от моего смеха в подъезд повыскакивают соседи с любопытными лицами, — говорю сквозь смех и пытаюсь отдышаться.

Андрей хватает меня за руку и со словами «Тогда скорее заходи!» тянет меня к себе в квартиру.

И вот мы уже сидим на кухне, попиваем горячий кофе, смотрим друг на друга и расплываемся в улыбках. Нависает неловкое минутное молчание. Неловкое оно от того, что мы так давно не виделись, не общались так тепло, как в былые добрые времена.

— Как дела? — синхронно задаём вопрос и одновременно усмехаемся, то ли от глупости, то ли от неловкости.

Успокаиваясь от смеха, Андрей меняется в лице и с какой-то задумчивостью в глазах задаёт вновь вопрос:

— Как твои дела, Даш?

Вот сейчас я вижу всю серьёзность в его выражении, но насколько бы не был мне близок этот человек по духу, я не готова сейчас говорить о тех событиях в моей жизни, которые заставили меня вернуться в родной дом.

Андрей безусловно и неоспоримо для меня родной человек. Он моя опора и плечо поддержки в нужный для меня момент. Я никогда не имела брата по крови, но я его обрела по духу. Андрей старше меня на три года, но по моим ощущениям — намного больше. Меня всегда поражала его сдержанность и воспитанность. Он с детства был таким рассудительным, заботливым и со взрослым взглядом на всё происходящее вокруг. Тогда, в детстве, я не понимала, почему он такой. Но, взрослея, стала понимать всю глубину его душевной раны, той жуткой боли, с которой ему пришлось жить. Всему виной трагедия, по исходу которой отец Андрея рано ушёл из жизни. Андрею ничего не оставалось, как быстро повзрослеть и занять гла-

венство в семье. На его тогда ещё совсем хрупких подростковых плечах осталась горем убитая мама и младший братик — Данилка.

С Андреем мы были неразлучными друзьями много-много лет, с самого нашего первого знакомства, но за последний год всё изменилось. Я повзрослела, уехала в другой город получать высшее образование, а дальше так сложились обстоятельства — я была вынуждена оборвать нашу крепкую связь с ним. От нашего общения остались лишь редкие сообщения с короткими поздравлениями в дни рождения. Андрей в первое время разрыва ещё пытался как-то поддерживать связь, звонил, но я не могла себе позволить того же. Сейчас признаюсь себе в том, что это одна большая глупость из тех, что я совершила.

Первые 6 лет своей жизни я прожила в доме, расположенном в частном секторе нашего провинциального городка. Помню разговоры матери и отца о перспективах переезда в центральный район города, где по близости есть вся необходимая для комфортного проживания инфраструктура. Родителям нужно было определять меня в школу. А в центральном районе города, как раз неподалёку от нашего нового дома, находилась средняя школа под номером 21. У этой школы был хороший статус, таким он и остался по настоящее время. Моим родителям хотелось, чтобы я окончила школу, которая даст мне хорошее образование, после выпуска которой передо мной открылись бы двери в лучшие вузы. Наверное, родители верили в меня и желали лучшего своей дочери. Тогда они могли и сделали всё для того, чтобы я оказалась на обучении именно в этой школе.

Я, как и сейчас, помню то весеннее утро, ледяной ветер пронизывал насквозь, а небо неприветливо хмурилось нам. Наверно, тогда я не осознавала всего происходящего на все сто, но я запомнила этот день именно таким, каким он был тогда. Всё потому, что и мне в тот день было грустно так же, как и небу. Я понимала, что больше не вернусь в свой детский сад и уже завтра

не увижу своих первых друзей и любимую воспитательницу.

Когда мои родители и пара наёмных грузчиков бегали как муравьишки от грузовой машины к квартире, и так из раза в раз, я стояла в нашем новом подъезде на площадке около нашей открытой двери. Из соседней квартиры вышел высокий мужчина. Он был худощавого телосложения, с вытянутым лицом и угольно-тёмными глазами. Следом за ним вышел мальчик — это был Андрей. Отец Андрея поприветствовал моих родителей, а потом чуть склонился ко мне и спросил, как меня зовут. Я скромно и еле слышно ответила ему: «Даша». Он улыбнулся и приветливо сказал: «Здравствуй, Даша!» — и продолжил, обращаясь к мальчику: «Андрей, поздоровайся с Дашей». Андрей, тоже смущаясь, протянул мне руку с фразой: «Привет! Меня Андрей зовут...» Это была наша первая встреча с ним.

— Эй! О чём ты так задумалась? Пытаешься придумать, что мне ответить на столь сложный вопрос «Как твои дела?».

Я поднимаю взгляд на Андрея. Глубоко вдыхаю и пытаюсь натянуть улыбку на своё лицо. О том, что я зачем-то улетела в воспоминания о нашей первой встрече, — я промолчала.

— Ты с возрастом всё больше и больше становишься похожим на своего отца, — отвечаю я, изучая новые морщинки на его лице.

Неловкая пауза.

— Прости, прости! Я не хотела об этом. Просто...

Он обрывает меня на полуслове:

— Всё нормально. Не парься.

Я перевожу тему и всё-таки даю ответ на вопрос.

— У меня всё просто за-ме-ча-тель-но, — по слогам с наигранной улыбкой отвечаю я. Чуть повысив тон и тем самым придав бодрость голосу, продолжаю: — Прикатила вчера ночью. Мама сказала, что ты на днях вернулся с командировки. И вот, как видишь, я здесь, сижу напротив тебя. Решила навестить своего братишку.

— Хах, — сорвалось с губ Андрея.

Ему явно бальзамом на душу пролилась моя лесть, которая за мгновение сломала этот невидимый эмоциональный барьер между нами. Я решила продолжить в той же манере:

— В моих планах — найти себе подходящую работу и с первой же зарплаты снять себе жильё. За время учёбы я отвыкла жить с мамой. Сам знаешь, что в каникулы, если мы находимся на одной территории больше месяца, начинаем жутко ругаться. — Смеюсь.

— Покурим?

Андрея явно удивил мой вопрос. Его глаза округлились, и кожа на его лбу сморщилась, выдавая возмущение.

— Ты серьёзно? Ты что, снова закурила? Ты...

Не давая ему возможности отчитывать меня, я сказала:

— Всё! Всё! Даже не пытайся, Андрей. Я просто сейчас этого хочу! Ты успел забить, как подростками мы с тобой таскали сигареты у моей мамы, а потом курили их на балконе, пока были одни. А потом тщательно скрывали все улики, указывающие на грешок.

— Да, да... выветривали запах с балкона, намывали руки и заедали чем попало.

— Только это всё нам не помогло скрыть правду, — добавила я. — И причём тогда инициатором тех «акций» выступал именно ты. И кстати, возможно, если б не ты, я бы вообще не закурила. — Наигранно свожу брови, чуть поджимаю глаза и с подозрением смотрю на него. Встаю из-за стола и легонько бью Андрея в плечо.

Он ловит мой кулак, при очередной попытке ударить его по плечу.

— Забудешь тут... ага.

Продолжая держать мой крохотный кулак в своей руке, замечает:

— Какая ты стала совсем хрупкая. И что же тебя так заставило исхудать? — он бросил вопрос в воздух так, словно не ждал от меня ответа, словно спросил сам у себя, но проговорил вслух. — Даша... Я не вижу прежнего блеска в глазах. Расскажешь мне, что случилось?

— Может быть.

Я сделала глубокую затяжку, и мой взгляд застыл в окне.

Вечер на грани ночи. Ложусь в постель с мечтами о том, чтобы поскорее заснуть. Чувствую себя измотанной как никогда. В этот момент прилетает сообщение от абонента Кристина.

Привет! Ты так вчера и не ответила на моё сообщение. Я волнуюсь за тебя! Напиши хотя бы ответ, как ты доехала? Всё ли нормально?

Нет сил даже набрать полноценный ответ на это сообщение. Меня хватает только лишь на односложное: «Да»

Почти мгновенно получаю новое сообщение:

Давай завтра созвонимся. Хорошо?

Зависаю, глядя на экран телефона, долго думая, написать ответ или нет. Но гаснущий экран делает выбор вместо меня. Я просто кладу его на прикроватную тумбу, отодвигаю подальше от края и закрываю глаза.

Идеальное молчание комнаты нарушают мои редкие верчения в постели. Я лежу в постели, поджав колени к груди, обхватываю их своими руками и ощущаю тепло только там, где они соприкасаются с коленями. Всё остальное тело ощущает холод. Вся моя кожа покрыта мурашками, а плоть продрогла до костей. Пару часов назад, в попытках хоть как-то отрезвить себя от мыслей, я открыла настежь окно в своей комнате. Мне будто не хватало воздуха, моя боль сжигала меня изнутри дотла. Хотелось залезть в ванну, ощутить прохладу воды на своей коже. Дать хоть какую-то встряску своему организму, привести себя в чувство. Я так делала, там... до возвращения. Но здесь я не могу бродить ночью по квартире, я не хочу беспокоить свою маму. Решение открыть настежь окно показалось мне более чем уместным. Впущенный холодный ноябрьский воздух быстро наполнил всю комнату, пронизывая, бодря своей свежестью.

(Продолжение следует)

Джеймс Блэксуэн

Москва

Инквизитор

1

Начался июнь. В небе повисло ослепляющее солнце, намеревающееся осветить все неизведанные и непроходимые уголки того расписного ковра, на котором мелькают лишь крошечные фигурки, движущиеся из стороны в сторону, и маленькие неподвижные цветные силуэты. На улицу постепенно выходили люди, точно заранее договорившись, кто за кем должен покинуть свой уютный домик.

Вновь открылись магазины для рыбалки, сёрфинга, подводного и синхронного плавания... Таких спортивных торговых точек было по две, а то и больше, на каждой улице. Всего улиц в городе, скорее в пригороде, было пять: Браунлайн, Шарк-стрит, центральная улица имени Мэгги Ноласен (названа в честь основательницы Тайд-сити), Уайт-стрит и Птичья аллея. Одна треть города, что на западе, построена на воде: в основном здесь сосредоточены сувенирные лавки и ресторанчики, где готовили деликатесы из морепродуктов. Если на западной части городка был сосредоточен oldtown, — так называли его подростки из-за большого скопления взрослых, — то юг был полностью подвластен юному поколению. Такое место получило и своё название — Teenagerworld. Оно было разделено на две части: первая принадлежала студентам, а вторая — ста-

ла местом для спокойного купания и игр в песочницах. Именно турниры по плаванию и сёрфингу среди любителей и профессионалов давали возможность объединиться родителям, маленьким детям и подросткам, чтобы вновь посмотреть те невероятные представления. По выходным, вечером, здесь проводят масштабные дискотеки, которые порой выходят из-под контроля.

Летом жителям Тайд-сити предоставлялся шанс скинуть с себя серые куртки, комбинезоны и шубы. Студентки и созревающие школьницы, стремящиеся быть похожими на своих недалёких кумиров, уже будучи готовыми, с осени демонстрировали красоту своих форм, надев только что купленные купальники. Парни в шортах для плавания, приобретённых по низкой цене, гонялись за будущими моделями, точно львы за антилопами.

В столь чудесный и жаркий период взрослые засиживались в барах, чтобы сделать глоток охлаждающего коктейля, приготовленного на основе рома, мяты и ледяной газированной воды со вкусом лимона; ждали в магазинах своих клиентов, которые вот-вот должны были купить новую доску для сёрфинга или очки для подводного плавания либо, наконец, взять в аренду гидроцикл; готовились к вечернему пикнику, чтобы побыть наедине вдали от суеты; гуляли по парку...

Были и те, кто уезжал подальше от городского шума и пьяных, буйствующих по вечерам тинейджеров. Такой традиции придерживалась семья Селлерсенов. Каждое лето они уезжали в поисках «уединения». Будь то санаторий с видом на океан или же палатка у подножия скалистых гор. Иногда Селлерсены приезжали в одно и то же место по несколько раз. Не потому, что объехали все изысканные места, а потому, что атмосфера этих мест так цепляла, что хотелось вновь и вновь испытывать чувства возбуждения и невероятного счастья.

Селлерсены были крепкой семьёй, несмотря на возникающие в ней противоречия, и была такой же, как и другие семьи Тайд-сити, за исключением тяги к путешествиям.

2

Дом Селлерсенов, находящийся на улице Браунлайн, был воплощением американской мечты, как и все дома на этой улице — двухэтажный коттедж зеленоватого цвета с алой верандой, обвешанной цветами в глиняных самодельных горшках, маленьким двориком со свежескошенной травой, куда приходили дети, чтобы покататься на качелях или искупаться в бассейне в невыносимую жару, находящемся возле двухметрового деревянного забора. Окна выходили на шоссе, которое в свою очередь являлось единственной ниточкой, связывающей Тайд-сити и цивилизацию.

— Хлоя! Просыпайся, соня! — крикнула Нора Селлерсен в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

Обладательница двух далеко не дружных детей работала в местной ветеринарной клинике «Happy Pets», что находилась возле oldtown. Джек Селлерсен довольно часто говорил своей жене, что она могла стать первоклассным хирургом. Нора на это заявление всегда отвечала одной фразой: «А кто позаботится о домашних питомцах?» А ведь действительно, она была лучшим ветеринаром. Миссис Селлерсен ещё с самого рождения получила звание «Мастер последнего слова». Можно предположить, что сила заключалась в её голосе, который, как говорил в шутку Джек, был подарен сиреной во время плавания.

— Хлоя! — вновь прокричала миссис Селлерсен, повышая голос.

После повторного зова матери Хлоя медленно начала открывать глаза, боясь, что мать уже поднялась на второй этаж и села на стул с осуждающим видом рядом с постелью дочери. Однако миссис

Селлерсен в комнате не было. Хлоя полностью открыла глаза, села на край кровати и сказала с критикой: «Утро, как обычно, начинается с криков миссис “явно нечем заняться”. Пора придумать вам что-то новенькое». После повторного мысленного воспроизведения своих слов Хлоя принялась за поиски пачки сигарет, которые она ещё поздним вечером купила в магазине, находящемся недалеко от дома.

Пятнадцатилетняя Хлоя Селлерсен была старшей дочерью и являлась сложной и в то же время загадочной натурой. Своё прозвище Чёрный птенчик она получила ещё в начальной школе за очень низкий, по мнению сверстников, рост и за чёрную одежду, в которой Хлоя ходила везде. Буквально везде. Пару лет назад соседи пригласили семью Селлерсенов на свадьбу и попросили всех приглашённых прийти в белом. В день свадьбы все гости пришли в белом, за исключением одной девочки, которая не только надела чёрное платье с чёрными чулками, но и покрасила ради такого случая свои рыжие волосы в чёрный цвет. Это была Хлоя Селлерсен.

Хлоя достала сигарету, которая на удивление оказалась в ящике стола, и закурила, подойдя к окну, чтобы запах никотина не учуяли внизу.

— Мама, Мама! Хлоя опять дымит! — крикнул Карл, смотря в замочную скважину, в которой виднелась сестра.

От испуга Хлоя чуть не упала в открытое окно, и, выкинув улику на улицу, она погналась за своим братом вниз по лестнице напрямиком в кухню. Хоть Карл и был младше сестры на четыре года, он бегал ничуть не хуже её.

Карл был полной противоположностью Хлои. Ещё в десятилетнем возрасте он уговорил маму записать его в религиозный кружок, в то время как его сестра слушала рок и проклинала всё живое — в основном людей. Чем маленький ангел только не занимался — и пел, и рисовал, и строил здания из конструктора, который подарили

родители на Рождество, и плавал (довольно-таки неплохо для своего столь юного возраста), и сочинял истории... Соседи, как только переступали порог дома, сразу же задавали вопрос: «А где ваше маленькое чудо?». И, когда вместо чуда выходила Хлоя, гости тихо интересовались: «В кого она у вас такая бунтарка?». Последний вопрос всегда ставил взрослую часть семьи Селлерсенов в тупик.

— Спасибо, сынок, что помог этой спящей... красавице проснуться, — сказала миссис Селлерсен, злобно осматривая свою дочь со взъерошенными чёрными волосами. — А что касается вас, мисс, то вы только что оставили себя без бекона.

— Это ещё почему? — воскликнула Хлоя.

— Что я говорила по поводу курения дома? — сказала Нора, повышая голос.

— Ты говорила, что нельзя дома. Да и вообще. С чего ты взяла, что я, порядочная леди, буду губить своё здоровье, — саркастично ответила Хлоя.

— Неправда! Тебя твой брат застучал. Ещё одна такая выходка — останешься под домашним арестом. Понятно? — со строгостью сказала миссис Селлерсен.

— Всем доброго утра! — воскликнул мистер Селлерсен, входя в дверной проём кухни.

Джек Селлерсен работал в банке соседнего города (местные жители уверяли приезжих, что Тайд-сити является отдельным городом, а не пригородом, как его часто называют), и это никак ему не мешало быть в курсе всех событий в семье. Четыре года назад Мистеру Селлерсену сделали весьма заманчивое предложение — переехать в соседний город, чтобы можно было быстрее добираться до места работы. Тогда Джек отказался в силу того, что дом, где он живёт в данный момент, достался ему по наследству и слишком много воспоминаний связывает их с этим местом.

— У меня хорошие новости. Готовы? — с энтузиазмом спросил мистер Селлерсен. Его лицо так и сверкало от нетерпения услышать: «Да-да, конечно!»

— Не томи, Джек. Говори уже, — протянула миссис Селлерсен, продолжая готовить яичницу.

— Так. Я не этого ожидал. Ну да ладно, — сказал Джек и принялся доставать письмо, которое он только что получил от почтальона.

Нора после таких слов остановилась и посмотрела на мужа. На её лице явно было написано: «Не ты сегодня встал в пять утра. Не ты только что прочитал нотацию дочери. Ещё одно подобное высказывание, и ты получишь по голове этой сковородой». Джек сразу понял намерения жены и тут же перешёл к делу:

— Мой брат Стив приглашает нас к нему на дачу. Свежий воздух. Кругом лес. Доброжелательные соседи. То, что нужно!

— Ты не говорил, что у тебя есть брат, — с заинтересованностью сказала Хлоя.

— Понимаешь, милая, твой папа перестал разговаривать с братом ещё до твоего рождения. У каждого из нас была своя жизненная дорога. Работа, семья... Но сейчас мы вновь решили воссоединиться. Он славный малый.

— Мама, мама! А ты знала брата папы? — спросил Карл, поедая свои хлопья.

— Конечно. Он есть на старых снимках, они у нас где-то лежат. Сейчас уже не вспомню, — ответила миссис Нора, аккуратно раскладывая яичницу по тарелкам.

— Я так понимаю, что протестующих нет. Тогда отлично. После завтрака собираем вещи и примерно через три часа выдвинемся в путь. А он будет очень долгий, примерно четыре часа езды, — заявил мистер Селлерсен и сел за стол рядом с детьми.

— Почему так долго? — протянула Хлоя.

— Деревня, куда мы едем, известна девственными лесами и чистыми озёрами. Чтобы добраться до такого места, где люди живут с природой, просто необходимо проделать длинный и сложный путь.

— Ты хочешь сказать, что мы едем в глушь?

— Получается, что да. Но там будут люди и твоего возраста. Может, там найдёшь

себе новых друзей. Вот увидишь, тебе понравится.

— Ага, — ответила Хлоя и принялась за поедание яичницы, единственной без бекона — как и обещали.

— Джек, у меня плохое предчувствие насчёт этой поездки. Ты уверен, что хочешь этого? — спросила миссис Селлерсен, замыкая семейную цепь за круглым столом.

Нора редко когда ошибалась в своих предощущениях. Был случай, когда миссис Селлерсен спасла мужа от больницы, а может, и от смерти. Это произошло пару лет назад, зимой. Джек собирался на работу, уже начал заводить свой джип, как Нора, ветром пробежав весь дом, кинулась на машину и начала кричать мужу, чтобы тот не ехал, иначе произойдёт несчастье, как во сне, который ей приснился сегодня ночью. Джек поверил жене, как и всегда, остался дома. Спустя несколько часов, по новостям сообщили, что фургон перевернулся на том шоссе, где ездит Джек каждое утро на работу. В тот день миссис Селлерсен всех напугала. Джек позвонил начальству и сообщил о произошедшем. К счастью, они отреагировали благоразумно.

— Милая, там будет мой брат. А ты знаешь, что на него можно положиться. И к тому же мы давно не виделись. Неужели будет отказываться в последний момент, — сказал мистер Селлерсен.

— Если бы не он, то я ни за что не поехала бы в такую даль, — ответила наконец Нора, осознавая своё поражение.

— Как же я люблю тебя! — сказал Джек, обнимая Нору.

— Мы же туда не на три месяца? — перебила Хлоя.

— Как пойдёт. Может, на месяц, может, на всё лето. А какая разница? Такого места, как это, нигде не найдёшь. Там, где мы раньше были, видны следы человека. Здесь другое — мир, который известен лишь немногим. Мы сможем увидеть, как заботятся о природе, общину... моего брата.

— Дорогой, мы всё поняли. Это очень важно для тебя. Поэтому через два с половиной часа все сядем в машину и поедem к твоему брату.

— А мы сможем покупаться в озере? — спросил Карл с детской надеждой.

— Спасибо, милая. Я очень рад, что ты согласна, — сказал мистер Селлерсен. — Да, Карл, мы обязательно ходим. Стив говорил, что недалеко от деревни есть небольшое озеро, туда зачастую дети приходят летом купаться.

— Ура! — воскликнул Карл и чуть не взлетел ввысь от радости.

Семейный завтрак закончился на младшем члене семьи. Миссис Селлерсен собрала тарелки с остатками остывшей яичницы и принялась за мытьё посуды, которая, как и обычно, была оставлена на столе. Нора очень любила мыть посуду, так она оставалась наедине со своими мыслями, поскольку ни один из членов семьи не осмеливался беспокоить её. В это время Джек мыл свою «Тойоту Тасота», которая идеально сочеталась с алой верандой (так как единственное место, где можно было припарковать пикап, находилось справа от дома). Мистер Селлерсен так тщательно мылил специальными растворами свою машину, что складывалось впечатление, будто сейчас сядет в неё и поедет в магазин, чтобы сдать обратно. Только вот грациозная помывка металлического монстра предпринималась для иного случая — поездки. Каждый раз, как Селлерсены собирались ехать, неважно куда, обряд ополаскивания должен был быть завершён. Хлоя, как и Карл, собирали вещи, злобно посматривая друг на друга и припоминая пробежку по лестнице до кухни. Началась эта детская вражда, как только родился Карл. Хлоя сразу невзлюбила своего младшего брата за его праведность, отсюда и начались взаимные подставы и доносы.

Как и договорились за завтраком, Селлерсены выехали вовремя. Они выехали из Тайд-сити, проехали мимо соседнего горо-

да и устремились к поставленной несколько часов назад цели.

3

Время летело со скоростью ласточки. Прошло уже три часа, и из шумного пригорода, где нет такого понятия, как «тишина», Селлерсены выехали на финишную прямую. На улице было ясно, облака плыли по лазурному небу вместе с движущимся серым пикапом. Вдоль грунтовой дороги с обеих сторон выстроились сосны, берёзы, липы, пихты... Если присмотреться, то можно увидеть, как за впереди стоящими деревьями прятались в сумраке величественные покрывшиеся мхом дубы. Под их ветками и листьями кипела жизнь. Каждое существо имело место в столь загадочном мире. Каждый листок мог стать домом для мышонка или сыграть роль спасителя во время бури. Каждое возвышающееся дерево имело при себе маленький кустик с ягодами, которые по цвету напоминали ёлочные игрушки — столь разноцветные, что глаза начинают разбегаться, точно хотят сфокусироваться на каком-то одном, но не могут, так как каждый цвет уникальный и обворожительный. Именно эта картина, написанная великим художником, позволяет окунуться в гармонию с природой. Однако тишину нарушил Карл, просивший остановиться.

— Мама, я хочу есть! — начал кричать Карл.

— Мы скоро приедем, сынок, потерпи, — ответила Нора и продолжила рассматривать карту.

— Но я очень хочу. А ещё хочу выйти!

— Недалеко отсюда есть маленький магазин для проезжающих, если карта не устарела. Может, заедем? Как думаешь, Джек?

— Если она недалеко отсюда, то почему бы и не заехать, — ответил мистер Селлерсен.

— Да, совсем рядом. Если свернём на следующем повороте налево, — задумчиво сказала миссис Селлерсен.

— Думаю, лишним не будет, если остановимся на десять минут.

Мистер Селлерсен свернул, как наставляла его жена, и все очутились на маленьком клочке земли, окружённом лесом и заставленном скульптурами из машин и всякого рода металлолома. Джек припарковался недалеко от дороги и вышел вместе с семьёй из машины. Сделав несколько неуверенных шагов в сторону магазина, что находился в самом конце галереи, Селлерсены остановились, чтобы позвать здесь проживающих.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул Джек.

Через минуту из заброшенного на вид бетонного одноэтажного здания вышел молодой человек лет двадцати пяти и два метра ростом. Его загорелое лицо было покрыто свежими пятнами машинного масла, которые начинали сиять от малейшего луча солнца. Потрёпанный комбинезон владельца магазина оставлял желать лучшего: больно уж был похож на обноски тридцатилетней давности. Трудно представить, что этот человек стоит за кассой.

— Что вам нужно? — спросил молодой человек, остановившись в метре от Селлерсенов.

— Добрый день! Мы приехали издалека и хотели бы закупиться едой в вашем... магазине, — сказал Джек и сделал ещё пару шагов.

— Заходите. Милости просим, — проворкотал незнакомец и повёл за собой приезжих.

Если снаружи казалось, что здание в более-менее пригодном для приёма посетителей состоянии, то внутри оно выглядело как после смерча. Первое, что бросилось в глаза, — это подвешенная на одном проводе лампа, мерцающая время от времени. Она раскачивалась от лёгкого дуновения ветра, который исходил из окон, на подоконниках которых доживали последние дни своей жизни цветы. Потрескавшаяся плитка, что служила полом и прилавком, была усеяна различного рода мусором:

здесь можно увидеть и пакеты из-под чипсов, в некоторых из которых виднелось содержимое, таки покрытое плесенью, и лужи машинного масла, и мёртвых тараканов, и опустошённые бутылки из-под молока. В тени на гнилых полках, покрытых пылью, прятались банки с консервами, наверняка с истёкшим сроком годности. Такая картина навевала ужас на Селлерсенов, точно пожалевших, что свернули сюда.

— Что вас занесло в такую глушь? — спросил продавец, возвращаясь на своё рабочее время.

— Мы едем к моему брату в деревню, недалеко отсюда. Решили навестить его после многолетней разлуки, — сказал Джек, пока члены семьи осматривали полки в поисках пропитания.

— Это плохая идея. Те, кто там живут, очень странные люди. Ненормальные. В этих существах ничего нет, точно из них выкачали всё живое. Пару недель назад мой дед отправил оттуда письмо, где сказал, что не может оттуда уехать. Недолго думая я вызвал полицию, чтобы та разобралась с этим. На следующий день узнаю, что она не доехала, мол, шины проколело на полпути. И когда позвонил во второй раз, мне ответил мужской грубый и очень тихий голос, пробирающий до костей: «Он отныне наш». Когда услышите его, вы никогда не сможете уснуть, вас будут мучить кошмары с одним человеком, повторяющим одно и то же, раз за разом: «Отныне ты наш». И если ваш брат живёт там, то его уже нет в живых. Не один здравомыслящий человек не отправится туда, если ему дорога жизнь. Можете меня считать безумным и спятившим от одиночества, но знайте: я предупредил вас.

В комнате наступило молчание. Все присутствующие затаили дыхание в ожидании, что кто-то скажет хотя бы слово после такого жуткого повествования. Никто не осмеливался издать звук. За окном лишь скрипели ветхие деревья, покачивавшиеся время от времени, и светило раскалённое солнце, обжигающее всё живое на земле.

Наконец мистер Селлерсен сказал то, что не ожидал ни один из присутствующих:

— Во-первых, хватит пугать детей, ваши местные байки о таинственных голосах, привидениях, ведьмах, троллях оставьте для рассказа у костра, а во-вторых, приведите свой магазин в порядок. Господи, вы когда в последний раз здесь убирали? Вместо того чтобы разгонять посетителей, а их, думаю, можно посчитать по пальцам, могли хоть чуть-чуть проявить великодушие.

Селлерсены вышли из магазина и направились к машине. Однако Хлоя остановилась, чтобы более отчётливо разглядеть железную фигуру девочки, тянущуюся к цветку синей окраски, который был также сделан из железа. Она чем-то напоминала балерину из шкатулки: такая же утончённая. Как живая. Эта единственная скульптура из железа, не покрывшаяся ржавчиной. Видно, что за ней ухаживают. «Почему она одна выглядит как новая?» — подумала Хлоя и потянулась за синим цветком, к которому так усердно стремилась статуя, но намерение Хлои прервал владелец магазина, который запыхавшись бежал с криками «Ты что творишь! Не трогай! Уходите отсюда!». Джек с Норой обернулись и побежали на защиту своей дочери. Но было уже поздно. Хозяин сгнившего магазина добежал быстрее. Он взял за руку Хлою и быстро неразборчиво прошептал: «Никогда не трогай эту девочку. Поняла? Или ты хочешь пойти по стопам своего дядя Стива, которого давно как нет?» Его глаза наполнились яростью, а улыбка растянулась чуть не до самых ушей. Продавец отпустил Хлою и медленно пошёл к магазину.

— Что он сказал? — спросил мистер Селлерсен, помогая дочери встать.

— Ничего, — тихо сказала Хлоя, опустив глаза, чтобы отец не заподозрил ложь.

— Пойдёмте отсюда скорее! — умоляюще сказала миссис Селлерсен.

Все члены семьи сели в машину со смешанным чувством злобы и разочарования. Подождав несколько минут для восстановления спокойствия, Джек повернул ключи

зажигания, которые здесь и оставил, надавил как можно яростнее на педаль газа, чтобы поскорее убраться из этого места, и с тяжким грузом на душе выдохнул. Мистер Селлерсен понимал, что надежда на корректировку сложившейся ситуации в светлую сторону есть, но на это понадобится время и дополнительные силы — силы Стива. «Когда приедем, первым делом отправимся на озеро: Карл будет плавать и искать ракушки; Нора будет загорать под сияющим светилом; я и Стив будем рассказывать друг другу о своих приключениях, а Хлоя... надеюсь, она найдёт себя там», — размышлял Джек с улыбкой ребёнка, которому подарили давно обещанную игрушку.

Оставив позади полностью пропитанный зловонием заплесневелый магазин с торговцем, застывших и изувеченных естественными явлениями людей и животных, Селлерсены мчались к цели. Хлоя до сих пор видела перед собой жуткую гримасу незнакомца, а его слова «Отныне ты наш» так и преследовали её в сопровождении гула машины, ветра, дующего в сторону деревни, веток, что задевали автомобиль. Каждый шорох утаивал голос человека, произносящего снова и снова: «Отныне ты наш». Нора с Карлом вели себя спокойнее: они наблюдали из окна, как с невероятной скоростью, как на первый взгляд может показаться, мелькали похожие друг на друга безжизненные, поникшие растения и покровительствующие над ними дубы.

4

Спустя чуть больше часа мистер Селлерсен свернул в чащу леса, и, проехав ещё полмили, Селлерсены выехали к малой деревушке, полностью окружённой зеленью.

— Стив сказал, что живёт в первом доме слева, — сказал Джек, наблюдая за реакцией Норы и детей.

В их глазах блеснули искры — этого было вполне достаточно главе семейства, чтобы получить истинное удовлетворение.

Мистер Селлерсен подъехал к заросшим лианами воротам, остановился и вытащил ключи. «На этот раз лучше их взять с собой», — подумал он и вышел из машины.

— Стиви, мы приехали, открывай! — прокричал Джек и, затаив дыхание, принялся вслушиваться.

Никто не ответил.

Мистер Селлерсен краем глаза заметил синий почтовый ящик с типичными для сельских поселений белыми узорами, в котором, по его мнению, должна была лежать подсказка об отсутствии брата. Его ожидания оправдались. На дне ящика лежал белый конверт с подписью. Достав его, Джек без особо резких движений принялся за вскрытие. В нём лежало письмо и связка ключей, на клочке бумаги кривым почерком было написано: «Устраивайтесь поудобнее. Я вернусь ближе к вечеру». Джек расстроился, что до вечера не увидит своего брата, но злиться на него никак не мог.

Положив письмо в карман пальто, Селлерсен для совершения последнего рывка к финишу направился к воротам, которые на удивление оказались не запертыми. Наверное, Стив специально их так оставил, зная, что родственники скоро придут.

Съехав по каменистой дорожке, Джек припарковал машину рядом с клумбами распустившихся лилий.

— Поздравляю всех с прибытием, — торжественно объявил Джек, повернувшись лицом к пассажирам.

Карл со свойственным ему восторгом выбежал из машины. Он бегал от одной клумбы к другой и, точно волчок, крутился на месте, чтобы разом увидеть всю красоту места.

— Ты молодец, — прошептала Нора и поцеловала мужа в щетинистую щёку.

Джек улыбнулся в ответ.

Хлоя с презрением посмотрела на них и отвернулась, лишь бы не увидеть этого вновь.

— Хлоя, ты не сможешь донести вещи? — спросил мистер Селлерсен.

— Разумеется, — буркнула она в ответ и подумала: «Конечно, мне же нечем больше заняться. Я же лошадь, на которую можно сбросить все свои проблемы».

Лишь мать поняла, о чём думает сейчас дочь. Ещё с самого детства Хлои миссис Селлерсен удавалось читать её мысли. К сожалению, а может, и к счастью, хоть Карл и был идеальном ребёнком в семье, но непредсказуемости в нём хватало. Решалась эта проблема при помощи отца семейства, который в свою очередь каким-то загадочным образом предугадывал намерения ангелочка. Есть невидимая связь отца с сыном и матери с дочерью. Такие скрытые от глаз нити с течением времени перестали представлять собой сеть, связанную между собой нитями. Остались лишь две прямые, где на одной стоит отец, а на другой — мать семейства.

Скинув к стене сумки с вещами, Селлерсены отправились на поиски входа в бревенчатое одноэтажное строение. Дверь располагалась в западной части дома, которая прямоком выходила на свежескошенную лужайку, местами усеянную цветами и кустарниками.

Джек поднялся по ступенькам, вытащил из кармана ключи, доставшиеся ему от брата, вставил один из них в заржавевшую замочную скважину, медленно повернул его и, несколько замешкавшись, толкнул салатную дверь, оглушившую его скрипом.

Длинный светлый коридор провёл в зал, ставший для Селлерсенов золотым ключом от их внимания и сердца. Стекланный стол в центре комнаты был подобен алмазному алтарю — сиял от малейшего попадания луча солнца. Шторы ванильного оттенка изо всех сил старались удержать бесконечный поток небесного света. Громоздкие шкафы, уставленные книгами, сливались со стенами, у одной из которых располагалась двухместная кровать. Нельзя было

не заметить лиловый ковёр, полностью закрывавший деревянный пол, покрытый, как потом оказалось, застывшей смолой. Справа от входа в гостиную размещалась ещё одна комната с кроватью, где единственным атрибутом был синий цветок в стеклянной рамке.

— Это место занято! — крикнул Карл и прыгнул на кровать.

Хлоя, стоявшая в коридоре напротив двери, фыркнула, подошла к кровати с прыгающим братом и села на край в надежде, что Карл не заденет её.

— Посторонись — вновь прокричал в полёте Карл и торжественно спрыгнул на пол, задев ногой сестру.

Карл выбежал из комнаты в сторону гостиной, где уже располагались родители, и скрылся из виду. В Хлое кипела ненависть ко всем, кто присутствовал в доме, в первую очередь — к Карлу. У неё возникло такое чувство, будто вот-вот накинется на брата и придушит, однако это ощущение постепенно начинало угасать.

Кроме Чёрного птенчика и его внутреннего голоса никого не осталось. Хотя Хлоя и ненавидела значительную часть мира, ей всё-таки иногда хотелось поделиться своими переживаниями. Люди, которых она знала в Тайд-сити, испарялись, точно капли воды на стекле в жаркую пору. Это терзало её изнутри, и глаза наполнялись горькими слезами — слезами одиночества.

— Так, соберись! — твёрдо заявила себе Хлоя, вытирая слёзы рукавом. — Ты же «железная леди».

Последние слова стали настоящим утешением. Её улыбка так хотела появиться на маленьком кругленьком личике. Уперевшись руками в край кровати, Хлоя медленно поднялась. Вещи, которые она оставила на улице, стали ещё одним поводом выйти из этого дома.

(Окончание следует)

Ася и Серафима Кузьмины

Москва

Кот 20520 из туманности 6334

В одном российском городе жила девочка Мария, которую дома родные звали ласково — Мура. Она училась в школе, любила придумывать невероятные истории, мечтать и глядеть на звёзды. Мура знала о звёздном небе много интересного. Ей нравилось находить созвездия на ночном небе, а также планеты и далёкие туманности... И девочке так хотелось увидеть своими глазами, а не в планетарии созвездия Южного полушария — Райскую Птицу, Золотую Рыбу, Павлина, Тукана, Хамелеона и Муху...

Поэтому вечерами, глядя на звёзды, она представляла, как долго-долго будет добираться далеко-далеко на юг, на другую сторону земли. И ночное небо будет чистое и тёмное... Усыпанное россыпями созвездий... Она верила, что всё то, что она представляла в фантазиях, обязательно будет в реальности.

Ну а пока... она училась в школе, увлечённо читала книги по астрономии и ходила на мероприятия Планетария. Она уже знала, что Солнечная система находится в небольшом рукаве спиральной галактики — Млечного Пути. Знала, что Рукав Ориона назван так, потому что находится вблизи звёзд из Созвездия Ориона. Знала,

что она живёт в 27 тысячах световых лет от Галактического центра... Но все эти знания не радовали её. Ей так хотелось путешествовать! Прямо сейчас, а не потом, когда она вырастет! И иногда в своих мечтах она была очень далеко... И даже не под звёздами Южного полушария, а где-то там, в просторах Галактики...

Однажды, возвращаясь из школы, Мура увидела котёнка у подъезда. Он был самый обычный. Серая шерстка, зелёные глаза. Девочка огляделась — но рядом не было никого, кто бы мог оказаться хозяином потеряшки. Котёнок жалобно и грустно смотрел на неё. Мура решила, что возьмёт котёнка домой и разместит объявление о своей находке. Она аккуратно подняла его со ступенек, открыла дверь в подъезд и, прижимая к себе, понесла в свой дом. Мама поддержала её идею. Сначала они накормили котёнка, а потом сфотографировали его, составили и разместили в соцсетях объявление... и стали ждать.

В первые дни котёнок был очень пугливым. Он ходил по дому, только когда никого не было рядом, и очень боялся, когда его брали на руки. Мура решила, что котёнок опасается оказаться выброшенным на улицу. Девочка старалась обращаться с ним терпеливо и спокойно. Мура очень хотела, чтобы котёнок доверял ей. Девочка мечтала, что настанет такой день, когда он подойдёт к ней и запрыгнет на колени. А после, удобно устроившись, начнёт громко мурчать и разрешит погладить по спинке.

Мура покупала ему разные кошачьи игрушки — мышек, пёрышки на верёвочке, мячики... И даже купила в зоомагазине на свои карманные деньги самую мягкую лежанку — тёмно-голубую, со звёздами. Котёнок совсем не играл с игрушками, что очень расстраивало Муру, но полюбил лежанку. Но он не лежал в ней, а подолгу сидел рядом и рассматривал звёзды на тёмно-голубом фоне ткани... «Наверное, это его особенность», — думала Мура. А ещё

ей иногда казалось, что по вечерам он светится изнутри матовым молочным светом. Но когда она подходила и хотела рассмотреть этот свет поближе, свечение прекращалось...

Шли дни, а хозяин так и не находился. Мура уже стала надеяться, что этот котёнок может стать Её котёнком. Девочка даже придумала ему имя — Мур. Она Мура, а он — Мур...

В один из вечеров, когда уроки были сделаны, а рисовать и читать совсем не хотелось, Мура смотрела в окно на звёздное небо. Котёнок сидел рядом на подоконнике. Девочка показывала котёнку созвездия и рассказывала истории о них.

— Дорогой мой Мур, часть созвездий Северного полушария видна всегда, — Мура начала свой рассказ. — Это те созвездия, которые находятся поблизости с Полярной звездой. Это Большая и Малая Медведицы, Андромеда, Кассиопея, Дракон, Цефей, Рысь, Гончие Псы. Но есть и другие созвездия, которые то появляются, то заходят за горизонт. Персей, Северная Корона, Лира, Волосы Вероники, Волопас, Геркулес — они хорошо видны летом. А сейчас зима... И поэтому не видны.

Котёнок смотрел на неё очень внимательно. Мура представила, что она — лектор Звёздного зала планетария.

— Давайте найдём самое известное созвездие — созвездие Большой Медведицы! — продолжила девочка. — Смотрите внимательно!

Мура показала котёнку огромный ковш прямо над их головами.

— По передней стенке ковша проводим прямую и отсчитываем вверх около четырёх расстояний, равных длине этой стенки. Яркая звезда, к которой идёт эта линия, — Полярная звезда!

И вдруг Муре показалось, что кто-то с ней говорит, хотя в комнате была только она и Мур.

— Да, довольно интересно. В каждой Галактике есть своя красота.

Мура ещё раз взглядом обвела комнату. Котёнок продолжал смотреть на неё, и ей показалось, что он улыбнулся. И она снова услышала голос:

— Рукав Ориона, где ты живёшь, — очень небольшой Галактический рукав. Толщиной приблизительно в 3 500 световых лет и приблизительно 11 000 световых лет в длину. Ты, наверное, Мура, это знаешь. Но сколько у вас необычных и красивых явлений! Хватит на пару галактик! Я-то сам из туманности Кошачья лапа в рукаве Стрельца. Очень удачное расположение у моего дома. Туманность неподалёку от центра Млечного Пути — удобно телепортироваться. Да и от Земли тоже оказалось близко — всего-то около 5 500 световых лет! Может, ты хочешь задать мне вопрос?

Мура была удивлена, но вопрос решилась задать:

— Почему мы ничего не знаем о жизни на Кошачьей лапе? Мы могли бы дружить!

— У нас есть специальный космический экран, поэтому жители нашей галактики невидимы для вас. Да и без космического экрана мы можем стать невидимыми... но ненадолго.

Кот действительно стал исчезать.

— Обычно исчезновение начинается с хвоста и заканчивается улыбкой, — комментировал он своё постепенное исчезновение, — а появление, наоборот, начинается с улыбки и заканчивается хвостом. Жители туманности — улыбающиеся коты, умеющие по собственному желанию телепортироваться, быстро исчезать или, наоборот, постепенно растворяться, оставляя на прощанье лишь улыбку.

Мура внимательно смотрела. Ей казалось, что она раньше где-то читала о таких котях, но не могла вспомнить название книги.

— Я не первый кот из Кошачьей лапы на Земле, — продолжил говорить кот. — Не раз мы хотели установить с вами дружбу, но долговременное сотрудничество так и не получилось. Мы слишком разные... Да,

Льюис Кэрролл очень хотел, чтобы о нас знали люди. Он верил, что возможно быть вместе жителям двух разных планет. Но его история дружбы с нами показалась другим настолько необычной, что никто ему не поверил.

— А как тебя зовут? — спросила Мура.

— У нас нет имён. У каждого жителя — свой уникальный номер. У меня 20502/6334. Номера никогда не повторяются. Это очень важно — так легче найти нас в межгалактическом пространстве через систему навигации.

— А что означает твой номер?

— Я появился на планете после того, как появился номер 20501, значит, у меня номер 20502. А после меня будет 20503. — Кот удивлённо посмотрел на Муру. — А номер 6334 — это номер нашей туманности в общем каталоге.

Кот замолчал. Потом добавил:

— У вас другие имена. Это не только необычно, но и непрактично. Они часто повторяются. Да и на разных языках на вашей планете одно имя может звучать по-разному. Для межгалактического поиска ваша система имён совершенно не подходит! — кот нахмурился и стал очень серьёзным.

— А как ты оказался на нашей планете? — спросила Мура.

Кот снова заулыбался:

— Недавно дали нам очередное домашнее задание в школе межгалактических полётов. Телепортироваться. Снова... Что-то другое бы придумали! А то задания однообразные. Сначала интересно, конечно. А потом — не очень. Я уже весь Млечный Путь знаю... Долго решал я, куда телепортироваться. Думал, где ещё раз я хочу побывать-то? То ли в Крабовидную туманность, к друзьям, то ли в туманность Сердце — там очень красиво... А потом решил так — я полечу на край Млечного Пути — в рукав Персея! Вот это будет приключение! Но, видно, просчитался с расчётами... Думал сначала, что я ещё в рукаве Стрельца. Но осмотрел-

ся когда — чудно всё как-то... Кроме котов, много других существ, атмосфера есть, общение через звуки... и вспомнил, что нам про Землю в школе рассказывали. Хотел перед тем, как передать свои координаты приземления в школу, разузнать побольше, как тут у вас, да и своим друзьям потом похвастать, что на Земле побывал. Вот это приключение так приключение! А не какой-то очередной межгалактический полёт...

— А что есть у нас, чего у вас нет? — не дала договорить ему Мура.

Кот задумался:

— Сложно сказать. У наших жителей очень много способностей, которых у вас нет. Мы можем перемещаться через пространство. Менять форму, цвет. Считывать мысли других цивилизаций... Это у вас много чего нет, что есть у нас. Чего у нас нет? Хм... Воображения. Да, у нас нет этой способности! Вы фантазируете, мечтаете, можете создавать миры, которых нет. Вы можете сами представить нечто такое, чего нет в реальной действительности. Это для нас недоступно. Если мы о чём-то не знаем, то планируем полёт, собираем информацию и узнаём. У нас есть каталоги, сводные, базы и хранилища данных. Самое большое хранилище во Вселенной! Мы о Вселенной знаем всё!

Кот гордо поднял голову.

— У вас нет таких каталогов, но у вас есть фантазии, грёзы, мечты... Я бы хотел обладать такой способностью. Я пытался воображать, но это очень сложно. И, если честно, у меня ни разу не получилось. А хотелось бы научиться! Помечтать, как ты! Выйти за пределы настоящего времени и перенестись в будущее. — Кот грустно вздохнул. — Может, поэтому вы видите сны... У нас их тоже нет...

Мура внимательно слушала кота. Ей очень хотелось, чтобы у неё появились способности жителей Кошачьей лапы. Телепортация, например. Но расставаться с воображением и снами она не хотела.

— Знаешь, — сказала она. — Можно представить то, что сам не видел. Без тренировки это трудно, но можно.

— Как? — спросил кот.

— Это получается само, — ответила Мура. — Я люблю смотреть на звёзды. И представлять себе сказочные миры среди звёзд. Я знаю, что их никогда не было на самом деле и не будет... Раньше я любила фантазировать, что в этих мирах живут говорящие животные.

Мура посмотрела на кота. Он улыбнулся.

— Потом, когда я научилась читать, я стала придумывать продолжение историй, прочитанных в книгах. Сейчас я люблю фантазировать, что у меня есть машина времени! Я сажусь в неё и могу путешествовать в ближнее и в дальнее прошлое. Я даже придумала такую космическую историю... Однажды с Земли послали сообщение в далёкую галактику. И оказалось, что в ней есть разумные существа, у них тоже есть машина времени. И они послали ответ, но ошиблись, и ответ пришёл на Землю раньше, чем было послано сообщение.

Кот удивлённо посмотрел на Муру. Она смутилась и сказала:

— Я думаю, что воображение важнее, чем знания. Мы понимаем и знаем многое, но не всё. А воображение охватывает весь мир и всю Вселенную.

Мура помолчала и добавила:

— Мама мне рассказывала, что раньше жил человек — Альберт Эйнштейн, который много размышлял о пространстве и времени. И открыл много новых теорий. Потому что у него было воображение...

Кот снова внимательно посмотрел на Муру и сказал:

— Я расскажу об этом учёном жителям нашей туманности. Возможно, они придумают способ научиться мечтать и фантазировать. Но я так увлёкся твоей планетой, что не подал сигнал о своём местоположении вовремя. И каждый день, что я был с тобой, я обещал себе, что на следующее утро обязательно подам сигнал. Но каждое

утро мне так не хотелось этого делать, а хотелось узнать снова и снова что-то новое! Но прошло слишком много времени... Наверное, обо мне уже беспокоятся. Поэтому нам надо попрощаться...

Кот вздохнул и грустно улыбнулся.

— Жаль, что вы, жители Земли, не умеете ни телепортироваться, ни трансформироваться. А то полетела бы со мной на Кошечью лапу! Я бы тебе показал наши дома и наших жителей... Хотя нет, это идея плохая. Прибегут журналисты, учёные... Интервью, обследования всякие... Да ещё межгалактические туристы у нас. Тоже интересоваться будут. Так и не погостишь спокойно у меня, как я у тебя. Времени совсем не будет вечерами на звёздное небо смотреть... Так что лучше я к тебе буду прилетать! Обещаю!

Кот снова улыбнулся, потом спрыгнул с подоконника и пошёл спать на свою тёмно-голубую лежанку со звёздами. Мура долго на него смотрела, потом нашла на звёздных картах эмиссионную туманность NGC 6334 «Кошачья лапа». Может ли такое быть, чтобы её Мур был не простым котом, а пришельцем? И пока она размышляла, верить ей или нет, она заснула... А утром мама ей рассказала, что за котёнком пришёл хозяин.

— Он был очень нам благодарен и рад, что мы за котёнком приглядывали всё это время! — рассказывала ей мама. — Представляешь, Мура, он был в длительной командировке. Жаловался, что работа у него сложная, как будто межгалактический полёт через всю Вселенную. А в это время с котёнком была его сестра. Но котёнок, наверное, тосковал и пошёл искать своего хозяина. Они были так рады, что встретились! Хозяин, такой шутник, всё время обнимал котёнка и повторял ему: «А теперь домой, на Кошачью лапу! Всего 5 500 световых лет, и мы дома!»

Муре было очень жаль, что у котёнка нашёлся хозяин. Она так надеялась, что Мур станет её собственным котёнком. Хотя

мама всё повторяла и повторяла, что это огромная радость, что хозяин и котёнок снова встретились. А вечером Мура снова смотрела на звёзды и снова мечтала увидеть созвездия Южного полушария — Райскую Птицу, Золотую Рыбу, Павлина, Тукана, Хамелеона и Муху...

...Но думала она и о Кошачьей лапе, Рукаве Ориона и о котёнке Муре. Да, сейчас люди ещё не умеют телепортироваться, но если они создадут тоннель для путешествия в дальний космос? Придумают такой тоннель из растянутого пространства и времени. И смогут путешествовать быстрее света до других звёздных систем! Да, вот об этом в следующий раз она обязательно поговорит с Муром! Человек всегда летал к звёздам — во снах, легендах, сказках... и мечтах. Но, может быть, скоро станет такой день, когда эти сказки и мечты сбудутся! Может быть, всё-таки другие галактики не так далеки от нас, как нам кажется? Если у жителей его Туманности есть разные нечеловеческие способности, а у жителей Земли — воображение, то вместе они могут создать такие технологии межгалактических полётов, которые будут похожи на волшебство!

«Например, — подумала Мура, — мы создадим космолёты для путешествия

через тоннель пространства и времени». И в её фантазиях уже образовался целый ряд межгалактических кораблей в разных состояниях бесконечной невероятности. Серебристо-белая ракушка, платиново-серая сфера, цилиндрическая сине-серая капсула...

«Наверное, космолётов может быть несколько видов, — решила Мура. — Главное, чтобы они перемещались в любую точку Вселенной, туда, куда пожелают его пассажиры». Мура закрыла глаза и представила себя летящей в платиново-серой сфере, а вокруг сотни, тысячи, миллионы звёзд и планет... Безграничный космос! Вот она приближается к пространственно-временному тоннелю... проходят секунды... и происходит перемещение в новые галактики! Как это здорово! Мура открыла глаза. Полёт в платиново-серой сфере по межгалактическим мирам не показался ей чем-то фантастическим и невозможным. Она верила, что где мечты и воображение, там и безграничные возможности человека. Мура улыбнулась и посмотрела на звёздное небо. «Может быть, совсем скоро, — подумала она, — я увижу не только созвездия Южного полушария, но и туманность NGC 6334 “Кошачья лапа”».

Владимир Шишков

Космическое равновесие

Далёкие звёзды издревле светили с тёмного купола неба, притягивая взгляды, даря мечты, маня к себе. И вот сны стали явью. Люди преодолели земное притяжение и отправились покорять Вселенную. Сергей Югов, командир звездолёта «Бастиян», уже давно бороздит просторы космоса в составе экспедиций, изучающих чужие, загадочные миры. Сейчас ему предстоит выполнить спасательную операцию и помочь тем, кто находился на звездолёте «Кристалл», когда произошла авария. Вот только простое на первый взгляд задание превращается в очень сложное, полное препон и неожиданностей.

Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт *Нина Гаврикова*, руководитель МДЛК «Озарёнок»

Литературная гостиная под открытым небом «НАУМОВСКИЙ ВЕРЕТЕНЬ»

Верховье! Так называется местность, объединяющая четыре деревни. Название дано от верховья, истока реки. Живописные места привлекают разноцветием необъятных полей и лесов. Завораживающая тишина! Слышны только звуки природы: поют птицы, стрекочут кузнечики, шумит река... На высоком берегу реки Шореги стоит Наумовское. Тёплый летний вечер... По округе разливается вкусно-сладкий аромат спелых яблок... Одна за другой идут машины. Мальчишки на велосипедах, обгоняя друг друга, спешат. Сегодня в Наумовском литературная гостиная!.. Столько народу в деревне собиралось только в «Тихвинскую». Радушные хозяева — супруги Гавриковы — встречают гостей на своём приусадебном участке. Расположившись поудобнее, с замиранием сердца ждём...

Отечество — уникальное место, данное человеку судьбой и завещанное предками. Понятие «Родина» имеет несколько значений: это и великая страна с вековой историей, это и место на земле, где человек родился и рос, где находятся могилы его предков, где он познал первые радости и неудачи. Неслучайно в трудные минуты жизни люди всегда вспоминают место, где родились, где прошло детство, то есть свою малую родину.

Для Нины Павловны Гавриковой деревня Наумовское стала второй малой родиной. В августе 1991 года (30 лет назад) они с мужем решили поставить избу там, где когда-то жила мама мужа — Нина Васильевна Гаврикова (Карпова). Молодожёны начали строительство, не подозревая о том, что в Советском Союзе готовится переворот власти, что в новый дом они заедут уже в другой стране, в России. Поэтому и литературную гостиную под открытым небом решено было назвать «Наумовский веретень». Веретень — это производное от слова «веретено», «вертеть». Веретено

и прялка не просто две вещи, при помощи которых деревенские бабушки прядут, это прежде всего — символы непрерывности бытия, благодаря коим можно спрясть нить самой жизни. Проведённая творческая встреча переплела истории нескольких судеб, тем самым сделав первый виток в литературном мире земли Двиницкой.

Хозяйка вечера, приветствуя собравшихся, процитировала слова известного французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери: «Самая большая роскошь — это

роскошь человеческого общения!». Ответом на эти мудрые слова послужили строки её стихотворения «Друзья».

Татьяна Орестовна Круглова, глава Дввиничского сельсовета, провела экскурс в историю поселения, назвала фамилии немногочисленных жителей деревни Наумовское, указанных в архивных материалах: Строгалевы (три семьи), Мамаковы, Смирновы, Карповы, Кузнецовы, Кудряшovy.

Вместе вспомнили земляков-ветеранов Великой Отечественной войны: Б. В. Строгалев, А. А. Мамакову и В. П. Карпова (дедушку мужа Нины Павловны), оказавшегося в плену, как его вели на расстрел. Войска Красной Армии вовремя подоспели к концлагерю, благодаря счастливому стечению обстоятельств Василий Павлович остался жив. Супруги Гавриковы в честь деда назвали сыновей Василием и Павлом. Стихотворения, прозвучавшие на встрече, были посвящены теме патриотизма. Память погибших в Великой Отечественной войне почтили минутой молчания.

Многие стихотворения хозяйки вечера автобиографичны, в рассказах собраны реальные истории, в том числе и жителей деревни Наумовское, например, «Шаг над пропастью», «Загадка родного дома», «Грибы», «Свобода». Вспомнили Антонина Васильевича Строгалева, которому в октябре исполнилось бы 85 лет, и его жену — Тамару Николаевну. В рассказе «Шаг над пропастью» автор описывает, как ледоходом сломало балку висячего моста. Деревянный настил одним боком беспомощно полоскался в воде. Жители оказались оторванными от всего мира. Виктор Строгалев первым осмелился перебраться на другой берег. Как страшно оказалось быть на закукорках мужа, который ступал на торчащие, как развёрнутый веер, доски сломанного моста...

Многие произведения посвящены любви, взаимоотношениям, поискам себя в этом мире. Конечно, они нашли большой отклик в душах почитателей поэзии, так же, как игра для детей «Отгадай загадки». Нина Павловна готовит сборник «Знают ли ребятки, что растёт на грядке?». Школьники

наперебой выкрикивали отгадки. И взрослые не смогли удержаться, опережали детей, называя наименования овощей.

Юные участники гостинной не остались в стороне и прочли стихи: «Речка Шорега» (Ю. Круглова, 5-й кл.), «Добрые соседи» (К. Пономарёва, 3-й кл.), «Ёжик» (Ю. Черняева, 3-й кл.). Таким образом, на Дввиничкой земле произошла встреча не только с односельчанами, но и с юными читателями библиотеки, а это встреча двух поколений литературы, и все они оказались одинаково заинтересованы творчеством Н. П. Гавриковой и смогли оценить его по достоинству. Сюжеты произведений, выведены тонкой словесной вязью, где каждая поэтическая и прозаическая картина светится запоминающимися лирическими красками, автор умело переплетает воедино дар души и дар слова.

По окончании вечера участники делились мыслями о сегодняшнем состоянии литературы и твёрдо решили сделать литературную гостиную под открытым небом ежегодным праздником.

Пани Точка, Наумовское

КНИГА ОТЗЫВОВ

Желательно, чтобы «Литературная гостиная под открытым небом» стала ежегодным праздником деревни Наумовское!

Благодарю за поддержку идеи-мечты Т. О. Круглову, главу Двиницкого поселения. За помощь в проведении творческого вечера — ведущих работников Двиницкой библиотеки А. А. Костромину и Л. Ф. Моршкину и работников ДК Чекшино. Спасибо гостям праздника за активное участие, радость общения и позитив! Вечер прошёл на одном дыхании... После мероприятия долго ещё обменивались мнениями, расставаться не хотелось...

*Нина Гаврикова, поэт, прозаик,
автор произведений для детей, Сокол*

Мне посчастливилось побывать на творческом вечере, который проходил в деревне Наумовское. Впервые познакомилась с творчеством Нины Гавриковой. Её произведения оказались близки мне, потому что я родилась и живу в этих местах. Понравились также стихи и загадки для детей, они написаны ярким и доступным языком. Очень хорошо то, что зрители на встрече были не просто зрителями, а принимали в нём активное участие.

Нина Павловна, большое спасибо Вам и Вашим близким за организацию и проведение такого душевного вечера! Надеюсь,

что он у нас был не единственным. Всего Вам хорошего! Спасибо.

Марина Коровина, Чекшино

Встреча с Н. П. Гавриковой произвела на меня огромное впечатление. Нина Павловна — талантливый и многогранный человек. Её произведения трогают душу, а стихотворения и загадки для детей — просто прелесть. Она тонко чувствует природу. Место, где проходил литературный вечер, вызывает восторг. Неудивительно, что у Нины Павловны получаются такие стихотворения. Здоровья ей и вдохновения! Спасибо за приятные мгновения!

Елена Сергеевна Воробьёва, Чекшино

Приятный вечер в уютной и дружеской атмосфере! Прекрасное место, выбранное для мероприятия, и замечательная погода добавили ярких красок. Спасибо организаторам и ведущим встречи, а также детишкам... их волнению и старанию! И, конечно, огромное спасибо Н. П. Гавриковой за её творчество! Приобрели книжки, кое-что уже прочли. С данным мероприятием связаны самые тёплые и светлые воспоминания.

Юлия Воронина, Вологда

Непредсказуемой, неожиданной, своевременной и в какой-то степени поворотной оказалась встреча с Н. П. Гавриковой. Вживую Нина Павловна оказалась такой искренней, простой, умудрённой жизнью женщиной!

Читала её стихотворения, когда работала в Двиницкой библиотеке, давно хотелось познакомиться лично. Листая книгу «Поворот судьбы», я знакомила читателей с творчеством Нины Гавриковой. К сожалению, тогда не получилось организовать

встречу. Слава Богу, что это произошло теперь! Да ещё в таком чудесном месте в день праздника Преображения Господня. Своим талантом, сердечной теплой она согревает души людей, а в наше непростое время так необходимо знать, что есть на земле то, ради чего стоит жить. Будем надеяться на дальнейшее творческое общение. Было бы здорово в августе проводить литературные праздники в нашем краю. Темы для этого есть, их много, а люди ждут, хотят больше узнать о своих корнях, о прошлом... Об исторических событиях наших деревень надо говорить, помнить и передавать знания следующим поколениям. С надеждой на дальнейшее общение, с чувством глубокой признательности и благодарности!

*Наталья Александровна Дементьева,
Чекино*

ОТЗЫВЫ ДЕТЕЙ (3–5-е классы)

Мне понравились на празднике стихи, загадки, чаепитие!

Юля Черняева, 3-й класс

На литературном вечере «Наумовский веретень» мне понравились загадки и стихи. Большое спасибо Н. П. Гавриковой за книгу «Кастальский ключик»! Запомнилось чаепитие на природе.

Юлия Круглова, 5-й класс

Спасибо за подаренные нам книги!

Катя Платова, 4-й класс

Н. П. Гаврикова передала в дар Двиницкой библиотеке две коробки с авторскими книгами и коллективными сборниками издательства «Союз писателей» (г. Новокузнецк), где напечатаны и её работы. Читатели смогли окунуться в прекрасный мир литературы своего региона и других городов России. Денежные средства от продажи книг она планирует перевести на восстановление Николо-Троицкой Двиницкой церкви в Шадрино.

Речка Шорега

Плёсо. Камни. Речка Шорега.
Будто в шапках набекрень
Стерегут два брата берега
Путь до ближних деревень.
Мостик ладный — лавы новые
Полумесяцем висят.
Доски, хоть и не дубовые,
Под ногами не скрипят.
Столько здесь бывало ноженек
Босых, в лаптях, в башмаках,

И, собрав всю пыль с дороженек,
Шли в калошах, в сапогах.
Век другой. Машины важные:
Нивы, волги, жигули
На мосту спешат отважные,
Знай теперь сиди-рули.
Плёсо. Камни. Речка Шорега,
Будто в шапках набекрень,
Как и встарь два брата берега
Шлют привет из деревень.

Николо-Троицкая Двиницкая церковь в Шадрино

Знакомый с детства уголок природы.
Густые травы летом просятся в стога.
Разрушенного храма стонут своды:
«Смывают фрески талые снега».
В ковре цветастом прячутся дороги.
Картина северной неброской красоты.
А ощущение странное тревоги,
Уныния, печали, пустоты.
Недавно рухнул крест и на могилах,
Как глыба неподъёмная лежал.
И трое мужиков поднять не в силах.
На удивленье — ночью крест пропал.
Налётчики разрезали на части.
(Цена в пять раз взметнулась на металл.)
Святая Русь у дьявола во власти?
Народ российский разве обветшал?!
Забыли? «Прутик слаб по одиночке —
Единый, целый веник не сломать!»
Наверно, мы дошли уже до точки,
Пора нам храм Николы поднимать.
Богоугодным он стоит на взгорке,
Останки пятиглавья смотрят вниз.
Заброшенные церкви — опыт горький...
Ждут ангелы¹, чтоб возродилась жизнь!..

Дачники

Иней сахарной пудрой осыпал мостки.
У калитки навёртышек² скрипнул тревожно.
Сумрак ночи прокрался к домам воровски,
А землей овладела тоска-безнадежность.
Эх, российский простор!..

Хоть кричи, ни кричи —
Ни души на сто вёрст,
лишь кресты на погосте.

Потеряли от родины малой ключи.
Приезжаем в деревню на лето, как гости,
И живём, словно в прошлое заперта дверь.
Избы прадедов наших давно нежилые.
Интернет вездесущий не знали досель,
В технологиях чудных и мысли чужие.
Время-жернов вращает веков колесо,
Говорят, что традиции все устарели.
Деревенский народ был всегда хлебосол
А теперь не до хлеба, устали от зрелищ...

¹ Есть такое поверье: в заброшенных храмах живут ангелы. Тихо и безропотно стерегут двери и окна, ожидая тех, кто придёт и поднимет из руин то, что было создано нашими предками.

² Навёртышек — деревянный брусочек для запираения дверей, вращающийся на гвозде, которым он прибит.

Василиса Кошкина

Домодедово,
Московская обл.

Апчхоня, Апчхуся и Апчхида

Когда в носу щекотно,
то там шалят всегда, да-да!
Весёлые подружки
Апчхоня, Апчхуся, Апчхида!
Ну да?!

Залезут в нос к медведю
и к тигру без труда. Да-да!
И там фейерверк устроят
Апчхоня, Апчхуся, Апчхида!
Ура!

Дракон огнём чихает,
но это не беда, да-да!
На нём сосиски жарят
Апчхоня, Апчхуся, Апчхида
Ага!

Слон далеко чихает,
и вот летят тогда, да-да!
Смеются и хохочут
Апчхоня, Апчхуся, Апчхида.
Ха-ха!

Когда приходят к людям
на Землю холода, да-да,
В носы ползут греться
Апчхоня, Апчхуся, Апчхида.
Бр-р-а-а!

Им не нужны квартиры,
машины, поезда... Да-да!
В носках сопят уютно
Апчхоня, Апчхуся, Апчхида.
Хр-р-а!

Чихают птички, кошки,
букашки иногда, да-да,
Ко всем приходят крошки
Апчхоня, Апчхуся, Апчхида!
Ура!

Там, где бывает грустно,
спешат они туда,
И снова слышно всюду:
Апчхоня! Апчхуся! Апчхида!
Апчха!

Микробчики

Сказка

Жила-была девочка, которая не слушалась маму и часто облизывала свои ручки. Мама ей говорила:

— Нельзя брать руки в рот! На них живут микробчики!

Но девочка не слушалась. Сколько не смотрела она на пальцы, не могла она разглядеть там малюсеньких созданий — микробчиков, про которых рассказывала мама. Зато пальцы часто оказывались в шоколаде, варенье, сахаре, в креме и прочих вкусных продуктах!

И вот однажды, когда девочка в очередной раз облизала пальцы, к ней в животик полетела целая семья микробчиков, которые как раз искали новый дом и думали, где бы им поселиться.

В животе у девочки было тепло и уютно, вкусно пахло конфетами, котлетами, макаронами, компотом и печеньем. Микробчики очень обрадовались, что им достался такой замечательный животик, и они решили остаться в нём жить. И как только они это решили, у девочки подозрительно забурчал животик.

— Ой, — поморщилась девочка, — и потёрла животик ручкой.

— Что случилось? — заволновалась мама. — Ты опять облизала ручки? У тебя болит животик? К тебе попали микробы?

— Нет, — соврала девочка. Она понимала, что если скажет правду, то её начнут лечить, а это совсем неприятно.

Но в это самое время микробчики начали строить себе новый дом. Они прямо в животе у девочки развернули целую стройку! Микробчики таскали доски, пилили брёвна, заколачивали гвозди и даже сверлили дрелью...

— Ой-ой-ой! — закричала девочка. Она уже поняла, что всё-таки проглотила микробчиков, но признаться маме — значило

поехать к врачу, а его она боялась больше малюсеньких невидимых микробчиков, потому что он был большой и его было видно.

А микробчики достроили дом и начали шумно отмечать новоселье: они пели песни и танцевали, топали и кружили хороводы.

— Ой-ой-о-о-о-ой! — застонала девочка. — Убирайтесь, противные микробы!

Но они и не думали убираться! Микробчики мальчики и девочки играли в мячик и догонялки, их папы продолжали заниматься стройкой, микробчики мамы — стиркой и готовкой, микробчики бабушки — вязанием и разведением микробчиков кошек, которые мгновенно начали точить когти о живот девочки, а микробчики дедушки шумно играли в домино и громко стучали игровыми костяшками.

— Караул! — взмолилась девочка. Она легла на диван, скрючилась, а температура противно поползла вверх.

Девочке было очень плохо, и, словно во сне, она понимала, что в животе уже целое микробное государство. И что даже есть парки аттракционов для микробчиков с каруселями и горками, есть джунгли с дикими микробчиками бегемотами и микробчиками жирафами, есть дороги и магазины, есть трамваи и поезда... И им так хорошо, что они остаются там навсегда и даже не догадываются, как девочке плохо. Может быть, если бы они знали, что ей так больно, то им стало бы стыдно и они ушли бы, но они не знали.

— Мама! — позвала девочка. — Помоги мне выгнать микробчиков, пожалуйста! Я никогда больше не буду брать руки в рот!

Приехал врач Глеб Семёнович Лечебников, посмотрел строго через свои большие очки и сказал:

— В больницу!

Долго-долго выгоняли из девочкиного животика всех микробчиков, которые никак не хотели уходить. Кололи уколы, ставили капельницы, делали клизмы и давали горькие микстуры. Наконец, когда животик как следует промыли и даже

микробчика мухи в её животе не осталось, она выздоровела, порозовела и снова стала весёлой, но уже послушной.

И с этих пор девочка никогда не облизывает пальцы, а руки всегда моет с мылом и как следует вытирает их салфетками.

Иллюстрации Алисы Дьяченко

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
journalsp.ru

Для писем и предложений
sp@izdat-kniga.ru

Страницы в социальных сетях
vk.com/journal_sp
facebook.com/journalsp

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
izdat-kniga.ru